This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Crus
855
3

Bibliothèque
du Comte Riant

Crus 855.3

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY

FROM THE LIBRARY OF
COUNT PAUL RIANT

MEMBER OF THE
INSTITUTE OF FRANCE
HISTORIAN OF THE
LATIN EAST

MDCCCC

GIFT OF J. RANDOLPH COOLIDGE
AND ARCHIBALD CARY COOLIDGE

ЛАТИНСКІЕ ИМПЕРАТОРЫ

въ

КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Историческое изслѣдованіе

П. Медовикова.

МОСКВА.

1849.

ЛАТИНСКІЕ ИМПЕРАТОРЫ

въ

КОНСТАНТИНОПОЛѢ

И ИХЪ ОТНОШЕНІЯ КЪ НЕЗАВИСИМЫМЪ ВЛАДѢТЕЛЯМЪ ГРЕЧЕСКИМЪ И ТУЗЕМНОМУ НАРОДОНАСЕЛЕНІЮ ВООБЩЕ.

Историческое изслѣдованіе

Petr Efimovitch Medovikof

П. Медовикова.

НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1849.

Crus 855.3

Harvard College Library
Gift of J. [illegible] College
and A[illegible] College
[illegible]

Печатать по опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета. Ноября 17 дня 1849 года.

Секретарь Совѣта Алексѣй Жигаревъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Если крестовые походы вообще принадлежатъ къ величайшимъ и наиболѣе поразительнымъ явленіямъ въ исторіи человѣчества, какъ движенія цѣлаго семейства народовъ, увлекаемыхъ съ родной почвы не необходимостью обезпеченія своего существованія, не стремленіемъ къ приобрѣтенію временныхъ благъ, но могущественною, непреодолимою силою нравственно-религіозной идеи, обхватившей все Западно-Европейское общество: то и завоеваніе крестоносцами Византіи, и владычество ихъ въ древней столицѣ Востока и на классической почвѣ Эллады и Пелопоннеза составляютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ въ повѣствованіи объ этихъ великихъ движеніяхъ Европейскихъ народовъ. Здѣсь видно уклоненіе отъ общей цѣли крестоносныхъ ополченій, уклоненіе, обильное слѣдствіями и въ отношеніи судьбы развалинъ древняго Римскаго міра, среди которыхъ поселились завоеватели, и въ отношеніи судьбы той священной страны, которую они забыли для новаго отечества.

Въ эпоху крестовыхъ походовъ, представляющихъ полное развитіе великой брани между міромъ Христіан-

скимъ и міромъ Магометанскимъ, весь Западъ, по призывному гласу Римскаго первосвященника, устремляется на враждебныя царства невѣрныхъ: въ эпоху завоеванія Константинополя, крестоносцы, дотолѣ столь покорные тому, кто приобрѣлъ безпредѣльное вліяніе на умы народовъ, забываютъ свое назначеніе, свое святое призваніе, и дѣлаются орудіемъ для выполненія властолюбивыхъ замысловъ Венеціянцевъ. Успѣвъ заглушить призывающій и наказующій гласъ пастыря, и имѣя въ виду только собственные интересы, хитрые республиканцы увлекаютъ бо̀льшую часть бароновъ и рыцарей отъ одного предпріятія къ другому, еще болѣе смѣлому, болѣе опасному; увлекаютъ надеждою на приобрѣтеніе богатой добычи, обширныхъ владѣній и отчасти на распространеніе Латинской вѣры въ странѣ, которая всегда была средоточіемъ оппозиціи противъ властолюбивыхъ замысловъ Римскаго іерарха. Тридцать тысячъ витязей совершаютъ завоеваніе, для нихъ самихъ удивительное, едва постижимое, плодъ изступленной храбрости, свойственной рыцарству среднихъ вѣковъ, храбрости, столь противоположной тому малодушію, въ которомъ современные писатели упрекаютъ тогдашнихъ Грековъ.

Надежда подчинить Риму Восточную Церковь, безъ сомнѣнія, была тѣсно связана съ идеею о крестовыхъ походахъ, хотя и крылась въ глубинѣ. Вотъ почему папа, противившійся предпріятію противъ Константинополя, не могъ не радоваться его блестящему успѣху, не могъ слишкомъ порицать крестоносцевъ, ослушавшихся его воли; вотъ почему и онъ, какъ бы забывая на время Палестину, наконецъ согласился съ героями, не разъ повторявшими клятву освободить Іерусалимъ, и, между тѣмъ, все болѣе и болѣе уклонявшимися отъ прямой цѣли своего ополченія, что ихъ присутствіе, по крайней мѣрѣ

до времени, необходимѣе въ странѣ Христіанской, покоренной ими для того, чтобъ во всемъ Христіанствѣ было едино стадо и единъ пастырь. Однако этотъ властолюбивый пастырь сначала одобрялъ завоеваніе только потому, что оно, по мнѣнію его, едва ли искреннему, должно было служить ручательствомъ скораго завоеванія Палестины — великой цѣли подвиговъ Христіанскихъ ополченій. Вслѣдствіе такого образа мыслей, Латинская Церковь сулила за принятіе креста на защиту новой имперіи тѣ же земныя и небесныя награды, какими пользовались подвизавшіеся за Іерусалимъ: довольство и почести съ одной стороны, отпущеніе грѣховъ и вѣнецъ мученическій съ другой. И такъ завоеваніе Палестины стало служить предлогомъ для другихъ предпріятій, отчасти имѣвшихъ цѣлью чисто-земныя выгоды; крестовые походы казались папамъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для осуществленія видовъ властолюбія. Но вмѣстѣ съ измѣненіемъ прямой цѣли этихъ ополченій, измѣнился на Западѣ и образъ мыслей о предпріятіяхъ за Іерусалимъ. Хотя мысль о ихъ выгодахъ сохранилась еще довольно долго [1], но усердіе къ нимъ болѣе и болѣе потухало вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія Европейскихъ народовъ, вслѣдствіе многихъ горькихъ опытовъ, сдѣланныхъ столькими поколѣніями. При такомъ расположеніи умовъ, Римскіе іерархи, невольно допустившіе, въ началѣ XIII вѣка, ниспроверженіе Державы, которая, можетъ быть, еще долго служила бы оплотомъ противъ Сарацынъ, и которой не замѣнила, ни въ какомъ отношеніи, основанная на развалинахъ ея феодальная конфедерація, не могли поддержать ни этой

---

[1] См. Marini Sanuti Torselli liber Secretorum Fidelium Crucis super Terrae Sanctae recuperatione et conservatione.

послѣдней, ни жалкихъ остатковъ Христіанскаго владычества въ Палестинѣ, не смотря на усердіе Людовика IX, отставшаго отъ образа мыслей современнаго ему поколѣнія. Призывный гласъ пастырей XIII вѣка не находилъ въ стадѣ, не менѣе многочисленномъ, но уже умудренномъ опытностью, тѣхъ покорныхъ овецъ, которыхъ прежніе папы сотнями тысячъ посылали на закланіе въ области, отторгнутыя отъ Христіанскаго міра враждебными послѣдователями лжепророка. Если все еще собирались небольшія крестоносныя ополченія для поддержанія господства Христіанъ въ Палестинѣ, то Латинская имперія поглощала часть ихъ, и въ ней самыя дружины крестоносцевъ утрачивали религіозный характеръ, вступая въ службу Греческихъ владѣтелей, враговъ ихъ вѣры. Такъ она болѣе или менѣе способствовала утратѣ священной земли; и сама, не смотря на эту скудную помощь съ Запада, гдѣ впрочемъ, кромѣ папы и Венеціянцевъ, немногіе принимали искреннее участіе въ завоеваніи 1204 года, не могла быть долговѣчною, основанная горстью завоевателей среди народа враждебнаго, озлобленнаго притѣсненіями чужеземцевъ. Подвергаясь нападеніямъ многочисленныхъ враговъ, она, уже въ первое время своего существованія, обнаруживала всѣ признаки близкаго паденія.

Общая покорность Грековъ никогда не освящала права завоеванія, основаннаго на одномъ мечѣ; въ самой столицѣ, уступая необходимости, покорился чужеземному владычеству только простой народъ; высшіе классы искали убѣжища и свободы въ болѣе или менѣе отдаленныхъ областяхъ. Многіе Греческіе вельможи, потомки или родственники прежнихъ Императорскихъ династій, основали самостоятельныя государства, существовавшія возлѣ многочисленныхъ Латинскихъ княжествъ; и Визан-

тійская имперія, по выраженію Никифора Григорія [1], раздробилась на мелкія части, подобно великому кораблю, застигнутому бурею и разбитому волнами морскими. Бо̀льшая половина этихъ обломковъ вошла постепенно въ составъ Никейской имперіи; и одному изъ государей ея было суждено положить конецъ чужеземному владычеству въ Константинополѣ и занять древній тронъ Византійскихъ Императоровъ. Но и искуснѣйшему зодчему невозможно возсоздать прежняго корабля изъ обломковъ, поврежденныхъ чуждою стихіею и полуразрушившихся: потому имперія, возстановленная Михаиломъ Палеологомъ, не только не обнимала всѣхъ прежнихъ областей, но и въ устройствѣ своемъ невполнѣ сохранила тотъ античный характеръ — остатокъ древняго Римскаго міра, который былъ напечатлѣнъ на всѣхъ формахъ, отражался во всей организаціи прежней Византійской имперіи.

Обращая вниманіе на судьбу Латинскаго владычества въ Константинополѣ, мы можемъ, при кратковременности его, отличить однако періодъ быстраго распространенія завоеваній, хотя и весьма короткій, продолжавшійся только до битвы при Адріанополѣ; періодъ поддержанія завоеваній in statu quo до смерти Императора Генриха и періодъ совершеннаго упадка, отъ смерти Генриха до изгнанія Балдуина II (1-й отъ 1204 до 1205 года; 2-й отъ 1205 до 1216-го; 3-й отъ 1216 до 1261 года). Періода процвѣтанія не было и не могло быть при бѣдствіяхъ, постигшихъ Латинскую имперію въ самомъ началѣ ея существованія.

Немедленно за покореніемъ Константинополя послѣдовало завоеваніе областей, одной за другою — завоеваніе, столь быстрое и ознаменованное столь блестящими успѣ-

---

[1] Nicephori Gregorae Byzantina historia: L. I, C. 2, p. 13, (Bonnae 1829).

хами, что авторъ жизнеописанія Иннокентія III уподобляетъ ужасъ, распространяемый дружинами крестоносцевъ, ударамъ молніи [1]. Новыя толпы, привлекаемыя молвою о побѣдахъ своихъ единоземцевъ, непрестанно приходили съ Запада, и, по выраженію Никиты Хоніата [2], подобно хищнымъ птицамъ, пересѣкающимъ воздушное пространство, устремлялись на Грецію. Но потокъ, неудержимо распространявшійся, и грозившій поглотить политическую и религіозную самостоятельность, можетъ быть, и самую національность Грековъ, вдругъ встрѣтилъ преграду со стороны давнишнихъ враговъ тѣхъ, кому онъ грозилъ истребленіемъ — и битва при Адріанополѣ, битва роковая для Латинскаго владычества, положила предѣлъ быстрымъ успѣхамъ перваго года. Какъ страшная гроза, говоритъ Никифоръ Григорій [3], разразилась она надъ кратковременнымъ могуществомъ завоевателей, и спасла уцѣлѣвшія части Греческой имперіи отъ неизбѣжной гибели.

Съ этого времени имперія Латинская уже не расширяла своихъ предѣловъ; только Венеціянцы еще распространяли свое господство на островахъ, и Французскіе рыцари утверждали его въ Мореѣ. Но она отстаивала прежнія завоеванія, и съ успѣхомъ отражала нападенія Булгарскаго царя, пока Греческія государства, возникшія въ Европѣ и Азіи, не окрѣпли и не усилились, пока ею управлялъ благоразумный, мужественный и твердый Генрихъ, которому одному было по плечу господство, опи-

---

[1] Muratori Scriptores Rerum Italicarum, T. III, Vita Innocentii III: C. 106, p. 548.

[2] Nicetae Choniatae Historia: Urbs capta.

[3] Nic. Gr. B. Hist. l. 1, C. 2: «καὶ τὰ ἔσχατα τῆς ἀπωλείας τοῖς ἐπιλοίποις Ῥωμαίοις ἐπήνεγκαν, εἰ μὴ καθάπερ ἠχος μεγάλης βροντῆς ἐξαίφνης ἡ Βουλγαρικὴ φήμη καταῤῥαγεῖσα τούτους ἐξέπληξε.»

равшееся на мечъ разсѣявшихся по провинціямъ рыцарей, на сомнительную покорность побѣжденныхъ. Съ кончины его начался періодъ неудержимаго упадка; и взятіе въ плѣнъ Петра Оксеррскаго деспотомъ Эпирскимъ, по сознанію Георгія Акрополита [1], много содѣйствовавшее успѣхамъ Грековъ, было только первымъ изъ тѣхъ бѣдствій, которымъ подвергались Латинцы до 1261 года. Сынъ и преемникъ Императора, не видавшаго своей столицы, не только не могъ поддержать колеблющагося трона, но не умѣлъ приобрѣсти и уваженія своихъ своевольныхъ бароновъ. Іоанну Бріеннскому было не по плечу бремя, которое онъ возложилъ на себя въ глубокой старости; и спасая столицу отъ нападеній сильнѣйшихъ враговъ, Ватацеса и Асѣна, онъ не могъ ей возвратить господства даже надъ ближайшими областями, безъ которыхъ она была лишена жизненныхъ силъ. Тѣмъ менѣе былъ въ состояніи влить новыя силы въ безжизненный трупъ послѣдній изъ Латинскихъ императоровъ, занимавшихъ тронъ Константинопольскій и первый изъ носившихъ пустой титулъ: путешествія его по Европѣ и скудныя подаянія папъ и западныхъ государей не приносили существенной пользы, и не могли спасти его умиравшей имперіи. Отрядъ, посланный Никейскимъ императоромъ не для завоеванія, а только для развѣдыванія, положилъ конецъ ея ничтожному существованію: только на островахъ, гдѣ самое положеніе Венеціянскихъ владѣній доставляло имъ бо̀льшую прочность, и въ собственной Греціи, гдѣ господствовала храбрая фамилія Вильгардуеновъ, и гдѣ самыя формы феодализма приняли болѣе стройное развитіе, Латинцы удержали свое владычество отчасти до распространенія Турецкихъ завоеваній.

---

[1] Georgii Acropolitae Annales C. 14. (Ed. Bonnae 1837).

Имѣя задачею только изображеніе судьбы Латинской имперіи до завоеванія Константинополя Михаиломъ Палеологомъ, мы обратимъ особенное вниманіе на отношенія Латинскихъ императоровъ къ независимымъ владѣтелямъ, какъ Греческимъ, такъ и царямъ Булгарскимъ, вмѣшательство которыхъ въ отношенія побѣжденныхъ къ завоевателямъ имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу и тѣхъ и другихъ, не вдаваясь впрочемъ въ подробности военныхъ дѣйствій, которыя можно найти у современныхъ писателей Греческихъ и Латинскихъ; обратимъ также вниманіе и на устройство внутреннее Латинской имперіи и на отношенія императоровъ къ покоренному Греческому народонаселенію, по скольку изображеніе ихъ возможно по скудости, въ этомъ отношеніи, источниковъ. Современные историки Греческіе и западные, описывая подробно войны, какъ событія, наиболѣе поражавшія ихъ умъ, иногда чуждый просвѣщенной наблюдательности, почти не обращаютъ вниманія на положеніе покореннаго общества [1]; и всѣ извѣстія, сообщаемыя ими, ограничиваются немногими кое-гдѣ разбросанными, случайными замѣчаніями. Что жъ касается до драгоцѣннаго памятника законодательства крестоносцевъ-завоевателей: постановленій Іерусалимскихъ, примѣненныхъ къ Латинской имперіи, то и отсюда можно почерпнуть только картину взаимныхъ отношеній, правъ и обязанностей членовъ Феодальнаго общества, утвердившагося въ Греческихъ областяхъ. Отноше-

---

[1] Бюшонъ, съ любовью и успѣхомъ изучавшій памятники владычества своихъ соотечественниковъ въ Византійской имперіи, говоритъ въ предисловіи къ изданной имъ хроникѣ Морейской: «Les chroniqueurs byzantins sont assez circonstanciés sur les querelles entre les empereurs francs et les empereurs grecs; mais ils se taisent sur l'administration intérieure des provinces conquises, et rien jusqu'ici n'avait rempli d'une manière satisfaisante cette lacune historique. L'infatigable Du Cange est bien loin lui même d'être complet à cet égard.»

нія покоренныхъ къ побѣдителямъ, предоставленныя, по большой части, потребностямъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ и произволу вассаловъ, не могли быть предметомъ особаго попеченія и по духу, свойственному законодательству того времени, и еще болѣе потому, что эти отношенія, по кратковременности и непрочности господства завоевателей, не могли получить надлежащаго развитія, не могли выразиться въ твердыхъ, постоянныхъ формахъ.

Такимъ образомъ неполнота этого изслѣдованія есть необходимое слѣдствіе скудости источниковъ, которые, въ настоящее время, имѣемъ предъ собою: можетъ быть, новыя открытія въ небогатомъ архивѣ исторіи Латинскаго владычества въ Византійской имперіи прольютъ новый свѣтъ на многіе для насъ еще темные предметы, и дадутъ возможность, со временемъ, дополнить настоящій трудъ.

ГЛАВА I.

ЗАВОЕВАНІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ЛАТИНЦАМИ И ОТНОШЕНІЯ ПОБѢДИТЕЛЕЙ КЪ ПОБѢЖДЕННЫМЪ.

Германскія дружины нанесли роковой ударъ западной половинѣ Римской имперіи, уже давно утратившей внутреннія силы и готовой къ разложенію; восточная половина уцѣлѣла, не смотря на то, что, въ эпоху перехода Европы къ новой жизни, подвергалась не менѣе страшнымъ нападеніямъ какъ со стороны народовъ, уже въ глубокой древности поселившихся на Европейской почвѣ, такъ и со стороны вновь прибывшихъ изъ общей колыбели рода человѣческаго; не смотря на то, что племя Славянское проникло въ самыя внутреннія провинціи ея, и, не удержавъ здѣсь политической самостоятельности, разложило стихіи народонаселенія, присоединивъ къ нимъ новую, едва ли не преобладающую въ нынѣшнихъ Грекахъ[1]. Но эта уцѣлѣвшая, хотя уже утратившая всѣ Азіатскія области половина древняго Римскаго міра подверглась новымъ опасностямъ въ эпоху крестовыхъ

[1] Fallmerayer: Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters и его же: Fragmente aus dem Orient 2 Th.

походовъ, когда она должна была принимать страдательное участіе въ великихъ ополченіяхъ міра Христіанскаго противъ Магометанскаго, когда въ областяхъ и самой столицѣ ея стали являться безчисленныя полчища защитниковъ, заключавшія въ себѣ всѣ элементы давнишней непріязни къ ожидавшимъ отъ нихъ защиты.

Противоположность національная, выражавшаяся въ языкѣ, характерѣ и обычаяхъ, различная степень образованности [1] и, болѣе всего, вражда религіозная давно отдалили Грековъ отъ народовъ западной Европы, являвшихся въ глазахъ ихъ варварами [2] и отступниками отъ истинной вѣры [3]. И между тѣмъ эти варвары, съ своей стороны, почитали Грековъ виновниками ересей, перешедшихъ съ Востока въ западную Европу [4], презирали ихъ за слабость и тщеславіе, презирали [5] и самое образованіе ихъ, классическая односторонность котораго замѣтна даже и въ просвѣщеннѣйшихъ между Византійцами [6]. Такимъ образомъ, когда въ Константинополѣ появились полчища крестоносцевъ столь многочисленныя, что Алексій Комненъ, такъ много содѣйствовавшій своими просьбами и обѣщаніями ополченію Запада, никогда не ожидалъ подобныхъ, положеніе его имперіи, безъ сомнѣнія, сдѣлалось весьма опаснымъ; и Гиббонъ [7] удачно сравниваетъ обстоятельства, въ которыхъ находился императоръ, съ положеніемъ

---

1 Heeren гов: «der Charakter der Nationen und die Grade ihrer Cultur waren viel zu verschieden, als daß eine enge Verbindung hätte statt finden können.» (Versuch einer Entwickelung der Folgen der Kreuzzüge für Europa).

2 Никита Хоніатъ гов. о Латинцахъ: «*τοῦ κάλου ἀνέρυστοι βάρβαροι*»; и въ друг. мѣстѣ: «*παρ' ἀγραμμάτοις βαρβάροις καὶ τέλεον ἀναλφαβήτοις*».

3 Уже Патріархъ Фотій гов: «*Ἄνδρες δυσσεβεῖς καὶ ἀποτρόπαιοι· ἄνδρες ἐν σκότου ἀνάδυντες*» (Phot. Ep.).

4 См. Gibbon: History of the decline and fall of the Roman empire Chapt. 61.

5 См. Nic. Chon. U. C., гдѣ онъ описываетъ насмѣшки крестоносцевъ надъ Греками послѣ взятія города.

6 Эта односторонность слишкомъ очевидна и въ Никитѣ Хоніатѣ, который государство Маркграфа Монферратскаго называетъ морскою Державою — with the vain ignorance of a Greek, прибавляетъ Гиббонъ.

7 H. of the fall and decline of the R. empire, Ch. 61.

пастуха, жаловавшагося на недостатокъ воды и потомъ лишившагося и стада и хижины, когда Гангъ, вслѣдствіе его молитвы, измѣнилъ свое теченіе. Противоположный разсказъ западныхъ лѣтописцевъ [1] и царевны Анны [2] объясняется враждебнымъ расположеніемъ и противоположностью интересовъ двухъ націй, принужденныхъ обстоятельствами имѣть однихъ враговъ; самыя дѣйствія Алексія Комнена, безъ сомнѣнія отчасти скрытыя его дочерью, оправдываются дальнѣйшею судьбою имперіи, столицу которой, въ эпоху 1-го крестоваго похода, спасла только осторожность этого Государя, хотя и коварная, какъ называютъ ее западные историки. Преемники его, не могшіе остановить теченія потока, принявшаго постоянное направленіе чрезъ Грецію, прибѣгали къ мѣрамъ еще болѣе враждебнымъ: Эммануилъ Комненъ и Исаакъ Ангелъ вступали въ дружественныя связи съ Мусульманами, съ явною цѣлью погубить знаменитѣйшихъ изъ предводителей крестоносцевъ; и коварные поступки ихъ опирались на всегдашнюю готовность подданныхъ содѣйствовать истребленію полчищъ, столь склонныхъ къ грабежу. Такимъ образомъ крестовые походы не уменьшили, но усилили это враждебное расположеніе: оно было такъ велико, что Греки, какъ жаловались жившіе въ Константинополѣ Франки, скорѣе уживались съ Сарацынами, нежели съ ними [3]; что они, по словамъ императора Балдуина, вмѣняли себѣ почти въ заслугу проливать кровь ненавистныхъ Латинцевъ, называя ихъ не людьми, а псами. [4]

Между тѣмъ сынъ того Исаака Ангела, который старался коварнымъ образомъ погубить одного изъ величайшихъ

---

1 См. Bongarsii gesta Dei per Francos и Recueil des historiens des Croisades.

2 Annae Comn. Alexiados L. XIX. rer. ab Alexio patre gestarum.

3 Guntheri historia Constant.; Хроника Морейская, изд. Бюшона, стр. 20.

4 Письмо Балдуина I къ Иннокентію III (Muratori T. III, vita Inn. III): «Haec est (gens), quae Latinos omnes non hominum nomine dignabatur, sed canum; quorum sanguinem effundere pene inter merita reputabant.» Въ Хроникѣ Морейской (стр. 20): «Σκύλλους μᾶς ὀνομάζουσι.»

императоровъ Запада, принявшаго, на закатѣ дней, крестъ для освобожденія Іерусалима, забылъ осторожную политику прежнихъ Греческихъ императоровъ, и, увлекшись желаніемъ отмстить дядѣ за ослѣпленіе отца и за собственное изгнаніе, обратился къ враждебнымъ крестоноснымъ дружинамъ съ просьбою о помощи. Но рожденный, по выраженію Никиты Хоніата, на гибель отчизны [1], онъ погибъ и самъ, поставивъ себя въ затруднительное положеніе между двумя непріязненными народами.

Въ началѣ тринадцатаго вѣка, войско крестоносцевъ, побужденныхъ къ принятію креста краснорѣчивою проповѣдью Фулькона Нельискаго, послужило орудіемъ для распространенія владѣній Венеціянцевъ. Принимая и въ крестовыхъ походахъ участіе только по расчетамъ коммерческимъ, дальновидные спекуланты, подрядившіеся доставить крестоносцамъ корабли для переѣзда, не забыли включить въ договоръ съ ними [2], что они должны заплатить сполна 85,000 марокъ серебра за снаряженныя транспортныя суда, хотя бъ и не заняли всѣхъ. Договоръ разорительный для рыцарей, отъ которыхъ отдѣлились многіе товарищи: но думая только о завоеваніи Палестины, куда призывали ихъ вѣра и честь, гдѣ ожидали героевъ вѣнки лавровые и мученическіе, они рѣшились продать всѣ драгоцѣнности свои [3]. Когда жъ вырученной суммы недостало на уплату, престарѣлый, почти лишившійся зрѣнія [4] дожъ Венеціянскій, соединявшій съ духомъ расчетливости и бережливости, свойственнымъ купечествующему народу, властолюбивые замыслы, предложилъ баронамъ и рыцарямъ удовлетворить требованія республики содѣйствіемъ къ покоренію возмутившейся Цары. Однако Дандоло не простилъ,

---

[1] «ὃν ἐκεῖνος (Исаакъ) ἐφύτευσεν, ὡς μὴ ὄφελεν, ἐπ' ἀπωλείᾳ τῆς πατρίδος» (Nic. Chon. in Al. III).

[2] Andreae Danduli Venetorum Ducis Chronicon Venetum, L. 3., p. 323 въ Muratori Scr. r. Ital. T. XII.

[3] Geoffroy de Villehardouin H. de la conqueste de Constantinople C. 31.

[4] Dux, licet senex et visu debilis, fortis tamen et fremens animo (Chr. Danduli, Muratori XII, p. 322).

а только отстрочилъ долгъ, умѣя, по выраженію Лео [1], обратить его почти въ вѣчный; и, въ то же время, самъ принялъ крестъ съ условіемъ, чтобъ половина будущихъ завоеваній на Востокѣ принадлежала Венеціянцамъ. Неохотно, говоритъ Вильгардуенъ [2], согласились крестоносцы на отступленіе отъ прямой цѣли своего ополченія; но Венеціянцы, по словамъ Гюнтера [3], вѣроломно и злобно остановили благочестивую рѣшимость вождей, и увлекли ихъ, вопреки убѣжденіямъ папскаго легата, къ завоеванію Цары. Есть даже извѣстіе, которое Мишо заимствовалъ изъ продолжателя Вильгельма Тирскаго, и приводитъ въ 10-й книгѣ своей исторіи крестовыхъ походовъ: будто Венеціане получили значительную сумму отъ Малекъ-Аделя съ тѣмъ, чтобъ отвратить крестоносцевъ отъ похода въ Палестину — извѣстіе сомнительное и невѣроятное.

Какъ бы то ни было, союзники покорили Цару, и поступили съ жителями съ безчеловѣчною жестокостью, свойственною тому вѣку [4]. Но долгъ не былъ уплаченъ; и крестоносцы могли радоваться, когда судьба доставила имъ другой случай удовлетворить своихъ кредиторовъ, ласковыхъ только потому, что должники служили имъ орудіемъ для извлеченія собственныхъ выгодъ.

Царевичъ Алексій, спасшійся отъ преслѣдованій дяди, еще въ 1202 г., проѣзжая чрезъ Италію въ Германію, умолялъ папу содѣйствовать ему къ возвращенію утраченнаго престола; но Иннокентій III помышлялъ только о сосредоточеніи всѣхъ крестоносныхъ ополченій для завоеванія Палестины. Царевичъ обратился къ рыцарямъ, собравшимся въ Венеціи, и уже тогда тронулъ многихъ изъ нихъ описаніемъ своихъ несчастій; но и здѣсь заглушили голосъ его интересы республики и опасенія крестоносцевъ еще болѣе удалиться отъ цѣли. Наконецъ, по взятіи Цары, послы Императора Филиппа Швабскаго успѣли убѣдить союзниковъ принять большее

---

[1] Leo, Geschichte von Italien, B. 5, C. 1.

[2] Ch. 33.

[3] Guntherus: H. Constant. (in Canisii lectionibus antiquis, ed. Iac. Basnage).

[4] Alberici Monachi Trium Fontium chronicon (Ed. Leibnitz) ad ann. 1202.

участіе въ судьбѣ изгнанника, представивъ имъ такое покровительство съ выгодной стороны, какъ относительно долга чести, предписывающаго защищать невинно утѣсняемыхъ, такъ и относительно новыхъ видовъ, которые открывались имъ, при помощи возстановленнаго Императора, легче завоевать Палестину. Прибытіе самаго Алексія и его обѣщанія довершили рѣшимость крестоносцевъ отправиться къ Константинополю, вопреки запрещенію Иннокентія III, несправедливо называемаго нѣкоторыми Греческими писателями виновникомъ всего предпріятія [1]. Папа, отлучивъ Венеціянцевъ отъ Церкви за взятіе Цары, велѣлъ крестоносцамъ, спѣшившимъ смягчить гнѣвъ его, отправиться немедленно въ Палестину, не сворачивая ни вправо, ни влѣво; и всѣми силами противился ихъ новому предпріятію, доказывая, что не ихъ дѣло вступаться въ дѣла Грековъ и судить ихъ преступленія [2]. Кромѣ заботы о судьбѣ Палестины, Иннокентій имѣлъ другую причину не одобрять предпріятія крестоносцевъ: онъ могъ надѣяться, хотя такія надежды и не сбылись, одними намеками на расположеніе рыцарей къ изгнаннику и на его обѣщанія побудить Алексія III къ подобному обѣщанію относительно подчиненія Греческой Церкви первосвященнику Римскому [3].

Напротивъ того, участіе Венеціянцевъ во всемъ дѣлѣ очевидно; и Никита Хоніатъ, не щадившій и папы по закоренѣлой враждѣ къ Риму, справедливо думаетъ, что престарѣлый дожъ, котораго онъ называетъ коварнѣйшимъ врагомъ

---

[1] Георгій Акрополитъ (гл. 2) говоритъ, что Папа, тронутый просьбами Царевича, поручилъ его предводителямъ крестоносцевъ. Никита Хоніатъ пишетъ, что онъ прибылъ къ крестоносцамъ въ Венецію, γράμμασιν ἐφοδιασθεὶς τοῦ πάπα Ῥώμης τῆς πρεσβυτέρας. Безъименный авторъ Хроники Морейской также приписываетъ походъ къ Константинополю дѣйствіямъ увѣщаній папы и его легата (Изд. Бюшона, стр. 13 и 14).

[2] Muratori III, Vita Inn. III. Папа пишетъ (C. 90, p. 533): «Nullus itaque vestrum sibi temere blandiatur, quod terram Graecorum occupare sibi liceat vel praedari tanquam minus Apostolicae Sedi subjectam, et quod Imp. C., deposito fratre suo et etiam excoecato, Imperium usurpavit.... non est tamen vestrum de ipsorum judicare delictis.»

[3] Алексій III отправилъ пословъ къ папѣ, и старался доказать неосновательность притязаній племянника своего, какъ родившагося еще до вступленія Исаака на престолъ (Muratori III: vita Inn. III.).

Грековъ [1], заблаговременно составилъ планъ употребить и здѣсь рыцарей для выполненія своихъ властолюбивыхъ замысловъ: потому унизительныя предложенія царевича, по выраженію того же писателя, были только *κῦμα ὑπὲρ κύμασι*. Это мнѣніе отчасти подтверждается и тѣмъ, что обѣщанія Алексія сперва подѣйствовали на Дожа и Венеціянцевъ, которые убѣдили и большую часть рыцарей принять участіе въ предпріятіи противъ Константинополя. »Дандоло,« говоритъ Лео, »тѣмъ охотнѣе согласился подать помощь, что обѣщанія царственнаго изгнанника были невыполнимы: неоплатные долги пріятнѣе жестокосердому купцу, потому что поставляютъ должника въ полную зависимость отъ него.»[2] Неопытный, безумный юноша, по выраженію Никиты Хоніата, обманутый опытными и коварными мужами [3], далъ клятвенное обѣщаніе: заплатить крестоносцамъ 200,000 марокъ серебра, половину Франкамъ, другую Венеціянцамъ; доставить на цѣлый годъ съѣстные припасы; подкрѣпить ихъ, при походѣ въ Палестину, 10000-мъ отрядомъ; содержать, въ продолженіе всей жизни, 500 рыцарей въ Сиріи, и, что важнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безумнѣе всего [4], подчинить Римскому папѣ Греческую Церковь. Довольно было одного послѣдняго условія, чтобъ пробудить всю ненависть Грековъ къ Латинцамъ, плывшимъ къ нимъ для введенія вѣры, которую они называли *παρεκτροπὴν πίστεως* [5]; довольно было того же условія, чтобъ примирить, если и не вдругъ, то постепенно, властолюбиваго іерарха Римскаго съ ослушавшимися его крестоносцами.

Такія обѣщанія, а не любовь къ папѣ и не честь Венеціи, какъ выражается неизвѣстный, но непріязненный Грекамъ авторъ хроники Морейской [6], увлекли большую часть кресто-

---

[1] Nic. Chon. in Alex. Is. Ang. Fr. l. III, C. 9, гдѣ онъ говоритъ о Дожѣ: «homo coecus ille quidem et valde senex, sed Romanis infensissimus et insidiosissimus etc.

[2] Leo, Geschichte der Italienischen Staaten, 5 P. 1-tes Cap.

[3] Nic. Chon. in Alex. Is. Ang. Fr. L. III.

[4] «*Τὸ δὲ δὴ μεῖζον καὶ ἀτοπώτατον*,» гов. Никита Хоніатъ.

[5] Nic. Chon. in Alexio Isaaci Angeli Fratre L. III.

[6] *διὰ τὸ συμπάθιον τοῦ ἁγιωτάτου πάπα καὶ δεύτερον διὰ τιμὴν ὅλης τῆς Βενέτιας* (стр. 14).

носцевъ, хотя многіе рыцари, въ томъ числѣ и Симонъ Монфорскій, отдѣлились отъ нихъ [1]. Защитники поплыли съ царственнымъ изгнанникомъ къ Константинополю: жители Дураццо поднесли царевичу ключи города, и признали его своимъ законнымъ государемъ; жители острова Корфу послѣдовали ихъ примѣру. Послѣ счастливаго плаванія [2] прибыли союзники ко входу въ Восфоръ (24 Іюня, 1203 года), и бросили якорь въ пристани Св. Стефана, въ трехъ миляхъ отъ Константинополя; на слѣдующій день, при благопріятномъ вѣтрѣ, прошли они въ виду столицы, которая своимъ величественнымъ видомъ должна была поразить западныхъ витязей [3], хотя трудность ея завоеванія опиралась болѣе на воспоминаніе о минувшей славѣ и уваженіе народовъ, нежели на многочисленность ея защитниковъ, изумленныхъ смѣлостью пришельцевъ. Они вышли на берегъ близъ Скутари. Императоръ Алексій III, не принимавшій никакихъ мѣръ для отвращенія опасности, когда она была еще далека, отправилъ теперь »къ могущественнѣйшимъ и величайшимъ изъ князей, не носящихъ короны,» Италіянца Росси, удивляясь ихъ непріязненному вторженію въ его владѣнія, изъявляя готовность содѣйствовать всѣми силами освобожденію Палестины отъ невѣрныхъ, но, въ то же время, грозя обратить эти силы противъ крестоносцевъ, если они не оставятъ его государства [4]. Гордо отвѣчали, устами Конона Бетюнскаго, бароны и дожъ, что они презираютъ угрозы похитителя престола, но готовы исходатайствовать ему прощеніе и возможность провести остатокъ дней въ спокойствіи и избыткѣ, если онъ добровольно возвратитъ корону законному государю, находящемуся между ними [5]. Не оставивъ такимъ образомъ надежды на миръ, крестоносцы

---

[1] Geoffroy de Villehardouin. Ch. 55.

[2] См. Chr. Alberici Trium Fontium, гдѣ это плаваніе описано съ нѣкоторыми географическими подробностями (p. 420, ed. Leibnitz).

[3] «Et sachiez, говоритъ Вильгардуенъ, que il ni ot si hardi, cui le cuer ne fremist; et ce ne fu mie merveille, que onques si grant affaires ne fu empris de tant de gent puis que li monz fu estorez; вообще въ 66-й главѣ описываетъ онъ впечатлѣніе, произведенное видомъ Константинополя.

[4] G. Villeh. Ch. 72.

[5] Тамъ же, Ch. 73.

стали готовиться къ приступу; они имѣли случай увѣриться, что и жители Константинополя не намѣрены добровольно сдаться ихъ кліенту: при одномъ предложеніи объ этомъ, посыпались со стѣнъ колья и каменья, ибо Греки уже тогда опасались, что царевичъ перемѣнитъ ихъ вѣру, законы и обычаи.

Началась дѣятельная осада, происходили вылазки и битвы между отдѣльными отрядами; но десятидневныя усилія крестоносцевъ, пренебрегавшихъ, согласно съ духомъ рыцарства, всѣми опасностями, не приблизили ихъ къ цѣли [1]. Наконецъ, 17 Іюля, начался общій приступъ: нападеніе Франковъ съ суши было неудачно; напротивъ того, Венеціянцы, дѣйствовавшіе подъ предводительствомъ неустрашимаго дожа съ моря, успѣли овладѣть 25 башнями. Они зажгли завоеванную часть города, и поспѣшили на помощь рыцарямъ, тѣснимымъ Греческою кавалеріею. Но пожаръ, принудившій Грековъ спасать свои жилища, и еще болѣе малодушіе Алексія III, велѣвшаго отступить войскамъ при наступленіи вечера [2], уже избавили рыцарей отъ опаснаго положенія. Въ ту же ночь, захвативъ часть казны, поспѣшилъ удалиться изъ Константинополя жестокій и малодушный Императоръ, не только не заботившійся о судьбѣ подданныхъ, но и о судьбѣ собственнаго семейства, оставленнаго имъ въ столицѣ, гибель которой, по выраженію Никиты Хоніата [3], онъ какъ бы желалъ ускорить.

При первомъ извѣстіи о бѣгствѣ Императора, какъ говорятъ современные историки [4], хотя, можетъ быть, и самое бѣгство было слѣдствіемъ новой измѣны, царедворцы вывели изъ темницы брата его Исаака, и возвели слѣпца на престолъ, на которомъ трудно было удержаться и неслѣпцу: страхъ

---

[1] О первой осадѣ см. письмо Графа де Сенъ-Поля къ герцогу Брабантскому, приведенное у d'Outreman, p. 705 и apud Godefridum Monachum (Freher. Scr. rer. Germ. T. I.).

[2] Прекрасно говоритъ Гиббонъ (гл. 61) объ Алексіи III: «The Greeks were subject to the will of a single man: had that man been capable of fear, when his enemies were at a distance, or of courage, when they approached his person etc.»

[3] Nic. Chon. de Alexio Is. Ang. Fr. L. III.

[4] Nic. Chon. тамъ же; Albericus ad ann. 1203; Хроника Морейская стр. 15.

управлялъ ихъ дѣйствіями [1]. Они поспѣшили въ лагерь Латинцевъ, и приглашали царевича раздѣлить съ отцемъ верховную власть: но кто повѣритъ Грекамъ? кто положится на клятвы коварныхъ? повторяетъ безпрерывно хроника Морейская. [2] Осторожные предводители крестоносцевъ, имѣвшіе въ виду и собственный интересъ, не отпустили своего заложника, но отправили къ отцу его уполномоченныхъ, которые, устами маршала Шампанскаго Готфрида Вильгардуена, объявили царственному старцу условія договора, и потребовали ихъ подтвержденія. »Эти условія тяжки,« отвѣчалъ Исаакъ: »ихъ трудно принять, еще труднѣе выполнить; но никакія обязательства не могутъ превзойти мѣры оказанныхъ вами услугъ.« [3] Актъ былъ подписанъ и скрѣпленъ золотою печатью Императора [4]. Алексій, сопровождаемый покровителями своими, вступилъ во дворецъ, и вскорѣ, при громкихъ кликахъ своихъ подданныхъ, короновался въ Софійскомъ соборѣ, какъ соправитель и соимператоръ [5]. Крестоносцы, для избѣжанія ссоръ съ Греками [6], расположились, по желанію самаго Алексія, на другой сторонѣ гавани Константинопольской или такъ называемаго Золотаго Рога, въ предмѣстіи Галатѣ; начались дружественныя сношенія между двумя народами, забывшими на время прежнюю вражду; и подданные и союзники благословляли царевича, пока для первыхъ не сдѣлались болѣе гласными условія договора, пока вторыхъ можно было удовлетворять одною надеждою на выполненіе этихъ условій.

Въ то же время, предводители крестоносцевъ спѣшили оправдаться предъ Папою въ уклоненіи отъ прямой цѣли своего ополченія, представляя себя орудіемъ, избраннымъ промысломъ Божіимъ для выполненія великихъ намѣреній. Увѣренія ихъ подкрѣпилъ Алексій, писавшій къ Иннокентію III, что глав-

---

[1] Chronique de Romanie et de Morée, ed. de Buchon, p. 15.

[2] *Τίς νὰ ϑαρρεύσῃ εἰς αὐτοὺς ὅρκον, νὰ τοὺς πιστεύσῃ* etc.

[3] G. Villehardouin p. 74 (ed. 1657).

[4] Chr. de R. et de Morée, p. 16.

[5] Nic. Chon.; также Saulcy: Numismatique Byzantine (p. 360).

[6] Nic. Chon.; также Andreae Naugerii Historia Veneziana (Muratori XXIII, p. 982), гдѣ сказано: «In questo tempo le diversità naturali de'costumi fra'Latini soldati, e'Greci Popoli abitanti in Constantinopoli, aveano generata tanta discordia in quella Città etc.»

ною причиною, побудившею крестоносцевъ подать ему помощь, было повторяемое имъ и теперь обѣщаніе признать папу главою всего Христіанства [1]. Но Иннокентій требовалъ отъ крестоносцевъ немедленнаго похода въ Палестину, между тѣмъ какъ они, съ условіемъ уплаты издержекъ, согласились остаться въ Константинополѣ до Марта слѣдующаго года, убѣжденные просьбами юнаго Алексія, который встрѣтилъ непреодолимыя препятствія при выполненіи условій, и страшился уже начавшей обнаруживаться ненависти народной [2]. Сумма въ 3200 марокъ золота удержала и флотъ Венеціянскій.

Часть Франковъ, подъ предводительствомъ Маркграфа Монферратскаго и другихъ рыцарей, сопровождала Алексія IV во Ѳракію и сосѣднія области, гдѣ города, принявшіе сторону бѣжавшаго Императора, покорились при первомъ появленіи этого отряда [3]; другая часть крестоносцевъ, подъ предводительствомъ Балдуина Графа Фландрскаго, охраняла столицу и престарѣлаго Императора, который, между тѣмъ, приступилъ къ уплатѣ долга. Истощивъ всѣ сокровища, и страшась черни, которая при одномъ объявленіи налога въ пользу Франковъ, по выраженію Никиты Хоніата, возстала какъ бурное море, онъ принуждалъ зажиточнѣйшихъ гражданъ къ уплатѣ огромныхъ суммъ, и—чѣмъ жестоко оскорбилъ религіозное чувство Грековъ — сталъ, святотатственною рукою, обнажать церкви и превращать въ монету оклады со святыхъ иконъ. Съ негодованіемъ упрекаетъ современный писатель, участвовавшій во всѣхъ происшествіяхъ, своихъ согражданъ въ бездѣйствіи при такомъ святотатствѣ [4], навлекшемъ гнѣвъ небесный на Императора, который не щадилъ святыни для удовлетво-

---

[1] Raynaldi Annales Ecclesiae ad annum 1203, и въ письмахъ Иннокентія III L. 6, Ep. 129. Алексій IV пишетъ: «Haec fateor causa potissimum ad subsidium nostrum Peregrinorum animos inclinavit.»

[2] О ненависти народной говоритъ Алексій предводителямъ крестоносцевъ: «Et mult ont li Grieu grant despit, quant iè par vos forces fu entréz en mon heritage», и далѣе: «Sachiez se vos me laissièz, li Grieu me héent por vos, ie reperdrai la terre et si m'occiront.» (G. Villehardouin Ch. 101).

[3] Тамъ же, гл. 105 и 106.

[4] Nic. Chon. in Is. Ang. et Al. Fil.

ренія алчности расточительнѣйшаго народа въ свѣтѣ [1]. Греческое духовенство, встревоженное какъ этими дѣйствіями, такъ и условіемъ о соединеніи Церквей, должно было вполнѣ сочувствовать ненависти народной къ чужеземцамъ, ненависти, которая наконецъ превратилась въ кровавую распрю, когда новый пожаръ, еще до возвращенія Алексія, разрушилъ значительную часть столицы. Толпа Фламандскихъ воиновъ, повидимому возбужденныхъ Франками, издавна жившими въ Константинополѣ, бросилась разрушать мечеть, видъ которой оскорбилъ религіозное чувство поборниковъ креста; Греки подали помощь Сарацынамъ; завязалась рѣзня, и, въ продолженіе ея, Франки зажгли городъ [2].

Обѣщанія вождей наказать виновныхъ, если они будутъ открыты, не могли укротить ярости Грековъ: они обвиняли обоихъ Императоровъ, проклинали всѣхъ Латинцевъ, и 15,000 мирныхъ Франковъ, занимавшихся въ Константинополѣ торговлею, были принуждены искать убѣжища въ станѣ своихъ единоземцевъ [3]. Самъ Алексій, имѣвшій, по возвращеніи своемъ, торжественный въѣздъ въ столицу, былъ встрѣченъ народомъ съ мрачнымъ безмолвіемъ: въ немъ видѣли виновника прибытія ненавистныхъ чужеземцевъ, государя, измѣнившаго Православію и унижавшаго достоинство свое дружескими посѣщеніями варваровъ, которые иногда, на веселомъ пиру, забывали высокій санъ гостя [4]. Самъ Исаакъ, смотрѣвшій, нѣкоторымъ образомъ, на сына, какъ на соперника, уменьшавшаго его собственное значеніе, одобрялъ нерасположеніе народа къ нему, и обременялъ его проклятіями [5], малодушно

---

1 «Οὐδὲν γὰρ ἔθνος, говоритъ Nic. Chon, ἐραδιχρηματώτερον τοῦ δε τοῦ γένους τρεχεδειπνοτερόν τε καὶ δαπανηροτερον ἕτερον.»

2 См. Nic. Chon. in Is. Ang. et Al. F.; Вильгардуенъ (гл. 107) кратко упоминаетъ о пожарѣ, но умалчиваетъ о виновникахъ его.

3 G. Villehardouin, Ch. 108; также Sicardi Episcopi Chron: «Interea in Venetos ceterosque Latinos Constantinopoli morantes, Grecorum et Warangorum desevit atrocitas, eos impugnans, capiens et occidens» (Mur. VII, p. 619).

4 Nic. Chon. in Is. Ang. et Al. F: «Τὸ μεγαλοπρεπὲς καὶ παγκλέιστον τῆς τῶν Ῥωμαίων βασιλείας κατερρύπαινεν ὄνομα· εἰς γὰρ τὰς τῶν βαρβάρων σκηνὰς περαιούμενος συνεκναιπάλα τοῖς ἐν αὐτοῖς καὶ συνδιημερεύων ἐκυβεύσεν etc.

5 Тамъ же: «κακηγορῶν ουκ ἐνέλιπε τὸν υἱὸν.»

вѣря несбыточнымъ предсказаніямъ звѣздочетовъ о возстановленіи утраченнаго здоровья и будущемъ могуществѣ своемъ.

Въ такомъ затруднительномъ положеніи, юный Алексій, долго колебавшійся между благодарностью и патріотизмомъ, или, что справедливѣе, между страхомъ быть жертвою ненависти Грековъ и опасеніемъ погибнуть чрезъ неудовлетвореніе требованій Латинцевъ, не обращавшихъ вниманія на трудность, съ которою было сопряжено выполненіе договора, наконецъ склонился на сторону своихъ подданныхъ, прекратилъ свои посѣщенія и дружескія сношенія съ чужеземцами, и сталъ помышлять о средствахъ, чтобъ отдѣлаться отъ ненавистныхъ гостей. Но крестоносцы, съ своей стороны, чувствовали важность оказанныхъ ими услугъ и неблагодарность того, кому они, по выраженію Вильгардуена, сдѣлали столько добра [1]; чувствовали, что судьба Константинополя уже въ ихъ рукахъ, и рѣшились силою настоять на выполненіи своихъ требованій. Уполномоченные ихъ явились во дворецъ, и, въ присутствіи всѣхъ царедворцевъ и вельможъ, вычислили предъ обоими Императорами свои услуги, съ дерзостью требуя немедленнаго выполненія договора, и грозя, въ противномъ случаѣ, прибѣгнуть къ оружію [2]. Греки, говоритъ Вильгардуенъ, изумились при такомъ дерзкомъ вызовѣ, сдѣланномъ ихъ Императору въ его собственномъ дворцѣ; и сами уполномоченные едва вѣрили своей безопасности, когда благополучно выбрались изъ города. Теперь уже было ясно, что отношенія столь многосложно-запутанныя могли имѣть только кровавую развязку; и скоро начались непріязненныя дѣйствія между Византійцами и Латинцами, которые, не получая уплаты, уже прежде опустошали окрестности, грабили монастыри и дачи по берегамъ Пропонтиды Каждая сторона старалась нанести вредъ другой и на морѣ и на сушѣ, хотя эти стычки по милости Божіей, говоритъ Вильгардуенъ, [3] всегда оканчивались ко вреду Грековъ: они пытались зажечь

---

[1] Vers cels que tant de bien li avoient fait (ch. 110).

[2] G. Villeh. ch. 112.

[3] Ch. 113.

флотъ своихъ враговъ, но нашли непреодолимое препятствіе въ бдительности Венеціянцевъ [1].

Между тѣмъ чернь Константинопольская, еще болѣе возбужденная непріязненными дѣйствіями крестоносцевъ, равно какъ и разгласившимся въ народѣ отвѣтомъ Папы на письмо Алексія IV, явно возстала, и требовала низложенія фамиліи Ангеловъ, какъ недостойной престола [2]. Всѣ стремились въ церковь Св. Софіи: многіе сенаторы отвергли корону, предлагаемую имъ народомъ; споры продолжались три дня; наконецъ чернь провозгласила Императоромъ Николая Канаба, молодаго человѣка, тщетно отвергавшаго опасное достоинство [3].

Греки, говоритъ Вильгардуенъ [4], видя, что Алексію уже трудно примириться съ Латинцами, затѣяли измѣну: но Алексій, видя, что ему нельзя обойтись безъ Латинцевъ, рѣшился примириться, во что бы ни стало; возобновилъ прежнія сношенія, повторилъ клятвенныя обѣщанія, и, для собственной безопасности, предложилъ имъ занять свой дворецъ, условившись съ Маркграфомъ Монферратскимъ о вступленіи его въ Константинополь въ глубокую полночь. Все дѣло поручилъ онъ родственнику своему [5] Алексію Мурцуфлу, потомку Дома Дуковъ, умѣвшему вкрасться въ его довѣренность и употребленному имъ и прежде для тайныхъ сношеній съ Латинцами: но измѣнникъ былъ скрытною пружиною движеній народныхъ, и воспламенялъ умы ненавистью къ чужеземцамъ, скрывая, подъ личиною мнимаго патріотизма, властолюбивые замыслы. Онъ извѣстилъ жителей столицы о тайномъ порученіи; воспользовавшись общимъ негодованіемъ, привлекъ на

---

[1] Тамъ же гл. 113—115, и Ep. Balduini I ad Inn. III (Muratori III p. 534—535), гдѣ описываются двѣ попытки зажечь флотъ.

[2] Nic. Chon. Is. Ang. et Al. F. Народъ кричалъ: «Che al presente stato della Cittá, e dell'imminente pericolo, che dalla gente avara, ambizioza e sempre loro nimica, aveano bisogno di prudente uomo etc. Andr. Naugerii Historia Veneziana (Mur. XXIII, p. 983).

[3] Объ избраніи Канаба говоритъ и нашъ лѣтописецъ: «потомъ же емше человѣка именемъ Николу воина, и на того възложиша вѣнецъ безъ Патріарха» (Софійскій Временникъ ч. I стр. 212).

[4] G. Villeh. ch. 110.

[5] Въ Ioelis chronographia compendiaria онъ названъ: «ὁ ἐξάδελφος Ἄλεξιος ὁ Δοῦκας.»

свою сторону императорскихъ тѣлохранителей, и велѣлъ коварнымъ образомъ схватить обманутаго имъ Алексія IV и ввергнуть его въ темницу. Собравъ народъ, изложилъ онъ свои заслуги, и былъ провозглашенъ Императоромъ непостоянною, безумною чернью, пожертвовавшею и обоими законными государями и эфемернымъ, ничтожнымъ Канабомъ общей ненависти къ Латинцамъ, овладѣвшей тогда всѣми умами [1]. Исаакъ, страдавшій неизлѣчимою болѣзнію, умеръ отъ испуга и отчаянія; несчастный сынъ его вскорѣ былъ умерщвленъ самимъ злодѣемъ [2], который ненавистью къ Латинцамъ прикрывалъ, въ глазахъ народа, всѣ преступленія свои.

Первыя дѣйствія новаго Императора соотвѣтствовали его характеру; но коварный замыселъ завлечь предводителей крестоносцевъ въ разставленныя имъ сѣти былъ уничтоженъ осторожностью Дандоло, пріобрѣтшаго наименованіе »мудраго изъ мудрыхъ.« Латинцы, съ своей стороны, рѣшились отмстить за умерщвленіе Алексія IV и за нарушеніе условій договора. Бывшіе въ войскѣ епископы торжественно объявили, что Греки возмутились противъ самаго Бога, обѣщавшись присоединиться къ Римской Церкви, и снова отказываясь отъ повиновенія главѣ ея, снова впадая въ прежнія заблужденія: потому они признавали войну противъ нихъ справедливою и законною, и обѣщали полное отпущеніе грѣховъ всѣмъ, которые будутъ сражаться противъ отступниковъ [3]. Съ другой стороны, отвращеніе Грековъ отъ Латинской Церкви вполнѣ выразилось въ отвѣтѣ ихъ Императора на требованія дожа, убѣдившаго бароновъ вступить въ переговоры съ похитителемъ престола: если Мурцуфлъ и соглашался на уплату требуемыхъ дожемъ денегъ, то, на требованіе подчиниться Римской Церкви, онъ, какъ представитель общихъ чувствъ своего народа, прямо отвѣчалъ: что скорѣе согласится быть изрубленнымъ въ

---

[1] См. Vita Inn. III. (Mur. III. C. 92); Guntheri H. Const.; Alberici Chr.

[2] G. Villehardouin, ch. 117; Nic. Chon in Is. Ang. et. Al. F.

[3] G. Villeh. ch. 118. и Ep. Danduli ad Inn. III: «qui cum in dicta promissione mendaces et fallaces existerent, ipsos tanquam inimicantes S. R. Ecclesiae et Christi Civitatis proditores diffidavimus.» (Du Cange p. 305, въ примѣчаніяхъ къ Вильгардуену).

куски и погибнуть, со всѣми Греками, подъ развалинами государства, нежели подчинить папѣ Греческую Церковь [1].

Такимъ образомъ не оставалось никакой надежды на миръ; предстояла война на жизнь и смерть. И та и другая сторона чувствовала это: Мурцуфлъ принималъ всѣ нужныя мѣры для обороны столицы, и тревожилъ непріятелей нападеніями; Латинцы, явною цѣлью которыхъ было теперь завоеваніе и пріобрѣтеніе добычи [2], заключили между собою, 12 Марта 1204 года, формальный договоръ относительно судьбы будущаго завоеванія [3]. Положено было избрать, съ общаго согласія, изъ вождей крестоносцевъ Императора, который долженъ получить въ коронную собственность четверть государства, а остальныя три четверти назначены къ раздѣлу поровну между Франками и Венеціянцами; на мѣсто Греческаго Патріарха долженъ быть возведенъ Латинскій изъ среды того народа, изъ котораго не будетъ избранъ Императоръ; добычу положено раздѣлить на равныя части между обѣими націями.

Приготовленія съ обѣихъ сторонъ и стычки продолжались еще весь Мартъ мѣсяцъ. Греки, видѣвшіе предъ собою рабство политическое и религіозное, мужественно отбили, 9-го Апрѣля, первый общій приступъ крестоносцевъ съ большею потерею для послѣднихъ, какъ сознается Вильгардуенъ [4]. Но 12 го Апрѣля приступъ былъ возобновленъ, и настойчивость Франковъ одержала верхъ [5]. Сѣверный вѣтеръ придвинулъ

---

[1] См. Nic. Chon. in Al. Murz.; Вильгардуенъ и Дандоло не упоминаютъ объ этихъ переговорахъ, безъ сомнѣнія казавшихся имъ постыдными; въ хроникѣ Sicardi Episcopi (Mur. VII p 620) даже сказано, что Dandolo отвергнулъ переговоры «cum proprii Domini detentore.»

[2] Этимъ, нѣкоторымъ образомъ, оправдывается выраженіе Ник. Хоніата: «εἰς ληστρικὸν μὲν ἔκπλουν συγκρυτηθέντες» относительно цѣли прибытія крестоносцевъ.

[3] См. Chr. Danduli (Mur. XII, p. 326); также G. Villeh. ch. 123 и Rhamnusii de bello Constantinopolitano L. III.

[4] Гл. 125.

[5] О ходѣ всего дѣла, кромѣ Вильгардуена, см. Chr. Danduli l. X, C. 3, p. 34 (Mur. XII, p. 329—330); также 2 письма apud Arnol-

къ самымъ стѣнамъ два корабля; отважнѣйшіе взлѣзли на ближайшую башню, и увлекли за собою своихъ соратниковъ. Скоро все войско крестоносцевъ вломилось въ городъ, и устремилось на мѣсто, которое защищалъ императоръ, казалось, рѣшившійся умереть съ оружіемъ въ рукахъ: но тщетно старался онъ удержать своихъ подданныхъ, по словамъ западныхъ писателей, толпами бѣжавшихъ при появленіи Франковъ, и увлекшихъ наконецъ и самаго Мурцуфла [1]. Между тѣмъ крестоносцы, опасаясь углубляться далѣе во внутренность города, рѣшились провести ночь близъ городскихъ стѣнъ. Константинополь былъ зажженъ въ 3-й разъ: не случайно, хотя Гиббонъ [2] оставляетъ это нерѣшеннымъ, но съ намѣреніемъ, какъ видно изъ словъ Вильгардуена [3], умалчивающаго впрочемъ имена зажегшихъ; Гюнтеръ [4], въ своемъ описаніи, дополняетъ недосказанное маршаломъ Шампанскимъ. Пожаръ, по словамъ его [5], истребилъ около 3-й части города; и больше домовъ, нежели было ихъ въ трехъ величайшихъ городахъ Франціи, какъ говоритъ Вильгардуенъ.

Хотя побѣда крестоносцевъ казалась еще сомнительною, однако судьба города была уже рѣшена; и во второй разъ рѣшило ее малодушіе императора, конечно не могшаго надѣяться на мужество подданныхъ. Алексій Мурцуфлъ, ночью, во время общаго замѣшательства, рѣшился искать спасенія въ бѣгствѣ, взявъ съ собою супругу Евдокію, дочь Алексія III, и тещу Евфросинію, и захвативъ столько драгоцѣнностей, сколько могъ въ торопяхъ. Его примѣру послѣдовала большая

---

dum Lubecensem Chr. Sclavor. l. 6, C. 19 et 20: одно къ «excellentissimo D. Othoni, Dei gratia Romanorum regi et semper Augusto;» другое «universis Christi fidelibus, archiepiscopis, episcopis etc.»

[1] Въ Sicardi Episcopi Chron. (Mur. VII, p. 620) о бѣгствѣ Грековъ сказано: «Graecorum strage data, gens illa, quondam prudentiae filia, nunc sine prudentiâ, sicut pulvis disperiit, sicut fumus evanuit, sicut foenum exaruit.»

[2] And either design or accident kindled a third conflagration (Ch. 61).

[3] Гл. 130.

[4] Гюнтеръ (Hist. C. C. 17) приписываетъ пожаръ какому-то Нѣмецкому графу, бывшему въ свитѣ Бонифація.

[5] Гл. 18: «vastaverat autem incendium interim supradictum fere tertiam partem civitatis.»

часть знатныхъ Грековъ, между тѣмъ какъ, среди пепелища, явились новые искатели престола: Ѳеодоръ Дука и Ѳеодоръ Ласкарисъ, оба знатные родомъ, знаменитые мужествомъ. Ласкарисъ одержалъ верхъ, и былъ, еще до разсвѣта, провозглашенъ Императоромъ въ Софійской церкви, гдѣ всю ночь толпился народъ; довольствовался однако титуломъ деспота до возстановленія безопасности имперіи. Но тщетно призывалъ онъ къ оружію и народъ и войско: толпы разсѣялись при приближеніи Франковъ; патріархъ Іоаннъ Каматеръ, въ бѣдномъ хитонѣ, покинулъ вселенскій престолъ. Тогда и новый повелитель Византіи былъ принужденъ позаботиться о собственномъ спасеніи, съ которымъ такъ тѣсно связана дальнѣйшая судьба имперіи Греческой. [1]

Съ разсвѣтомъ дня, крестоносцы, въ стройномъ боевомъ порядкѣ и съ недовѣрчивою осторожностью, вступили во внутреннюю часть города, гдѣ уже никто не думалъ сопротивляться имъ. Оставшіеся жители, предшествуемые духовенствомъ съ крестами и св. иконами, поспѣшили на встрѣчу побѣдителямъ, и повергнулись къ ногамъ ихъ, умоляя главнаго вождя Бонифація Монферратскаго о пощадѣ: но ни торжественная встрѣча съ хоругвями церковными, ни видъ униженной покорности не смягчили желѣзныхъ сердецъ, уже обрекшихъ городъ на разграбленіе. Хотя вожди и велѣли всенародно объявить о милосердіи; хотя воины получили строгое повелѣніе щадить жизнь жителей, честь женъ и дѣвицъ, и Латинское духовенство грозило проклятіемъ тому, кто воспользуется побѣдою для нарушенія правъ человѣчества [2]: но могли ли такія предписанія быть въ точности выполнены воинами, озлобленными прежнимъ сопротивленіемъ, и воспламененными фанатическою ненавистью къ Грекамъ? Жестокость есть почти неразлучная спутница хищности, и жестокость крестоносныхъ дружинъ слишкомъ извѣстна при другихъ случаяхъ.

---

[1] Nic. Chon. Alex (V) Duc. Murz.

[2] Что такія предписанія дѣйствительно были, подтверждается и словами Никиты Хоніата (U. C.): «ὑμεῖς μὲν γὰρ γυναιξὶ, ταῖς ὑπὸ ζυγὸν καὶ ταῖς ὅλως ἀπειράτοις ἀνδρός, καὶ γε ἔτι ταῖς ἀποθριξαμέναις θεῷ, μηδὲ μοιχικοῦ μέχρι βλέμματος, εἰ δυνατόν, συνελθεῖν ἐθεσπίσατε, καὶ ὅρκοις τὰ περὶ τούτων φρικώδεσι διειλήφατε.»

Если и согласиться съ новыми историками [1], основывающими свое мнѣніе на показаніяхъ Гюнтера [2], что, при взятіи Константинополя, погибло только двѣ тысячи Грековъ [3], павшихъ притомъ жертвами не жестокости крестоносцевъ, но мщенія Латинцевъ, изгнанныхъ, во время осады, изъ города: то изъ письма Иннокентія III къ завоевателямъ видно, въ какой степени выполнялась вторая статья приказа вождей [4]. По словамъ папы, крестоносцы не щадили ни религіи, ни возраста, ни пола; и въ этихъ словахъ едва ли можетъ заключаться преувеличеніе единственно потому, что папа негодовалъ за ослушаніе противъ его воли, какъ неосновательно думаетъ Мишо [5]. Что касается до имущества побѣжденныхъ, то оно все было назначено въ добычу побѣдителямъ; хищничеству не было постановлено никакихъ предѣловъ, и воины, въ этомъ отношеніи, являлись только орудіями общаго приговора вождей [6].

Согласно съ постановленіемъ договора, вся добыча, огромность которой должна была изумить крестоносцевъ, не видавшихъ такого богатства [7], сносилась въ три отведенныя для того церкви, подъ опасеніемъ отлученія и смерти въ случаѣ утайки, хотя и самый страхъ лишиться жизни не подавилъ

---

[1] См. Du Fresne Du Cange: histoire de Constantinople sous les Empereurs François (ch. 16); Gibbon ch. 61; Le Beau Histoire du Bas-Empire (T. 21).

[2] H. Constant. l. 18; Вильгардуенъ вовсе не упоминаетъ о кровопролитіи, удивляясь только огромной добычѣ.

[3] Нашъ лѣтописецъ, безъ сомнѣнія слышавшій о взятіи Царяграда отъ очевидцевъ, говоритъ о кровопролитіи: «И людей многое множество побиша и пограбиша, Грекы же и Варягы; изгнаша изъ града, иже бяху ся остали (Соф. Врем. Ч. 1, стр. 215, изд. 1820 г.).

[4] Папа пишетъ къ Бонифацію Монферратскому (Mur. III, p. 538): «Nec religiòni, nec aetati, nec sexui pepercerunt, sed fornificationes, adulteria etc. exercentes.»

[5] Histoire des Croisades, T. III, l. 11.

[6] «Фряги же и вси воеводы ихъ възлюбиша злато и сребро,» говоритъ наша лѣтопись.

[7] Вильгардуенъ (гл. 132) пишетъ: «Et bien tesmoigne Ioffroi de Ville-Hardoin li Mareschans de Champaigne à son escient par verté, que puis que li siecles fu estorez, ne fu tat gaaigné en une ville. Балдуинъ пишетъ къ папѣ: «Ita inaestimabilis abundantia reperitur, ut tantum non videatur possidere tota Latinitas и т. д. (Mur. III, p. 534). Такіе же отзывы и у Гюнтера.

своекорыстія, и, по свидѣтельству Вильгардуена [1], многое было утаено. Четыреста тысячъ марокъ серебра досталось побѣдителямъ на общій дѣлежъ. Безчисленные предметы роскоши и искусства, священные памятники Христіанства и мощи Святыхъ, наполнявшія церкви Константинопольскія, составляли добычу; для пріобрѣтенія послѣднихъ Латинское духовенство позволяло себѣ угрозы въ отношеніи къ Грекамъ, и прибѣгало къ обману въ отношеніи къ вождямъ, воспрещавшимъ всякое утаеніе [2]. Новѣйшіе историки сожалѣютъ о невѣжественномъ разрушеніи многихъ памятниковъ искусства, которые Никита Хоніатъ описываетъ въ послѣдней главѣ своей исторіи [3], и объ утратѣ, можетъ быть, еще уцѣлѣвшихъ рукописей, которыя могли заключать въ себѣ потерянныхъ для насъ древнихъ писателей [4].

Съ подробностью и чувствомъ глубокой горести описываетъ бѣдствія свои и своихъ согражданъ Никита Хоніатъ, который такъ справедливо упрекаетъ крестоносцевъ въ хищности и жестокости, напоминая имъ болѣе милосердыхъ воиновъ Саладина; и особенно вооружается противъ расхищенія святыни, поруганія предметовъ священныхъ и обрядовъ вѣры. «Тѣ», говоритъ онъ, «которые ополчились за крестъ, теперь сами попираютъ его, и ругаются надъ святынею». Показанія его подтверждаются письмами папы, отчасти и разсказомъ западныхъ лѣтописцевъ [5]. Напрасно Шлоссеръ [6] какъ бы смѣется надъ неумѣстностью плача, вставленнаго, въ видѣ Іереміады, въ прозаическій разсказъ Греческаго историка; напра-

---

[1] Гл. 134.

[2] См. Guntheri H. Const., гдѣ онъ разсказываетъ о похожденіяхъ своего аббата Мартина Литца, который похитилъ много мощей изъ Византіи, и который здѣсь называется святымъ хищникомъ (praedo sanctus); также Daru Hist. de Venise T. I.

[3] De signis Constantinopolitanis.

[4] Heeren Entwickelung der Folgen der Kreuzzüge.

[5] См. Nic. Ch. Alex. Duc. Murz. (посл. глава). Письмо Инн. III въ Сб. Муратори T. III, стр. 538. Въ Chr. Othonis de Sancto Blasio (Mur. VI, p. 906) сказано: «nec Ecclesiis parcentes, auri et argenti aliarumque rerum inaestimabiles thesauros diripuerunt. Въ Caffari annal. Genuen. l. IV (Mur. VI, p. 388) также описывается разграбленіе церквей.

[6] Weltgeschichte in zusammenh. Erzählung 2=ter Th. 3=ten Bandes, 3=tes Cap.

сно говоритъ Миню, что Никита Хоніатъ думаетъ только о томъ, чтобъ нравиться читателю, и болѣе заботится о своемъ сочиненіи, нежели объ отечествѣ [1]: западные историки не поняли Грека-патріота, который является представителемъ чувствъ не только своего народа, но и другихъ націй, связанныхъ съ Византіею узами вѣры, оплакивая паденіе града, славнаго во всемъ мірѣ [2], священнаго для всякаго Грека [3]; оплакивая бѣдствія Православія, надъ обрядами котораго ругались иновѣрцы, осквернявшіе, въ пылу страстей, даже храмъ Софійскій [4], гдѣ впослѣдствіи и сами совершали богослуженіе. Вспомнимъ чувства нашихъ соотечественниковъ при занятіи Москвы въ новѣйшее время, — и мы вполнѣ поймемъ чувства Грека при паденіи града, который, по выраженію его, былъ славнымъ между славными, царствующимъ между царственными, окомъ всѣхъ градовъ, опорою православія, убѣжищемъ наукъ и искусствъ [5].

Такъ началось владычество Латинцевъ въ Константинополѣ, началось презрѣніемъ всѣхъ правъ побѣжденныхъ, безжалостнымъ разграбленіемъ всего имущества ихъ, какъ общественнаго, такъ и частнаго, разрушеніемъ на цѣлыя поколѣнія счастія многочисленныхъ семействъ. »Варварство Христіанъ въ отношеніи къ Христіанамъ, жестокость и святотатство не уступали, по выраженію Шлоссера [6], тому, что, двѣсти пятьдесять лѣтъ спустя, совершили на томъ же мѣстѣ Турки; и они, по крайней мѣрѣ, имѣли оправданіемъ то, что видѣли въ Константинополѣ одно изъ главныхъ убѣжищъ невѣрія.»

Отношенія религіозныя покоренныхъ къ завоевателямъ ясно выражены въ письмѣ Иннокентія III къ маркграфу Мон-

---

1 H. des Croisades l. 11.

2 «ὡς μηδὲ ἕν εἶναι τῶν ἐθνῶν ὃ μὴ ταύτην ἐγνώριζεν,» говоритъ о Константинополѣ Георгій Акрополитъ (гл. 1).

3 Священнаго и для всѣхъ Православныхъ: «Минувше святый Царьградъ, запеже Латиномъ тогда держащимъ Царьградъ,» говоритъ нашъ лѣтописецъ.

4 Nic. Chon. U. C.

5 Ὦ πόλις, πόλις πόλεων πασῶν ὀφθαλμέ, πίστεως ἀρχηγέ, ὀρθοδοξίας ποδηγέ etc. говоритъ Ник. Хон.

6 Weltgeschichte in zusammenhängender Erzählung: 3. B. 2 Th. 1 A. 3. C.

ферратскому. «Какимъ образомъ», пишетъ папа, «можетъ Греческая Церковь возвратиться къ единенію и повиновенію апостольскому престолу, видя въ Латинцахъ только примѣры предательства и дѣла тьмы, по справедливости заставляющія Грековъ гнушаться ими болѣе, нежели псами?» [1] Это можно примѣнить и къ отношеніямъ вообще: какой покорности и вѣрности могли побѣдители ожидать отъ побѣжденныхъ, долженствовавшихъ видѣть въ нихъ враговъ жестокихъ и разрушителей благосостоянія своего?

---

[1] Vita Inn. III. (Muratori III, p. 538).

ГЛАВА II.

УТВЕРЖДЕНІЕ СВѢТСКОЙ И ДУХОВНОЙ ВЛАСТИ ЛАТИНЦЕВЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ; РЕАЛИЗАЦІЯ ДОГОВОРА О РАЗДѢЛѢ; РАСПРОСТРАНЕНІЕ ФРАНЦУЗСКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА ВЪ СОБСТВЕННОЙ ГРЕЦІИ, ВЕНЕЦІЯНСКАГО НА ОСТРОВАХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ.

Крестоносцы, увѣренные въ правотѣ сдѣланнаго ими завоеванія [1], провели страстную недѣлю въ благодарственныхъ молебствіяхъ и торжественныхъ процессіяхъ. Они воспоминали страданія Спасителя среди печальныхъ остатковъ Его алтарей, въ церквахъ, обнаженныхъ ихъ собственною святотатственною рукою, подобно тому, какъ нѣкогда витязи перваго крестоваго похода, послѣ неслыханныхъ жестокостей, предались влеченію религіозныхъ чувствъ на мѣстѣ страданія Спасителя, и по стогнамъ, обагреннымъ кровью несчастныхъ жертвъ ихъ жестокости, съ обнаженными главами и ногами, пошли въ торжественной процессіи къ храму Воскресенія.

---

[1] Гюнтеръ (Н. С.) говоритъ, что Богу было угодно, чтобъ воинство Христово вступило въ измѣннический городъ въ тотъ день, въ который Христосъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Іерусалимъ (eodem die. . quo Christus veniens ad triumphum Passionis, sanctam ingressus est civitatem).

Послѣ Пасхи приступили къ дѣлежу добычи: для будущаго императора отложили 4-ю часть имущества, съ такою жестокостью отнятаго у его подданныхъ; остальныя три четверти раздѣлены поровну между Франками и Венеціянцами, и первые уплатили послѣднимъ остававшіяся за ними пятьдесятъ тысячъ марокъ за переѣздъ моремъ. Вслѣдъ за тѣмъ приступили къ избранію императора, для чего, согласно съ постановленіемъ договора, были назначены шесть избирателей со стороны Франковъ и шесть со стороны Венеціянцевъ. Послѣдніе принадлежали къ знатнѣйшимъ сановникамъ республики [1], всѣ первые были сановники Церкви; и такое предпочтеніе лицъ духовнаго званія объясняется какъ тѣмъ, что они сами не могли быть предметами избранія, такъ и преобладаніемъ религіознаго вліянія въ войскѣ пилигримовъ. Выборъ колебался между Венеціянскимъ дожемъ и двумя сильнѣйшими боронами: Бонифаціемъ, маркграфомъ Монферратскимъ, и Балдуиномъ, графомъ Фландрскимъ; но одинъ изъ избирателей со стороны Венеціи, Панталеонъ Барбо, доказалъ, что несообразно съ достоинствомъ дожа носить императорскую корону [2], и тогда остались только два соперника, равные по достоинствамъ своимъ. Если, говоритъ Гиббонъ [3], на сторонѣ маркграфа Монферратскаго были зрѣлость лѣтъ, прежняя знаменитость [4], санъ главнаго предводителя крестоносцевъ [5], ожиданія, можетъ быть, и желаніе Грековъ видѣть его своимъ государемъ [6]: то неменьшія достоинства говорили и въ пользу графа Фландрскаго. Онъ, при твердости характера, славился набожностью

---

[1] См. Vite dè duchi di Venezia auctore Marino Sanuto (Mur. XXIV, p. 529).

[2] См. Rhamnusii de bello Constantinopolitano. Авторъ Хроники Морейской повѣствуетъ, будто самъ дожъ отказался отъ предлагаемой ему чести, и влагаетъ въ уста его рѣчь, совершенно соотвѣтствующую его положенію (p. 22. éd. de Buchon).

[3] Гл. 61.

[4] По словамъ Вильгардуена онъ превосходилъ въ искусствѣ ратномъ всѣхъ современниковъ своихъ (гл. 21).

[5] Объ избраніи его въ верховные предводители см. Вильг. гл. 21. и Chr. de Morée. p. 7.

[6] Guntherus H. Const. C. 18 говоритъ объ этомъ желаніи.

и чистѣйшею нравственностью [1], не уступалъ никому въ храбрости, былъ государемъ богатаго и воинственнаго народа, близкимъ родственникомъ короля Французскаго, и большая часть рыцарей и прелатовъ видѣла въ немъ своего единоземца. Потому, для устраненія раздора между такими соискателями, оба, еще до рѣшенія ихъ участи, должны были дать обѣщаніе, что избранный между ними въ императоры уступитъ другому островъ Кандію и всѣ земли по ту сторону Восфора съ титуломъ короля, за что послѣдній, какъ вассалъ, дастъ ему ленную присягу [2]. Наконецъ (9 Мая 1204 года) выборъ палъ на Балдуина, графа Фландрскаго и Геннегаускаго; и такое предпочтеніе объясняютъ писатели различно [3]. По мнѣнію Никиты Хоніата [4], хитрые республиканцы разочли, что для нихъ безопаснѣе видѣть императоромъ графа Фландрскаго, коего владѣнія были отдалены отъ предѣловъ Италіи; Гиббонъ сомнѣвается во вліяніи такого расчета; Рамнузій думаетъ, что Балдуинъ былъ избранъ только потому, что онъ былъ сильнѣе другихъ предводителей; Шлоссеръ [5] весьма основательно полагаетъ, что Венеціянцы могли предпочесть его потому, что уже тогда имѣли виды на Кандію, которую онъ, при помощи Фламандцевъ скорѣе удержалъ бы, нежели Бонифацій, не имѣвшій приморскихъ владѣній.

«Да здравствуетъ Императоръ Балдуинъ!» воскликнули Латинцы, когда одинъ изъ епископовъ возвѣстилъ имъ объ избраніи; и съ ихъ кликами смѣшала свои клики чернь Константинопольская, привыкшая къ частымъ переворотамъ. Бароны посадили новоизбраннаго на щитъ, и отнесли въ Софійскую церковь, гдѣ онъ занялъ престолъ преемниковъ Константина Великаго. Чрезъ двѣ недѣли короновался онъ отъ руки епископа, заступавшаго мѣсто папскаго легата; впослѣдствіи повторилъ обрядъ коронованія первый патріархъ Латинскій, поставленный для Константинополя.

---

[1] Въ этомъ отдаютъ ему справедливость и самые Греки: Nic. Chon. U. C. и Ephraemius in chronico: «πολλῶν ταμεῖον ἀρετῶν θεοδότων, μάλιστ' ἐραστὴν σωφροσύνης καὶ δίκης.»

[2] Villeh. ch. 136. [3] См. Du Cange H. de C. sous les E. Fr. p. 320.

[4] Urbs Capta. [5] Weltg. in zus. Erzählung.

Назначивъ такимъ образомъ главу для феодальнаго общества, долженствовавшаго утвердиться въ Византійской имперіи, Латинцы обратились къ мѣрамъ для утвержденія Церкви своей въ столицѣ Православія. По договору между завоевателями [1], духовенство обѣихъ націй получило право завѣдывать всѣми церквами тѣхъ областей, которыя достанутся на долю каждой; но церковь Св. Софіи и право избранія изъ среды себя патріарха принадлежали Венеціянцамъ, какъ націи, изъ которой не былъ избранъ императоръ. Ѳома Морозини, благородный Венеціанецъ, извѣстный своими добродѣтелями [2], удостоился избранія въ патріархи, избранія, для котораго нужно было подтвержденіе папы. При рѣшительномъ вліяніи Церкви на право государственное, такое подтвержденіе было почти столь же необходимо и для освященія, по крайней мѣрѣ въ глазахъ западнаго Христіанства, самаго завоеванія, опиравшагося только на право меча и сдѣланнаго дружиною, которая должна была видѣть въ первосвященникѣ Римскомъ своего верховнаго вождя. Потому, увѣдомляя Европейскихъ государей, особыми циркулярными посланіями, о причинахъ и ходѣ завоеванія, и приглашая ихъ участвовать «въ великой радости всего Христіанства,» новый императоръ прежде всего поспѣшилъ извѣстить папу о блестящихъ побѣдахъ, которыми Богу было угодно увѣнчать мужество витязей креста, поздравлялъ его съ возстановленіемъ его власти на Востокѣ, и умолялъ прибыть лично въ Византію для утвержденія, на вселенскомъ соборѣ, соединенія Церквей [3]. По примѣру его, писали Маркграфъ Монферратскій и Дожъ, наперерывъ изъявляя свою покорность предъ папою; и всѣ вожди умоляли главу Церкви о прощеніи и благословеніи крестоносцевъ, ослушавшихся его воли, объ утвержденіи всѣхъ статей договора и посвященіи Морозини въ патріархи. Отвѣтъ Иннокентія соединялъ въ себѣ строгость съ милосердіемъ [4]. Порицая крестоносцевъ за отступленіе отъ святой цѣли ихъ опол-

---

1 О писателяхъ, которые приводятъ этотъ договоръ, см. выше.

2 Vita Inn. III, Mur. III, p. 541 и Rhamn. C. 3.

3 Тамъ же C. 92, и письма Инн. III въ собр. Балюзія.

4 Тамъ же и Odor. Raynaldi Annales Eccles.

ченія и, какъ мы видѣли, за самые поступки при завоеваніи, онъ угрожалъ имъ гнѣвомъ Божіимъ [1], котораго избѣгнуть они могутъ только строгимъ соблюденіемъ справедливости въ управленіи покоренною страною, вѣрностью апостольскому престолу и выполненіемъ обѣта завоевать Іерусалимъ. Но, въ то же время, онъ не могъ не радоваться приобрѣтенію, которое побѣдители повергали къ подножію престола его; не скрывалъ этой радости въ письмѣ своемъ [2], и утвердилъ всѣ статьи договора, заключеннаго между крестоносцами, кромѣ двухъ: о раздѣлѣ между ними церковнаго имущества и объ избраніи патріарха. Послѣднее онъ совершенно отвергнулъ, какъ противное каноническимъ правиламъ вмѣшательство мірянъ въ дѣла церковныя; но, изъ уваженія къ просьбамъ бароновъ и великимъ достоинствамъ Морозини, собственною властію, возвелъ его въ санъ патріарха съ предоставленіемъ ему всѣхъ преимуществъ, сопряженныхъ съ этимъ саномъ [3]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вручилъ онъ Церкви Константинопольской, по выраженію его, божественною благодатью, снова соединенной съ Римскою, всю прежнюю власть [4]; и, на будущее время, предоставилъ, каѳедральной коллегіи Софійской церкви право избранія патріарха согласно съ каноническими правилами.

Такъ думалъ папа; и новый патріархъ далъ обычную присягу на вѣрность папскому престолу за себя и за будущую паству свою. Но Церкви не соединялись; и пока существовала Латинская имперія, было два патріарха: одинъ Латинскій, жившій въ отчужденной Византіи и признаваемый только чужеземцами и немногими Греками, отступившими отъ православія; другой православный, утвердившійся въ Никеѣ, столицѣ природныхъ государей Греческихъ. Если завоеватели отправили своихъ епископовъ и священниковъ и въ провинціи, то духовныя завоеванія ихъ, не получившія на-

---

[1] «Кая бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ? или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою?» пишетъ папа къ побѣдоноснымъ крестоносцамъ.

[2] «О глубина богатства и премудрости и разума Божія, яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его,» восклицаетъ папа.

[3] Vita Inn. III (Mur. III C. 99, p. 543).

[4] Danduli Chr. l. 10, C. 3 (Mur. XII, p. 332).

длежащаго развитія въ самой столицѣ, тѣмъ менѣе могли быть значительны здѣсь. Удачнѣе распространяли Латинцы политическое господство; и папа, сначала негодовавшій на легата своего Петра Капуанскаго за разрѣшеніе крестоносцевъ отъ обѣта выступить, въ продолженіе года, въ Палестину, впослѣдствіи самъ отсрочилъ выполненіе его на неопредѣленное время, чтобъ не остановить ихъ успѣховъ въ Греціи; подтвердилъ и прощеніе, произнесенное легатомъ надъ Венеціянцами, которые, со времени взятія Цары, были отлучены отъ Церкви.

Обратимся къ реализаціи договора о раздѣлѣ завоеваній. Согласно съ постановленіемъ онаго, были назначены 12 уполномоченныхъ для распредѣленія между завоевателями земель и достоинствъ и для установленія взаимныхъ отношеній новыхъ владѣтелей какъ между собою, такъ и къ главѣ имперіи. Новоизбранный императоръ получилъ въ коронную собственность четверть государства [1] и дворцы Влахернскій и Вукалеонъ; остальныя три четверти раздѣлены на двѣ половины: одну получили Венеціянцы, другую Французы, Фламандцы и Ломбардцы. Всѣ получившіе владѣнія въ областяхъ Греческихъ были непосредственными или посредственными вассалами имперіи; обширность и богатство участка каждаго соотвѣтствовали его достоинству, заслугамъ, числу войска, бывшаго съ нимъ, и величинѣ прежнихъ владѣній [2]. Знатнѣйшимъ баронамъ назначены лены, непосредственно зависѣвшіе отъ имперіи; другіе предводители, равно какъ и всѣ рыцари, получили, какъ подвассалы, участки въ ихъ владѣніяхъ или въ коронныхъ земляхъ императора, который, въ отношеніи своей частной собственности, стоялъ на ряду съ другими баронами. Латинцы Константинопольскіе, подобно Латинцамъ Іерусалимскимъ, въ феодальной системѣ видѣли единственное средство для удержанія и распространенія завоеваній, прио-

---

[1] Sed Balduino comite Frandriae Imperatore creato, Franci partis suae quartam ei dederunt, et Veneti similiter: unde eis remansit quarta pars et dimidia totius imperii. (Marini Sannti dicti Torselli liber Secretorum Fidelium Crucis l. III. P. 11, C. 1).

[2] «Πρὸς τὴν ἀξίαν καὶ οὐσιάν... ἑνὸς γὰρ καὶ ἑκάστου καὶ τὸν λαὸν ὑποῦ εἴχασιν εἰς τὴν κογκέστα ἐκείνην. (Chr. de M. p. 23).

брѣтенныхъ по праву меча; они хотѣли соединить выгоды частныя каждаго предводителя съ общею цѣлью утвержденія въ завоеванной странѣ владычества, вѣры и обычаевъ своихъ, и обратили Греческую имперію (удержавшую изъ всего прежняго устройства одно имя) въ феодальную конфедерацію съ многими частными, мѣстными властями, которыя были слишкомъ слабо связаны съ центральною властью, сосредоточивавшеюся въ императорѣ и его совѣтѣ.

Что касается до мѣстнаго назначенія леновъ, то оно, по свидѣтельству Морейской хроники [1], производилось по жребію, но зависѣло также отъ выбора и послѣдующихъ размѣновъ. Были споры и жалобы на несправедливость дѣлежа [2]; за сокровища, доставшіяся на долю каждаго изъ общей добычи, рыцари покупали области и города, потомъ продавали ихъ другимъ или проигрывали въ кости [3] то, что едва знали по названію. Вообще дѣлежъ производился только на бумагѣ, потому что каждому нужно было сперва завоевать назначенный ему ленъ; между тѣмъ притязанія завоевателей, надъ которыми смѣется Никита Хоніатъ [4] (и слова его оправдываются Рамнузіемъ, приводящимъ извлеченіе о раздѣлѣ, заимствованное изъ Венеціянскаго архива), простирались до того, что они дѣлили между собою давно-утраченныя области Римской имперіи, хотѣли господствовать въ Александріи, Пареіи, Мидіи, оспаривали другъ и друга гаремы султана Иконійскаго [5]. Ограничимся здѣсь общимъ обзоромъ владѣній, назначенныхъ каждому народу, не приводя подробнаго исчисленія городовъ и областей [6], въ которомъ названія, по большой части, искажены, и изъ котораго нельзя составить понятія объ отдѣльныхъ участкахъ, тѣмъ болѣе, что границы не были опредѣлены, а раздоры и непредвидимыя обстоятельства произвели

---

[1] Chr. dé Morée, p. 23.

[2] G. Villeh. ch. 147; Gunth. H. Const.

[3] Nic. Chon. U. C. [4] Тамъ же.

[5] «The Nile and Euphrates, говоритъ Гиббонъ, rolled through their imaginary realms» (Ch. 62).

[6] Оно находится въ Хр. Дандоло (Mur. XII), гдѣ слѣдуетъ непосредственно за договоромъ 12-го Марта 1204 года; сперва исчислены мѣста, уступленныя обѣими націями императору.

перемѣны и въ самомъ назначеніи. Франки получили всѣ области въ Азіи, за исключеніемъ трехъ приморскихъ городовъ: Кизика, Халкедона и Кіанеи, назначенныхъ Венеціянцамъ; далѣе Ѳракію, королевство Ѳессалоникское или Солунское съ областями Македонскими, Ѳессалію, области Эллады отъ Ѳермопилъ до мыса Суніума и большіе острова вдоль Азіятскаго берега. На долю Венеціянцевъ достались: Киклады, Спорады (впослѣдствіи и островъ Кандія), также острова и весь восточный берегъ Адріатическаго моря съ Иллиріею, Эпиромъ, остальною частью Эллады и Мореею [1]; далѣе Ѳракійскій Херсонесъ, берега Пропонтиды до Селимвріи, Чернаго моря до Месимвріи, Архипелага до Пеллы и Верреи, нѣсколько приморскихъ городовъ въ Ѳессаліи, берега рѣкъ Гебра, Вардара, города Дидимотика и Адріанополь во Ѳракіи; имъ назначили и Сербію, хотя она никогда не зависѣла отъ Византійской имперіи [2].

Касательно назначенія леновъ сильнѣйшимъ баронамъ, мы уже видѣли, что Маркграфъ Монферратскій долженъ былъ получить островъ Кандію и области по ту сторону Босфора; но онъ предпочелъ этимъ послѣднимъ болѣе вѣрное обладаніе Македоніею съ титуломъ короля Ѳессалоникскаго, побужденный къ такому размѣну отчасти близостью новыхъ владѣній къ королевству брата супруги своей [3], отчасти, можетъ быть, и фамильными воспоминаніями [4]. Чтобъ еще болѣе округлить свое государство, Бонифацій уступилъ Венеціянцамъ островъ Кандію [5], на который имѣлъ права и до завоеванія Константинополя, но который было трудно удержать безъ значитель-

---

[1] Въ 12 вѣкѣ нѣкоторые писатели уже стали употреблять названіе Мореи вмѣсто Пелопонниеза (Zinkeisen: Gesch. Griechenlands v. Anf. gesch. Kunde bis auf unf Tage. B. I. S. 897).

[2] Исчисленіе мѣстъ, назначенныхъ Венеціянцамъ, можно видѣть и въ Vite de' duchi di Venezia auctore Marino Sanuto (Mur. XXII, p. 532 — 533).

[3] Онъ женился на вдовѣ императора Исаака, Маргаритѣ, принцессѣ Венгерской.

[4] Императоръ Эммануилъ далъ титулъ короля Ѳессалоникскаго (въ 1177 г.) брату Бонифація, вступившему въ бракъ съ его дочерью Маріею (См. Robertus de Monte apud Struv. Rer. Germ. Script. T. 3; p. 924).

[5] См. Beneventuti de S. Georgio Historia Montis-Ferrati (Mur. XXIII, p. 365): «Instrumentum venditionis Insulae Cretae per Bonifacium Montis-Ferrati Marchionem Duci Venetorum factae.»

наго флота [1]: въ вознагражденіе получилъ онъ отъ нихъ тысячу марокъ серебра, нѣкоторыя области въ Өессаліи и право на приобрѣтенія въ южной Греціи, гдѣ, послѣ этого, старался распространить свое владычество. Изъ другихъ предводителей крестоносцевъ, графу Людовику Блоаскому была назначена Виөинія съ титуломъ Герцога Никейскаго, Стефану де-Перше, прибывшему уже по взятіи Константинополя, другая часть Малой Азіи съ титуломъ Герцога Филадельфійскаго; Ренье де-Тритъ получилъ Филиппополь также съ титуломъ Герцога; нѣкоторые витязи завоевали для себя лены и безъ особаго назначенія со стороны императора и его совѣта, какъ видно изъ примѣра Вильгельма де-Шамплитта и Готфрида Вильгардуена Младшаго, овладѣвшихъ Мореею.

Между тѣмъ какъ бароны и рыцари разсѣялись по областямъ для занятія своихъ леновъ вооруженною рукою, распря между императоромъ и сильнѣйшимъ изъ его вассаловъ, королемъ Өессалоникскимъ, едва не раздѣлила завоевателей на двѣ враждебныя партіи. Настойчивость Балдуина, желавшаго принять лично присягу отъ жителей Өессалоники, показалась Бонифацію нарушеніемъ его собственныхъ правъ [2], между тѣмъ какъ императоръ, въ самомъ сопротивленіи его походу, видѣлъ намѣреніе не признавать власти главы имперіи, и поспѣшилъ занять столицу своего соперника. Бонифацій, съ своей стороны, овладѣлъ Дидимотикою и другими Өракійскими городами, и осадилъ Адріанополь [3]; къ нему толпами стекались Греки, ибо онъ, по словамъ Никиты Хоніата, объявилъ, что совершенно отказывается отъ союза съ Латинцами и принимаетъ сторону Грековъ; супруга его Маргарита даже убѣдила его провозгласить императоромъ и противопоставить Балдуину сына ея Эммануила, рожденнаго отъ Исаака. Къ

---

[1] Царевичъ Алексій, искавшій помощи Бонифація, еще до прибытія крестоносцевъ къ Константинополю, уступилъ ему Кандію: почему въ вышеозначенномъ актѣ о продажѣ сказано: »que mihi data vel promissa sive concessa fuit per Alexium Imperatorem и т. д.«

[2] Такъ разсказываетъ Вильгардуенъ; Никита Хоніатъ пишетъ, будто Бонифацій узналъ, что Балдуинъ никогда не думалъ уступить ему славнаго города Өессалоники и намѣренъ самъ овладѣть имъ (U. C., c. 7).

[3] G. Villeh. ch. 148.

счастію для Латинцевъ, старанія маршала Вильгардуена, имѣвшаго большое вліяніе на всѣхъ вождей [1], равно какъ Манассіи де-Лиля, которымъ дожъ и бароны поручили посредничество, склонили обоихъ соперниковъ къ примиренію [2]; и императоръ, увѣрившись въ своей несправедливости, уступилъ королю Өессалонику и другія занятыя имъ мѣста. Тогда многіе бароны и рыцари, принимавшіе сторону послѣдняго, удалились съ нимъ изъ Константинополя, а императора окружили новые, прибывшіе, вмѣстѣ съ папскимъ легатомъ Петромъ Капуанскимъ, изъ Палестины [3].

Бонифацій снова утвердился въ своей столицѣ; но негодуя на жителей за то, что они безъ сопротивленія покорились императору, увлекся чувствомъ мщенія, и обременялъ ихъ огромными налогами, отнималъ у знатныхъ помѣстья, и отдавалъ своимъ рыцарямъ: вотъ одна изъ причинъ кратковременнаго существованія Өессалоникскаго королевства. Однако, при жизни Бонифація, предѣлы его быстро расширялись. Съ значительнымъ войскомъ вступилъ онъ въ Өессалію, привлекъ на свою сторону многихъ знатныхъ Грековъ [4], занялъ Лариссу и другіе города, сдавшіеся ему безъ сопротивленія. Надъ значительною частью Мореи господствовалъ, въ это время, Левъ Скуръ, знатный Грекъ, родомъ изъ Навплія, котораго отецъ уже имѣлъ здѣсь почти независимыя владѣнія, и который женился на Евдокіи, дочери Алексія III, искавшаго у него убѣжища [5]. Тщетно противопоставилъ онъ свое войско королю Өессалоникскому, приближавшемуся къ Өермопиламъ: оно разбѣжалось при первомъ появленіи Латинцевъ; и Бонифацій вступилъ безъ сопротивленія въ Өивы, занялъ Аөины, которыя, чтобъ не казаться предателемъ, оставилъ архіепископъ Михаилъ Хоніатъ, братъ историка, 30 лѣтъ управлявшій своею паствою, но, подобно другимъ Грекамъ,

---

[1] Nic. Chon. (U. C.) гов. о немъ: «*μέγα παρά τοῖς Λατίνων δυνάμενου στρατεύμασι.*»

[2] Villeh. ch. 158—159.

[3] Эти бароны и рыцари отдѣлились отъ главнаго войска, большею частью, еще до прибытія его въ Венецію. См. Vita Inn. III. (Mur. III, p. 540).

[4] Nic. Chon. U. C. c. 7, гдѣ эти Греки названы предателями отечества. [5] Тамъ же.

отчаявшійся въ возможности сопротивленія по взятіи Константинополя [1]. Мѣсто его занялъ архіепископъ Латинскій; и оба города, Аѳины и Ѳивы, получилъ въ ленное владѣніе отъ короля Ѳессалоникскаго Бургундскій рыцарь Оттонъ де-ла-Рошъ [2]. Преемники его носили титулъ *Μέγας-Κὺρ*; но въ 1259 г. Гвидо де-ла-Рошъ получилъ герцогскій титулъ отъ Людовика Святаго, бывшаго посредникомъ въ распрѣ его съ княземъ Ахайскимъ [3]. Герцоги Аѳинскіе господствовали надъ значительною частью Эллады до вторженія Каталонской дружины, въ началѣ XIV вѣка, овладѣвшей ихъ государствомъ [4]. Островъ Негропонтъ также покорился отряду, отправленному Бонифаціемъ подъ предводительствомъ Іакова д'Авена, и поступилъ во владѣніе Равана делла-Карчери, рыцаря родомъ изъ Вероны, который довершилъ его завоеваніе [5]. Впослѣдствіи были здѣсь три баронства, зависѣвшія отъ княжества Ахайскаго, и непосредственныя владѣнія Венеціянцевъ, которые наконецъ, въ 1372 году, подчинили себѣ весь островъ [6]. Король Ѳессалоникскій вступилъ въ Морею, овладѣлъ Коринѳомъ и Аргосомъ, и осадилъ Льва Скура въ Акрокоринѳѣ; но неприступность этого мѣста, равно какъ и крѣпости Наполи-ди-Романія, положила предѣлъ его дальнѣйшимъ завоеваніямъ.

---

[1] Объ этомъ братѣ съ гордостью говоритъ историкъ: «*καθίγνητος οὗτος ἐμός καὶ ἐμός· ἐγκαλλωπίζομαι γὰρ τῇ ὁμογνιότητι* etc.» (U. C.)

[2] Alberici Chr. ad. ann. 1205; также Rhamn. C. 4 и d' Outreman C. p. Belgica l. 5.

[3] Chr. de Morée p. 83; также Recherches et Matériaux pour servir à une histoire de la domination française aux XIII, XIV et XV siècles dans les provinces démembrées de l'empire Grec à la suite de la 4-me Croisade, p. Buchon. Paris 1840, P. 1, p. 315. Извѣстія, приводимыя Дю-Канжемъ, неудовлетворительны; онъ не могъ воспользоваться всѣми источниками.

[4] См. Chr. de Ramon Muntaner, ch. 240, p. 474 (Ed. de Buchon); также Nic. Greg. отъ 67 гл.

[5] Объ этомъ упоминаетъ и Иннокентій въ посланіи къ нѣкоторымъ епископамъ (Balus. p. 481): «quod nobilis vir Ravanus dominus insulé Negropontis, quasdam possessiones a Iacobo quondam de Avenis pietatis concessas etc.»

[6] Recherches et Matériaux p. s. à une H. de la dom. fr. dans les pr. de l'emp. Grec p. Buchon, отъ стр. 301 (P. I). Бальи Венеціянскій имѣлъ пребываніе въ Халкидѣ.

Между тѣмъ явился въ Мореѣ другой отрядъ Франковъ подъ предводительствомъ Готфрида Вильгардуена, племянника маршала Шампанскаго, плывшаго въ Константинополь, но бурею занесеннаго въ эту страну. Въ соединеніи съ однимъ знатнымъ Грекомъ, предпринялъ онъ ея завоеваніе; по смерти Грека и измѣнѣ его сына [1], предложилъ дѣйствовать общими силами другу своему Вильгельму де-Шамплитту, происходившему отъ владѣтельнаго дома графовъ Шампанскихъ [2] и служившему подъ знаменами короля Солунскаго. Бонифацій, которому, какъ думаетъ Бюшонъ [3], Венеціянцы передали часть своихъ правъ на южную Грецію, уступилъ Морею обоимъ друзьямъ, призналъ независимость ихъ будущихъ завоеваній, и, отказавшись отъ верховнаго леннаго права на земли владѣтелей Аѳинскаго, Негропонтскаго, Водоницкаго, подчинилъ ихъ, какъ вассаловъ, Вильгельму де-Шамплитту, принявшему титулъ князя Ахайскаго [4]. Готфридъ Вильгардуенъ возобновилъ, въ соединеніи съ Шамплиттомъ, прежнія завоеванія: они покорили отпавшіе города; разбили Михаила, деспота Эпирскаго, думавшаго оспаривать у нихъ обладаніе полуостровомъ [5]; обратились противъ укрѣпленныхъ мѣстъ, и завоевали Патрасъ, Андравиду, Коронъ, Каламату, Аркадію: только въ округѣ Лакедемонскомъ держались Греки подъ предводительствомъ Льва Хамарета, но и они скоро были разбиты храбрыми рыцарями. Вильгельмъ де-Шамплиттъ былъ первый князь Ахайскій [6]; Готфридъ Вильгардуенъ, при самомъ началѣ завоеванія, призналъ его своимъ сеніоромъ, и былъ первымъ вассаломъ княжества [7]. Онъ

---

[1] G. Villeh. ch. 173.

[2] Chr. de Morée, изд. Бюшона, стр. 32, прим. 2.

[3] Rech. et Mat. P. 1, отъ стр. 80-й.

[4] См. Chr. de Moréé. p. 38, гдѣ сказано о владѣтеляхъ этихъ леновъ: «Νὰ τὰ κρατοῦσιν ἀπ' αὐτὸν, καὶ αὐθέντην νὰ τὸν ἔχουν.» По всему должно думать, что Ахайское княжество, съ самаго начала, было самостоятельнымъ, хотя нельзя въ точности опредѣлить отношеній къ королевству Ѳессалоникскому при жизни Бонифація.

[5] Chr. de Mor; Мунтанеръ, въ своей хроникѣ (на древн. Каталонскомъ яз.), также упоминаетъ объ этой побѣдѣ: «E a la fi ell s'ajusta ab tot son poder e ab partida del poder del dispotat de l'Arta etc.

[6] Baluzii Ep. Inn. III, p. 23 et 66.

[7] Buchon: R. et M. pour servir à une h. de la dom. fr. dans l'emp. Grec.

получилъ въ ленное владѣніе Каламату и Аркадію, и занялъ мѣсто бальи, когда Шамплиттъ отправился во Францію для принятія во владѣніе своихъ родовыхъ земель; успѣлъ, впослѣдствіи, отдалить присланнаго Шамплиттомъ родственника [1], которому послѣдній уступилъ верховное владычество надъ Мореею; и самъ, съ общаго согласія бароновъ и рыцарей княжества, принялъ титулъ Князя Ахайскаго, и вступилъ во всѣ права своего союзника и сеніора [2].

Готфридъ I Вильгардуенъ покорилъ Акрокоринѳъ и Аргосъ, присвоилъ себѣ Коронъ и Модонъ, занятые, въ 1207 году, Венеціянцами [3], и довершилъ завоеваніе этой классической страны древняго міра, въ которой Французское владычество получило болѣе прочное основаніе, нежели въ другихъ областяхъ Византійской имперіи, и которая, испытавъ столько переворотовъ въ эпоху нашествій Славянъ, снова и на долгое время подверглась чужеземному вліянію: не даромъ называетъ ее Гонорій III новою Франціею [4]. Основанное здѣсь княжество заняло, послѣ паденія королевства Солунскаго, первое мѣсто между ленами Латинской имперіи, съ которою однако феодальныя узы связывали ее только со времени похода императора Генриха для усмиренія графа Бландраса, бальи Солунскаго [5]: узы слабыя, тѣмъ болѣе, что княжество Ахайское далеко превосходило своими силами имперію, клонившуюся къ упадку. Въ 1267 году, по договору между Балдуиномъ II и Карломъ Анжуйскимъ [6], право верховнаго владычества надъ Мореею перешло къ Дому Анжуйскому: но Іаковъ де-Бо, послѣдній изъ носившихъ титулъ Латинскихъ императоровъ Константинополя, именовался, въ то же время, и владѣтелемъ Морейскимъ [7].

---

1 Rech. et Mat. p. 84.

2 Тамъ же, стр. 85 и Chronique de Morée p. 46 etc.

3 Vite de' duchi di Venezia auctore Marino Sanuto (Mur. XXII, p. 535). Однако, въ 1250 году, Вильгельмъ Вильгардуенъ снова уступилъ эти города Венеціянцамъ за помощь, оказанную при завоеваніи Монемвасіи; и они владѣли ими до покоренія Турками въ 1498 году.

4 См. письмо Гонорія къ Бланкѣ, королевѣ Французской, отъ 20 Мая 1224 года.

5 Buchon: Recherches et Matériaux etc., p. 98 — 103.

6 Recueil de diverses chartes pour l'h. de Const. sous les Emper. français p. Du Cange, p. 17.

7 Buchon: R. et M. etc. p. 270 — 301 (P. 1).

Что касается до владѣній Венеціянцевъ, то они также считались ленами имперіи, хотя болѣе зависѣли отъ республики, нежели отъ нея. Дожъ принялъ титулъ: Dominus quartae partis et dimidiae Imperii Romaniae [1], который преемники его носили до половины XIV столѣтія [2]. Эти владѣнія, какъ мы видѣли, не составляли округленнаго территоріума; и изъ подробнаго исчисленія тѣмъ менѣе можно получить удовлетворительное понятіе о ихъ предѣлахъ, что многія изъ мѣстъ, означенныхъ тамъ, отчасти вошли поздно, отчасти никогда не входили въ составъ владѣній республики; съ другой стороны, Венеціянцы заняли нѣкоторыя области, не означенныя въ актѣ о раздѣлѣ, и купили многія мѣста у Французскихъ рыцарей, нуждавшихся въ деньгахъ [3]. Они имѣли въ виду преимущественно цѣль торговую: образовать цѣлый рядъ факторій на морскихъ берегахъ и островахъ отъ Рагузы до Босфора; вѣрные этой цѣли, строго расчитывали издержки и выгоды войны, и охотно отказывались отъ завоеваній, удержаніе которыхъ было затруднительно, и которыя не представляли особыхъ выгодъ для торговли, какъ Адріанополь и многія мѣста на твердой землѣ; напротивъ того, не щадили никакихъ издержекъ для завоеванія важныхъ въ этомъ отношеніи островов [4].

Трудно было бъ республикѣ, считавшей едва 200,000 жителей, утвердить свою власть въ мѣстахъ, столь разсѣянно лежащихъ: потому, для избѣжанія чрезмѣрнаго раздробленія общественныхъ силъ, и чтобъ скорѣе побѣдить сопротивленіе Грековъ, Сенатъ Венеціянскій рѣшился соединить частныя выгоды знатнѣйшихъ гражданъ съ общею цѣлью верховнаго

---

[1] См. Marino Sanuto: vite de' duchi di Venezia; также Sansovino nella Venezia l. XI.

[2] Съ избранія Джіованни Дельфино, въ 1356 г., перестали употреблять его (Daru: Histoire de Venise T. I).

[3] Тамъ же, стр. 307; Marin: storia del commercio Veneziano, T. II, p. 64 etc.

[4] Для подтвержденія этого довольно примѣра Кандіи, которую, не смотря на всѣ усилія Генуэзцевъ и императора Никейскаго, не смотря на непрестанныя возмущенія Грековъ, Венеціянцы удержали. См. Chr. Danduli l. X; также исторіи Венеціи: Lebret T. I; Daru T. I; Leo (въ 3-мъ Т. его Gesch. der Ital. Staaten).

господства и торговыхъ выгодъ всей республики. Чрезъ три года по завоеваніи Константинополя, былъ обнародованъ указъ [1], по которому частныя лица получили право завладѣнія вооруженною рукою островами Архипелажскими, принадлежавшими Венеціи по акту о раздѣлѣ, съ правомъ господства на нихъ, ограниченнымъ только присягою на вѣрность республикѣ и нѣкоторыми условіями, касавшимися торговыхъ выгодъ Венеціянскихъ гражданъ [2]. Вслѣдствіе такого дозволенія, богатые Венеціянцы начали снаряжать корабли на собственный счетъ, и многіе изъ нихъ приобрѣли значительныя владѣнія [3]. Между тѣмъ флотъ республики употреблялся только для важнѣйшихъ завоеваній. Такъ Райнеріо Дандоло, сынъ славнаго дожа, и Рожеръ Премарино покорили Корфу, предавъ казни морскаго разбойника Ветрано, поддерживаемаго Генуэзцами; и островъ этотъ, съ основанною на немъ Латинскою колоніею, сдѣлался главною опорою Венеціянскаго владычества при входѣ въ Адріатическое море [4]. Оттуда обратились они противъ Корона и Модона, и наконецъ противъ Кандіи, завоеваніе которой представляло наиболѣе затрудненій. Война продолжалась здѣсь нѣсколько лѣтъ, поддерживаемая врагами Венеціи; въ горахъ долго держались независимые Греки, и Райнеріо Дандоло погибъ въ борьбѣ съ туземцами; только въ 1212 году послѣдовала настоящая колонизація острова, раздѣленнаго на три части: одна осталась государственнымъ достояніемъ, другая поступила во владѣніе Латинской Церкви, третья раздѣлена на лены, 132 конныхъ (cavallerie) и 408 пѣхотныхъ (serventarie), отданные поселившимся здѣсь Венеціянцамъ съ обязанностью нести службу для защиты страны [5]. Новая система управленія уничтожила самую возможность успѣшнаго сопро-

---

[1] Rhamnusii: de bello Const. l. 6; Marin: storia del commercio Veneziano T. II.

[2] Таковы были: полная свобода торговли для всѣхъ Венеціянцевъ въ ихъ владѣніяхъ, безпошлинный вывозъ товаровъ и съѣстныхъ припасовъ и т. д. См. Marin: storia del commercio Ven. T. IV, l. 1, C. 7.

[3] Chr. Danduli LX, C. IV (Mur. XII).

[4] Тамъ же, C. IV, P. 4 и 7; также Vita de' duchi di Ven. Auct. Mar. Sanuto (Mur. XXII, p. 544).

[5] Rhamn. l. 6; Marin Vol. IV, p. 81 и т. д.; Leo: G. der Ital. Staaten, B. III.

тивленія со стороны туземцевъ, хотя послѣдніе еще повторяли неудачныя попытки [1]. Изъ Венеціянцевъ, приобрѣтшихъ наслѣдственныя владѣнія [2], Марко Дандоло и Іакопо Віаро покорили Галлиполи; братья Гизи утвердились на островахъ Теносѣ, Скиросѣ, Скіаѳѣ, Скопелѣ; Піетро Юстиніани и Доминико Микіели на островѣ Кеосѣ; Филокало Навагіери, получившій отъ императора Генриха титулъ герцога, овладѣлъ Лемносомъ. Но значительнѣе всѣхъ было герцогство Наксосъ, обнимавшее и многіе сосѣдніе острова, какъ то: Паросъ, Мило и другіе, и основанное Венеціянцемъ Марко Санудо [3]. Потомки его господствовали здѣсь до XIV столѣтія, именуясь государями Кикладъ и владѣтелями моря Эгейскаго, и признавая верховную власть князя Ахайскаго, которому подчинилъ ихъ императоръ Генрихъ [4]; чрезъ бракосочетаніе дочери послѣдняго изъ фамиліи Санудо, герцогство перешло въ фамилію Криспо, которая владѣла имъ до царствованія Солимана II [5]. Кромѣ Венеціянцевъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, принадлежавшихъ республикѣ по акту о раздѣлѣ, утвердились знатные Греки: признавъ ея верховную власть, они удержали свои владѣнія на правахъ вассаловъ, зависѣвшихъ непосредственно отъ республики, или на правахъ подвассаловъ, подчиненныхъ знатнымъ Венеціянцамъ [6].

Такимъ образомъ владѣнія Венеціи состояли отчасти изъ непосредственныхъ завоеваній республики, и сюда, кромѣ Венеціянской части Константинополя, принадлежали почти всѣ приморскіе города, обращенные въ истинныя факторіи съ республиканскими формами правленія; отчасти изъ леновъ наслѣдственныхъ, владѣтели которыхъ хотя давали присягу на вѣрность республикѣ, и имѣли нѣкоторыя обязанности въ

---

[1] Du Cange: H. de C. sous les E. Fr., ch. 32 (l. III).

[2] См. histoire nouvelle des anciens ducs et autres souverains de l'Archipel, par le père Sauger, Paris 1698.

[3] Vite de' duchi di Venezia auctore Marino Sanuto: Mur. T. XXII, p. 545.

[4] Buchon: Rech. et Mat. p. I, p. 353.

[5] Thuani historiarum sui temporis libri 138 (l. 49): уже въ 1527 г. Барбарусса подчинилъ это герцогство Турціи; въ 1566 г. султанъ заключилъ послѣдняго герцога Іакова Криспо въ темницу.

[6] Marin: st. del Comm. V. T. IV, l. 1, C. 7.

отношеніи къ ней, но вообще пользовались властью почти неограниченною касательно внутренняго управленія своими владѣніями. Нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи зависѣли не столько отъ нея, сколько отъ княжества Ахайскаго: такъ герцоги Кикладскіе и графы Кефалонскіе были одними изъ первыхъ между великими баронами этого княжества; послѣдніе, по-видимому, вовсе не состояли въ ленныхъ отношеніяхъ къ Венеціи [1].

---

[1] Buchon: R. et M, p. 1, p. 377.

ГЛАВА III.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ЛАТИНСКОЙ ИМПЕРІИ.

Завоеватели Византіи возвели одного изъ вождей своихъ на престолъ преемниковъ Константина Великаго, и возведенный принялъ громкій титулъ Императора съ эпитетами: Божіею милостью и Боговѣнчаннаго («Dei gratia fidelissimus in Christo Imperator a Deo coronatus, Romaniae moderator et semper Augustus») [1]. Послѣдній изъ эпитетовъ показываетъ, что принятіе Императорскаго титула обыкновенно слѣдовало за вѣнчаніемъ, отъ котораго считались и самые годы царствованія Латинскихъ императоровъ: такъ Балдуинъ II, возвратившись въ Константинополь уже нѣсколько лѣтъ спустя по смерти Іоанна Бріеннскаго, короновался, по примѣру своихъ предшественниковъ, въ Софійской церкви, и тогда только принялъ титулъ императора [2]. Греческіе Императоры носили еще болѣе пышный титулъ Самодержцевъ и Императоровъ вселен-

---

[1] См. Du Cange: прим. къ 136 гл. ист. Вильгардуена; также договоръ 1267 года между Балдуиномъ II и Карломъ Анжуйскимъ и письма перваго къ Людовику IX. На печатяхъ Балдуинъ I именовался: Balduinus, Dei gratia, Imperator Romaniae, Flandriae et Hannoniae comes; Балдуинъ II: Balduinus, Dei gratia Imperator, semper Augustus. См. Du Cange: de inf. aevi numismatibus и сочиненіе Датскаго ученаго Мюнтера: «Om Frankernes Mynter i Orienten. Kiöbenhavn 1806.

[2] Du Cange H. de C. sous les Emp. Fr. l. IV, ch. 19.

ной (*οἱ Χριστοῦ χάριτι αὐτοκράτορες καὶ βασιλεῖς πάσης τῆς οἰκουμένης*), напоминавшій прежнее владычество Рима надъ всѣмъ древнимъ міромъ: Латинскіе государи не могли именовать себя самодержцами, не соединяя съ своимъ титуломъ той власти верховной, неограниченной, священной, которая у Грековъ была неразлучна съ идеею Императорскаго Величества; но не называясь и повелителями вселенной, они, въ своихъ притязаніяхъ на внѣшнее владычество, едва ли уступали своимъ предшественникамъ; по крайней мѣрѣ, многія дѣйствія ихъ показываютъ стремленіе возвратить давно утраченныя части Римскаго міра. Уже Никита Хоніатъ, какъ мы видѣли, смѣется надъ завоевателями Константинополя, которые оспаривали другъ у друга владычество надъ странами, орошаемыми Ниломъ и Евфратомъ [1]. Гордый отвѣтъ, данный Балдуиномъ I посламъ Іоанна, Булгарскаго царя, искавшаго союза Латинцевъ [2], доказываетъ, что они смотрѣли на страны Дунайскія тѣми же взорами, какими смотрѣли на нихъ преемники Константина Великаго. Самъ папа, кажется, страшился подобныхъ притязаній въ отношеніи къ Риму, и потому не хотѣлъ короновать Петра Оксеррскаго внутри стѣнъ своей столицы [3].

Въ положеніи Латинскихъ императоровъ въ Константинополѣ весьма много аналогическаго, съ одной стороны, съ положеніемъ Германскихъ куниговъ, водворившихся, въ эпоху великаго переселенія народовъ, съ своими дружинами на Римской почвѣ; съ другой, съ положеніемъ верховнаго главы феодальнаго общества на западѣ—императора Германскаго, хотя, въ первомъ случаѣ, сходство ограничивается внѣшними обстоятельствами при завоеваніи, во второмъ составными элементами обществъ, изъ коихъ одно было отраслью другаго. Латинскій императоръ является такимъ же предводителемъ дружины, какъ и кунигъ, окруженный своимъ гелейтомъ; водворяется также на Римской почвѣ, въ восточной, уцѣлѣвшей отъ общаго разрушенія половинѣ Римскаго міра; вступаетъ, какъ и кунигъ, въ двоякія отношенія: отношенія преемника

---

[1] См. выше гл. 2.

[2] См. ниже гл. 6.

[3] См. ниже гл. 8.

Римскихъ императоровъ къ покореннымъ и отношенія верховнаго вождя къ дружинѣ завоевателей. Но первыя отношенія ограничиваются незначительными коронными владѣніями, и здѣсь видоизмѣняются феодальною системою. Чуждая единства власти и введенная, въ полномъ своемъ развитіи, на всемъ пространствѣ завоеванія, эта система даетъ опредѣленный, рѣзкій характеръ и свободнымъ отношеніямъ дружины завоевателей къ избранному ею главѣ. При такомъ направленіи, двѣ разнородныя стихіи общества не могли здѣсь слиться въ одно политическое тѣло, подобное имперіи Карла Великаго; вѣнценосный вождь дружины завоевателей уже потому одному не могъ думать объ увеличеніи своей власти, что не находилъ никогда опоры въ покоренныхъ, для которыхъ онъ былъ чуждъ по всему, и отъ которыхъ навсегда отдѣляла его бездна различія вѣры. Что касается до аналогіи въ положеніи императоровъ Латинскихъ и Германскихъ, то оба носятъ титулъ Римскихъ императоровъ съ притязаніями на всемірное владычество; оба являются главами феодальнаго общества, исказившаго своими уставами власть, нѣкогда сопряженную съ тѣмъ титуломъ; и потому значеніе обоихъ должно основываться только на родовыхъ или коронныхъ владѣніяхъ, на дарованіяхъ и твердости характера именовавшаго себя императоромъ: но, съ другой стороны, какая разность въ степени могущества, въ источникахъ средствъ главы великаго общества Германскаго и главы слабаго общества, водворившагося въ Византійской имперіи? Здѣсь, при кратковременности и непрочности Латинскаго господства, при ничтожествѣ императоровъ, слабыхъ и бездарныхъ, за исключеніемъ Балдуина I и Генриха, императоровъ, вполнѣ зависѣвшихъ отъ бароновъ и Венеціянцевъ, не могло быть и той постоянной борьбы съ вассалами (ссора между Балдуиномъ и Бонифаціемъ не заслуживаетъ и названія этого), которая шла на Западѣ во все продолженіе среднихъ вѣковъ; здѣсь споры императора и его вассаловъ съ духовенствомъ являются только какъ бы искаженіемъ той величественной борьбы свѣтской власти, отстаивавшей свои права, какъ получаемыя непосредственно отъ Бога, противъ притязаній папы, который, какъ намѣстникъ Христа на землѣ, хотѣлъ быть посредникомъ между Богомъ и священною властью Государей.

Постановленія Іерусалимскія (Assisiae regni Hierosolymitani) [1] — вотъ живой памятникъ устройства Іерусалимскаго королевства; и тѣ же постановленія, примѣненныя къ Латинской имперіи [2], должны служить памятникомъ ея устройства. Оба государства представляютъ, во всѣхъ отношеніяхъ, величайшее сходство: оба основаны крестоносными дружинами, при почти одинакихъ обстоятельствахъ временныхъ и мѣстныхъ, среди такихъ же неутомимыхъ и впослѣдствіи равно счастливыхъ враговъ, хотя въ одномъ эти враги были Мусульмане, въ другомъ Христіане; въ обоихъ мы встрѣчаемъ феодальное общество, избравшее главу изъ среды себя; католическую, непріязненную Восточной Церкви іерархію, образовавшуюся изъ сопровождавшаго крестоносцевъ духовенства, и городскія общины съ ихъ республиканскими элементами. Только въ Латинской имперіи (за исключеніемъ княжества Ахайскаго) всѣ органы государственнаго устройства могли еще менѣе развиться, нежели въ королевствѣ Іерусалимскомъ, по причинѣ существованія еще болѣе кратковременнаго и, въ послѣднее время, ограничивавшагося однѣми стѣнами Византіи; съ другой стороны, республиканскій элементъ былъ здѣсь значительнѣе и выразился рѣзче, нежели въ Палестинѣ: тамъ онъ ограничивался немногими поселеніями Италіянцевъ по морскому берегу, здѣсь являлся въ обширныхъ владѣніяхъ Венеціянцевъ.

Побѣдители какъ бы сами чувствовали сходство своего положенія съ положеніемъ своихъ предковъ въ Іерусалимѣ; и уже Балдуинъ I и его бароны выписали, для покоренной ими страны, сводъ постановленій Іерусалимскихъ, какъ видно изъ Италіянскаго текста, изданнаго Канчіани, гдѣ нѣсколько разъ повторяются слова: questo si è lo libro de le uxance de lo Imperio de Romania [3]. Эти законы, по свидѣтельству то-

---

[1] См. Canciani: leges barbarorum T. II.

[2] Для употребленія въ Латинской имперіи они были переведены на Греческій и Италіянскій языки: Италіянскій текстъ (въ Венеціянскомъ переводѣ 15 вѣка, назначенномъ для острова Негропонта) находится у Canciani T. III, стр. 493; Греческій текстъ можно видѣть между рукописями королевской библіотеки въ Парижѣ. (Buchon: Rech. et Mat.)

[1] См. p. 493 въ 3 T. Leg. barb: «Liber consuetudinum imperii Romaniae in Venetorum et Francorum ditionem redacti», гдѣ въ самомъ

го же текста [1], равно какъ и Vite de' Duchi di Venezia auctore Marino Sanuto [2], были введены на всемъ пространствѣ Латинской имперіи; дѣйствовали въ Венеціянскихъ владѣніяхъ [3]; и въ текстѣ [4], равно какъ и въ хроникѣ Морейской [5], упоминается о введеніи ихъ въ княжествѣ Ахайскомъ, какъ законовъ общихъ для всей имперіи, хотя оно относится не ко времени бракосочетанія Готфрида II Вильгардуена съ Агнесою, дочерью Петра Оксеррскаго, какъ говоритъ авторъ хроники, а къ царствованію Генриха и походу, предпринятому имъ для успокоенія королевства Ѳессалоникскаго [6].

Постановленія Іерусалимскія состоятъ собственно изъ двухъ кодексовъ: одинъ извѣстенъ подъ заглавіемъ Alta corte, другой Bassa corte или corte de li Borgesi [7]. Первый касается управленія ленами, и получилъ наименованіе отъ верховнаго суда (major curia) или суда бароновъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ въ Іерусалимѣ король, въ Константинополѣ императоръ; вто-

---

началѣ текста сказано: «Questo si è lo libro de le uxance de lo imperio de Romania, ordenade e stabilide al tempo de li serenissimi signori lo conte Balduin de Flandre, miser Bonifacio, marchese de Monteferrato, miser Erigo Dandalo, duxe de Venexia, e molti altri baroni, in lo tempo che fo conquistado lo imperio de Constantinopoli.»

[1] Тамъ же: «Cosi fo ordenado et zurado per tuto lo so imperio de tenir et guardar le dicte uxance a tuto lo suo poder.» Далѣе о цѣли введенія: «metter lo dicto imperio de Romagnia in bon ponto et in bon stado, et che li homeni et lo so povolo et tuti magniere de zente.... fossé governadi et menadi per justitia et dreto de raxon, et imperzoche la citade de Constantinopoli si è acircondada de pluxor generacion de zente et specialmente de zente che non son obedienti à la leze de Roma etc.»

[2] Mur. XXII p. 560: E fu da tutti i Baroni determinato di reggersi a questo modo. E cosi giurarono d'osservare per tutto il suo Imperio a tutto suo potere.»

[3] Marin st. del Comm. V. T. IV, l. 1, C. 8: «Le leggi, con cui si regolavano i cittadini e gli abitanti di Romania soggetti al imperio dei Veneziani.... erano le assise dal re di Gerusalemme, ricevute ed osservate in tutti i luoghi Christiani in Oriente.»

[4] Canciani Leg. Barb. (T. III, p. 499).

[5] На стр. 64, изд. Бюшона: *καὶ ἀφότου γάρ τὸν ἔδωκεν ἐγγράφως τά συνήθια, ὁποῦ τὰ ἔχει ἐπάρηνε.... ὁ βασιλεὺς τῶν Ἱεροσολύμων.*»

[6] Buchon: R. et Mat.. p. 98—101. (P. I).

[7] Canciani T. II.

рой получилъ названіе отъ нижнихъ или городскихъ судовъ (curiae minores), гдѣ предсѣдательствовалъ виконтъ, назначаемый государемъ для общинъ въ коронныхъ владѣніяхъ и баронами для общинъ въ ихъ ленахъ. Этотъ кодексъ былъ немедленно переведенъ на Греческій языкъ, потому что заключавшіяся въ немъ постановленія имѣли болѣе общее примѣненіе и касались и Грековъ [1]. Но вообще законы Іерусалимскіе исчерпывали, такъ сказать, только взаимныя отношенія членовъ феодальнаго общества, опредѣляли обязанности вассаловъ къ главѣ имперіи и между собою; есть въ нихъ статьи о порядкѣ наслѣдства леновъ, обязанностяхъ наслѣдниковъ, нѣкоторыя постановленія о покупкѣ и продажѣ имущества, долгахъ, свидѣтеляхъ, отношеніяхъ служащихъ и т. д. [2] Если война всегда бываетъ нормальнымъ состояніемъ для завоеваній, опирающихся на одно право меча, жизненною стихіею завоевателей, то въ государствахъ, основанныхъ крестоносцами, по необходимости пользовались особымъ покровительствомъ законодательства только носившіе оружіе, между тѣмъ какъ прочія сословія едва обращали на себя его вниманіе: ибо великія преимущества духовенства выходили изъ сферы гражданскихъ законовъ, и зависѣли отъ права церковнаго. Потому постановленія Іерусалимскія не обезпечиваютъ ничѣмъ правъ людей, принадлежащихъ къ низшему слою общества: поселянъ, военноплѣнныхъ, рабовъ; въ нихъ упоминается только, что эти люди составляютъ собственность законнаго владѣльца, который, лишившись, можетъ требовать ея обратно. Если въ одной статьѣ и сказано, что государь наблюдаетъ за тѣмъ, чтобъ бароны не отнимали ничего насильственнымъ образомъ у поселянъ (villani) [3], то другая предоставляетъ сеніору полное право лишать ихъ дома и движимаго имущества, оставляя только самое необходимое для содержанія — и то не ради правъ человѣчества, а для того, чтобъ лены не оскудѣли жителями [4].

---

[1] См. Buchon: Rech. et Mat. P. I, гдѣ онъ приводитъ извлеченіе изъ Пост. Іер.

[2] Canciani: Leg. barb. T. III.

[3] Тамъ же, ст. 23.

[4] Тамъ же, ст. 174.

Обратимъ особенное вниманіе на отношенія главы феодальнаго общества, утвердившагося въ Византійской имперіи, къ его членамъ, на права и обязанности послѣднихъ, взглянемъ на положеніе Латинскаго духовенства, и приведемъ немногія извѣстія, сообщаемыя намъ скудными въ этомъ отношеніи источниками, о третьемъ элементѣ, возникшемъ въ разрозненныхъ частяхъ Греческаго міра—городскихъ общинахъ. Феодализмъ съ формами, заимствованными отъ отношеній, которыя, въ эпоху крестовыхъ походовъ, существовали во Франціи, со всѣми злоупотребленіями, клонившимися къ ограниченію верховной власти и раздробленію ея на власти мѣстныя, независимыя, былъ, какъ мы уже сказали, душею постановленій Іерусалимскихъ, слѣдственно и всего устройства Латинской имперіи.

Императоръ, занявшій, по волѣ своихъ товарищей, престолъ преемниковъ Константина Великаго, былъ только предводителемъ ихъ союзныхъ силъ, только первымъ между баронами, его окружавшими. Какъ глава всего феодальнаго общества, онъ, по выраженію постановленій Іерусалимскихъ, никому не былъ обязанъ изъявленіемъ покорности, потому что государство его не составляло ничьей собственности, и онъ получилъ его прямо отъ Бога [1]: но, не давая присяги на вѣрность какому либо лицу, онъ былъ обязанъ присягнуть всему феодальному обществу, баронамъ, вассаламъ и всѣмъ подданнымъ, въ томъ, что будетъ управлять по законамъ страны, и не нарушитъ ничьихъ правъ или преимуществъ. Присяга эта давалась прежде принятія присяги отъ вассаловъ, которые, только по окончаніи обряда, были обязаны изъявлять обычную покорность верховному ленному владѣтелю [2].

---

[1] По 1-й статьѣ, подобно королю Іерусалимскому.

[2] См. Хр. Мор. стр. 184, гдѣ описывается присяга князя Ахайскаго на основаніи тѣхъ же постановленій. Во 2-й ст. Пост. Іер. сказано: Et da può che miser lo principo haverà facto sagramento a li baroni soi, li dicti baroni et homeni legii è tegnudi de far al dicto miser lo principo homagio et ligia de fidelitate. Въ договорѣ между баронами Константинопольскими и Іоанномъ Бріеннскимъ постановлено о присягѣ императора: «Rex vero quando coronabitur, super sacramenta jurabit se servare, manutenere et defendere imperium, jura imperii et honores et approbatas consuetudines etc.» (Rayn. ann. Eccl. ad annum 1229).

Такимъ образомъ здѣсь было обязательство взаимное; и обязанности сеніора къ вассалу были неменьше, если не больше, обязанностей послѣдняго. Эти отношенія прекрасно выражены хроникою Морейскою въ рѣчи князя Ахайскаго, который, въ отношеніи къ своимъ вассаламъ, находился въ одинаковомъ положеніи съ императоромъ. На требованіе Михаиломъ Палеологомъ уступки всей Мореи, плѣнный Вильгельмъ Вильгардуенъ возражаетъ: «Земля, завоеванная мечемъ благородныхъ мужей, товарищей моего отца, прибывшихъ съ нимъ изъ Франціи, принадлежитъ не мнѣ: завоеватели раздѣлили ее между собою по достоинству каждаго, потомъ избрали моего отца, какъ достойнѣйшаго изъ всѣхъ, главою своимъ; но, въ то же время, письменнымъ договоромъ между собою, лишили его права предпринимать что либо безъ общаго совѣта и согласія всѣхъ товарищей своихъ [1]. Что дѣйствія императора были также связаны особыми постановленіями и договорами, видно изъ договора, заключеннаго Генрихомъ съ Венеціянскимъ подестою [2]: онъ обязывается въ дѣлахъ, касающихся распространенія или защиты государства, всегда согласоваться со мнѣніемъ совѣта (составленнаго изъ короля Ѳессалоникскаго, Венеціянскаго подесты и знатнѣйшихъ бароновъ), и за всякое дѣйствіе противъ постановленій подвергается суду. Уже посредники, назначенные для примиренія Балдуина I съ Бонифаціемъ, принимаютъ повелительный тонъ, приглашая перваго подчиниться приговору дожа и бароновъ, и объявляя, что они не потерпятъ войны м жду соперниками [3]; преемники Генриха должны были еще болѣе зависѣть отъ своихъ бароновъ и вассаловъ, которые такъ безнаказанно и жестоко оскорбляютъ Роберта, позволяя себѣ даже самоуправство [4]. Императоръ не имѣлъ права наказывать ви-

---

[1] Chr. de Morée, p. 99.

[2] См. Rhamnusii de bello Const: онъ извлекъ его изъ Венеціянскаго архива; также Marin T. IV, l. I, C. 10: Pactum quod fecit Dominus Henricus frater domini Imp. C. cum Marino Geno potestate Venetorum. Бюшонъ гов. объ этомъ договорѣ въ 1 ч. своихъ Rech. et Mat. (p. 151); онъ былъ, по-видимому, подтвержденіемъ прежнихъ договоровъ Балдуина I съ дожемъ.

[3] G. Villeh. ch. 157.

[4] Mar. Sanuti l. Fidel. Crucis, l. II, p. 4, C. 18; Chr. Danduli l. X, C. IV.

новныхъ безъ согласія бароновъ; и если нарушалъ это, отнимая свободу или имущество у вассала, то товарищи послѣдняго могли требовать освобожденія его и возвращенія отнятаго, а, въ случаѣ отказа, прибѣгать къ оружію [1]. Безъ согласія вассаловъ, онъ не имѣлъ права облагать налогами ни ихъ, ни крестьянъ ихъ, равно какъ и всѣхъ свободныхъ людей; и самое согласіе было обязательно только для изъявившихъ оное [2]: для прикрытія же общихъ издержекъ управленія и на содержаніе императорскаго Двора назначались доходы съ коронныхъ владѣній [3]. Послѣднія были незначительны и въ первые годы имперіи, заключаясь въ четвертой части Константинополя и немногихъ Ѳракійскихъ городахъ; а съ уменьшеніемъ такихъ владѣній должно было еще болѣе упасть значеніе того, котораго средства опирались только на нихъ. Потому даже нѣкоторые вассалы князя Ахайскаго [4] были сильнѣе верховнаго леннаго государя ихъ сеніора, по крайней мѣрѣ, въ послѣдній періодъ существованія Латинской имперіи.

Имперія эта, по постановленіямъ договора, заключеннаго крестоносцами подъ Константинополемъ, была нераздѣльною, и престолонаслѣдіе представляло соединеніе права наслѣдственнаго съ избирательнымъ. Избравъ перваго императора, бароны постоянно придерживались его семейства: предпочли его брата Генриха королю Ѳессалоникскому; потомъ предоставили престолъ супругу сестры первыхъ двухъ императоровъ, и потомство отъ этого брака приобрѣло права наслѣдственныя, по крайней мѣрѣ, на титулъ императоровъ Константинопольскихъ. При всемъ томъ, пока существовала Латинская имперія, элементъ избирательный преобладалъ надъ наслѣдственнымъ правомъ [5], что особенно замѣтно въ колебаніи избирателей между Петромъ Оксеррскимъ и Андреемъ, коро-

---

[1] См. Пост. Іерус. (Canciani leg. barb. T. III).

[2] По 23 статьѣ Пост. Іерус: «Et in quella fiada, chi consente a quello si è obligadi, et chi non consentirà non serà obligadi.»

[3] См. вышеозначенный договоръ Генриха.

[4] Таковы: Герцогъ Наксоса и Цикладскихъ острововъ, Герцогъ Аѳинскій.

[5] См. договоръ бароновъ съ Іоанномъ Бріеннскимъ въ Rayn. Ann. Eccl. ad ann. 1229.

лемъ Венгерскимъ, равно какъ и въ назначеніи императоромъ Іоанна Бріеннскаго [1].

Что касается до Двора Латинскихъ государей, то образцемъ для него, какъ и для Двора Іерусалимскаго, служилъ Дворъ королей Французскихъ [2]; потому мы встрѣчаемъ въ Константинополѣ тѣ же великіе чины, какіе и въ Іерусалимѣ: сенешала, коннетабля, маршала, каммергера или великаго гардеробъ-мейстера (grand-maître de la robe). Уже Балдуинъ I, до коронованія своего, назначилъ Графа Гуго де-Сенъ-Поля коннетаблемъ Романійскимъ, Готфрида Вильгардуена маршаломъ, Тьѐри де-Ло сенешаломъ, Конона Бетюнскаго каммергеромъ [3]. Первый предводительствовалъ войскомъ, какъ главнокомандующій, и завѣдывалъ судопроизводствомъ во время походовъ; второй предводительствовалъ подъ начальствомъ коннетабля, котораго замѣнялъ во время его отсутствія; третій завѣдывалъ финансами, правосудіемъ, ему были подчинены бальи и т. д; четвертый управлялъ императорскимъ Дворомъ, и санъ его соотвѣтствовалъ сану протовестіарія Греческихъ Императоровъ.

Обратимся къ правамъ членовъ феодальнаго общества. Верховные предводители крестоносцевъ, бывшіе въ своемъ отечествѣ владѣтельными князьями, получили, какъ мы видѣли, непосредственные лены отъ имперіи; вассалы ихъ получили лены въ ихъ владѣніяхъ или въ коронныхъ земляхъ императора, которыя, подобно непосредственнымъ ленамъ имперіи, составляли только баронство, и получившіе здѣсь помѣстья стояли только на ряду съ вассалами бароновъ. Непосредствен-

---

[1] Du Cange (H. de C. sous les Emp. Fr. l. III, c. 15) объясняетъ предоставленіе Іоанну Бріеннскому титула императорскаго тѣмъ, что, въ то время, опекуны молодыхъ дворянъ Французскихъ обыкновенно присвоивали себѣ ихъ титулы и права, и выполняли сопряженныя съ этимъ обязанности: но Іоаннъ Бріеннскій былъ коронованнымъ императоромъ, и только потомство его должно было уступить потомству прежнихъ государей.

[2] Pauli Rhamnusii de bello Const. l. 3: «Imperiales magistratus et magisteria sive palatii officia, ut Graeci, vetere Graecorum Augustorum more constituta vocant, et dignitate nominis latini innovavit, imperiumque Constantinopolitanum aulae Franciae instar, etiam informavit et descripsit (p. 142).

[3] Alberici chr. ad. ann. 1204.

ные вассалы имперіи именовались высокими баронами; владѣтели леновъ, отъ нихъ зависѣвшихъ, баннеретами или простыми баронами, хотя вообще, при неразвившихся вполнѣ отношеніяхъ, трудно опредѣлить границы между правами и обязанностями и тѣхъ и другихъ. Такъ княжество Ахайское составляло какъ бы отдѣльный міръ, и князь былъ главою особой феодальной конфедераціи, только по имени подчиненной имперіи: потому 12 вассаловъ его, согласно съ постановленіями Романійскими, были равными ему по достоинству высокими баронами, и пользовались одинаковыми съ нимъ правами [1]. Каждое баронство заключало въ себѣ извѣстное число рыцарскихъ леновъ, которые могли быть конные или пѣхотные: первые были значительнѣе, но и на владѣльцахъ лежали большія обязанности [2]. Сверхъ того, въ разныхъ областяхъ имперіи, были многія коммандорства, которыми императоры Балдуинъ I и Генрихъ, равно какъ и король Ѳессалоникскій, надѣлили прибывшихъ изъ Палестины рыцарей Орденовъ Храма и Св. Іоанна Іерусалимскаго [3].

Всѣ получившіе лены въ имперіи были обязаны, въ отношеніи къ главѣ ея, ленною присягою и изъявленіемъ покорности (far homagio) [4]. Венеціянскія владѣнія, хотя и зависѣвшія болѣе отъ республики, считались также ленами имперіи; и потому на нихъ болѣе или менѣе лежали обязанности, сопряженныя съ такими отношеніями: только дожъ, согласно съ постановленіемъ договора, заключеннаго подъ Константинополемъ, былъ лично изъятъ отъ обязанности давать присягу на вѣрность императору [5]. Всѣ бароны, король, князь, гер-

---

[1] По 43 ст. постановленіи. Они были: герцогъ Аѳинскій, герцогъ Кикладскихъ островов или Додеканезскій, 3 владѣтеля Негропонтскіе, маркизъ Водоницкій, графъ Кефалонскій, бароны Каритенскій, Патрасскій, Пассавскій, Матагрифонскій, Калаврітскій; къ нимъ можно присоединить и наслѣдственнаго маршала Ахайскаго, который имѣлъ такія же права (См. Buchon: Rech. et Mat. p. 106 etc).

[2] См. Chr. de Morée, p. 48, 49, гдѣ описывается раздача леновъ.

[3] Epist. Inn. III (Собр. Балюзія): l. 13, Ep. 101, 120; l. 15, Ep. 61, 71.

[4] По 2-й ст. Пост. Ром.

[5] Но далѣе сказано въ договорѣ: Tamen ille vel illi quem vel quos vestro loco (т. е. loco Ducis) statueritis super iis que vobis fuerint assignata, debeant juramento teneri ad omne servitium Imperatori et im-

цоги и т. д., составляли, нѣкоторымъ образомъ, генеральный совѣтъ императора, который, для рѣшенія важныхъ вопросовъ, могъ сзывать ихъ въ назначенное имъ мѣсто. Такъ Генрихъ, желая совершенно уничтожить возмутительныя намѣренія графа Бландраса и успокоить королевство Ѳессалоникское, созвалъ вассаловъ, для общихъ совѣщаній, въ городъ Равеннику [1]. Въ случаѣ отсутствія или смерти государя, бароны избирали изъ среды себя бальи, которому вручали верховную власть до его возвращенія или избранія преемника [2], и который, какъ временный глава имперіи, подобно императору, былъ обязанъ присягнуть въ соблюденіи ея законовъ. [3]. Такіе же бальи, и въ тѣхъ же случаяхъ, заступали мѣсто бароновъ въ ихъ владѣніяхъ [4]. Обладаніе ленами было, какъ вездѣ, сопряжено съ обязанностью военной службы въ отношеніи къ имперіи; и служба эта была личная или владѣлецъ выставлялъ за себя воиновъ [5]. Изъ договора Генриха съ Венеціянскимъ подестою видно, что каждый вассалъ, какъ Франкъ, такъ и Венеціянецъ, въ случаѣ предпринятія императоромъ войны, долженъ былъ присоединиться къ нему съ своимъ войскомъ, и содержать оное на собственный счетъ отъ 1-го Іюня до Михайлова дня. Только сопредѣльность лена владѣніямъ непріятельскимъ сокращала срокъ до половины, а нападеніе непріятеля совершенно избавляло отъ обязанностей службы; напротивъ того, при вторженіи внѣшнихъ враговъ въ императорскія владѣнія, не опредѣлялось срока для службы вассала,

---

perio faciendum etc. Такимъ образомъ тѣ, которымъ дожъ передавалъ свое право, должны были давать присягу въ выполненіи всякой службы въ отношеніи къ имперіи и императору.

[1] См. Continuation de Villehardouin p. Henri de Valenciennes, изд. Бюшономъ, отъ стр. 184.

[2] Бальи управляли имперіею во время отсутствія Балдуина II, по смерти Балдуина I, Генриха и т. д.

[3] По 136 статьѣ постановленій Романійскихъ. (См. Canciani leges barbarorum).

[4] Такъ Готфридъ Вильгардуенъ младшій, по отъѣздѣ Шамплитта управлялъ, какъ бальи, княжествомъ Ахайскимъ; Карлъ Анжуйскій назначилъ Гуго де-Сюлли въ бальи для того же княжества послѣ кончины Вильгельма Вильгардуена (Chr. de Morée p. 183).

[5] По 123 ст. пост. Ром; послѣдній родъ службы назывался: «interposita persona.»

который долженъ былъ нести ее на собственный счетъ, пока военный совѣтъ имперіи считалъ это необходимымъ [1]. Подобныя обязанности имѣли подвассалы въ отношеніи къ своимъ сеніорамъ; а въ княжествѣ Ахайскомъ существовали особыя, мѣстныя постановленія, опредѣлявшія воинскую повинность вассаловъ этой отдѣльной части Латинской имперіи [2].

Что касается до правъ получившихъ лены, то какъ договоромъ подъ Константинополемъ, такъ и постановленіями Іерусалимскими, обезпечена самостоятельность ихъ въ отношеніи внутренняго управленія ихъ владѣніями, которыя были наслѣдственными какъ для мужескаго, такъ и для женскаго колѣна [3]. Всѣ бароны имперіи, равно какъ и княжества Ахайскаго, пользовались правами самодержавія въ своихъ владѣніяхъ: могли вести войну между собою, строили замки и крѣпости, чеканили монету [4], имѣли право уголовнаго суда (vendette di sangue) въ отношеніи къ своимъ подданнымъ; будучи судьями въ верховномъ судѣ бароновъ, они предсѣдательствовали въ судѣ своихъ вассаловъ, и назначали виконтовъ для предсѣдательства въ городскихъ трибуналахъ (corti de li Borgesi) [5]. Опредѣленія верховнаго леннаго государя получали и здѣсь, какъ въ баронствахъ королевства Іерусалимскаго, силу только послѣ подписи и приложенія печати барона. Мы видѣли, что вассалы могли быть обложены налогами только съ собственнаго согласія и подвергнуты наказанію только по опредѣленію большинства членовъ ихъ сословія [6]. Арестовать ихъ можно было за измѣну или убійство; за все другое отвѣчали они своимъ леномъ [7]: ибо наказанія по дѣламъ гражданскимъ ограничивались денежными взысканіями, и только въ важныхъ случаяхъ предписывались поединки. Даже при обвиненіи въ измѣнѣ и убійствѣ было необходимо подтвержденіе общимъ приговоромъ вассаловъ, чтобъ заключить вино-

---

[1] Marin: storia del comm. Ven. T. IV, l. I, c. 10.

[2] Chr. de Morée, p. 50.

[3] См. въ пост. Роман. (Canciani T. III) статьи о наслѣдствѣ.

[4] De Saulcy: Numismatique Byzantine; также Buchon Rech. et Mat. P. 1-re.

[5] См. Постан. Іерус. и Роман.

[6] Пост. Романійскія, ст. 3-я. [7] Тамъ же, ст. 4-я.

внаго и конфисковать его ленъ [1]. Вассалъ былъ обязанъ править посольство только тогда, когда оно касалось общей пользы государства; если же предметомъ его была частная надобность государя, то онъ могъ отказаться [2].

При такой разнородности правъ, при такомъ преобладаніи частнаго интереса надъ общимъ и стремленіи многочисленныхъ частей къ самостоятельности, зыбкое зданіе, воздвигнутое горстью завоевателей на ветхомъ основаніи развалины древняго Римскаго міра, не могло существовать долго, заключая внутри себя всѣ начала паденія, для котораго нуженъ былъ только незначительный ударъ извнѣ. Изъ всѣхъ леновъ имперіи оказались болѣе прочными Венеціянскія владѣнія, защищаемыя самымъ положеніемъ на болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ материка островахъ, и княжество Ахайское, которое, при полномъ развитіи феодализма, также пережило имперію.

Взглянемъ на положеніе духовенства среди феодальнаго общества, на которое оно, по разнымъ причинамъ, должно было имѣть великое вліяніе. Преобладаніе религіознаго элемента въ войскѣ крестоносцевъ естественно: потому въ рядахъ его было много духовныхъ лицъ отъ низшихъ степеней церковныхъ до сана епископскаго; и епископы, какъ мы видѣли, со стороны Франковъ, были единственными участниками въ избраніи перваго императора. Завоеватели Константинополя должны были чувствовать свою зависимость отъ верховнаго вождя крестоносныхъ силъ - папы: умоляя его о прощеніи за отступленіе отъ прямой цѣли, они изъявляли, въ письмахъ къ нему, готовность быть ревностными исполнителями его воли, и повергали новое завоеваніе къ подножію папскаго престола, рыцаремъ котораго наименовалъ себя новоизбранный императоръ [3]. Титулъ этотъ не имѣлъ ничего общаго съ титуломъ рыцаря Гроба Господня, принятымъ Готфридомъ Бульонскимъ; напротивъ того, здѣсь очевидно только стремленіе исторгнуть у папы, униженіемъ сана императорскаго предъ саномъ намѣстника Христова, признаніе за-

---

[1] Пост. Ром. ст. 5-я. [2] Тамъ же, ст. 17-я.

[3] Vita Inn. III, C. 92 etc. (Mur. III).

воеванія, сдѣланнаго крестоносцами, и вовлечь его въ интересы завоевателей. Здѣсь, нѣкоторымъ образомъ, осуществлялась теорія, созданная Гильдебрандомъ и его преемниками о происхожденіи свѣтской власти не прямо отъ Бога, а чрезъ посредство его мнимаго намѣстника, теорія, не опровергаемая и дальнѣйшими отношеніями императоровъ къ папѣ: но жалки были вѣнценосцы, принужденные обстоятельствами до такой степени унижать свой санъ. Отъ папъ зависѣло открытіе и закрытіе и тѣхъ скудныхъ источниковъ, которые могли продлить бытіе Латинской имперіи: они призывали народы Запада на помощь ей, нерѣдко употребляли для нея значительныя суммы, собранныя для другихъ цѣлей [1]; и слишкомъ хорошо понимая свое значеніе, должны были видѣть въ слабыхъ императорахъ, державшихся только ихъ помощью, подручниковъ своихъ, въ посланіяхъ къ которымъ, при малѣйшемъ сопротивленіи ихъ волѣ, принимали повелительный тонъ Гильдебранда [2]. Ясно, что отблескъ славы, окружавшей главу Церкви, долженъ былъ падать и на духовенство, подчиненное ему, и усилить его значеніе среди свѣтскаго общества.

Въ челѣ духовенства Латинской имперіи стоялъ патріархъ Константинопольскій, который считался первымъ, послѣ папы, іерархомъ католическаго міра, и, между тѣмъ, во всемъ былъ подчиненъ іерарху Римскому. Власть его возвышалась подлѣ власти императора, ограничиваемая только предписаніями папы и вмѣшательствомъ его легатовъ: отъ него зависѣли архіепископы и епископы, а отъ послѣднихъ Латинскіе священники, во многихъ мѣстахъ вытѣснившіе Греческихъ. Всѣ епископальныя церкви, по образцу церквей западныхъ, получили свои каѳедральныя коллегіи; и существовавшій на Западѣ порядокъ церковнаго судопроизводства былъ введенъ на всемъ

---

[1] См. ниже царств. Балд. II.

[2] Иннокентій III пишетъ къ Генриху, сильнѣйшему изъ Латинскихъ императоровъ, относительно нѣкоторыхъ постановленій, касавшихся храмовниковъ: «Не смотря на неоднократныя напоминанія наши, ты не послушался насъ, забывъ, что мы имѣли снисхожденіе выслушивать твои просьбы, и такъ часто подавали помощь въ твоихъ нуждахъ. Если дальнѣйшее упорство побудитъ насъ отказывать въ этой помощи, то ты будешь имѣть случай увѣриться въ великой потерѣ и т. д.

пространствѣ завоеванія [1]. Патріархъ короновалъ императора со всѣми обрядами, которые употреблялись при вѣнчаніи Греческихъ государей; самъ папа совершилъ коронованіе только надъ однимъ изъ Латинскихъ императоровъ—Петромъ Оксеррскимъ: но, и въ этомъ случаѣ, какъ бы нарушивъ права патріарха, вмѣнилъ себѣ въ обязанность извиниться предъ нимъ [2]. Коронованіе, нѣкоторымъ образомъ, могло представлять присягу духовенства, почему императоръ предъ нимъ опять присягалъ уставамъ государства: однако вообще духовенство смотрѣло на главу имперіи только какъ на военачальника и судію, избираемаго для обороны и управы свѣтскимъ обществомъ, но поставляемаго властью духовною; и всегда старалось доказать власть законовъ Римскаго Двора надъ Дворомъ Византійскимъ. Если духовное сословіе въ королевствѣ Іерусалимскомъ пользовалось самостоятельностью въ отношеніи владѣній своихъ, то такая самостоятельность была удѣломъ его и въ Латинской имперіи въ первые годы ея существованія: оно овладѣло сокровищами Греческой Церкви, и, при посредничествѣ папы, заставило феодальное общество уступить себѣ значительныя владѣнія на основаніи своихъ собственныхъ правъ. Но приобрѣвъ часть того, что было приобрѣтено подвигами витязей крестоноснаго ополченія, оно не хотѣло участвовать въ повинностяхъ, лежавшихъ на свѣтскихъ вассалахъ, и, не обязанное личною службою, часто отказывало и въ службѣ «interposita persona,» не выставляя воиновъ на защиту имперіи. Слѣдствіемъ были безпрерывные раздоры главы и членовъ феодальнаго общества съ главою и членами сословія духовнаго: раздоры, распространившіеся, въ царствованіе Генриха, почти по всѣмъ областямъ имперіи, и особенно упорные и продолжительные въ княжествѣ Ахайскомъ [3]. Отличаясь однако болѣе мелочнымъ характеромъ, они имѣли мало общаго съ тою трагическою борьбою, которая шла на Западѣ между свѣтскою и духовною

---

[1] См. о положеніи духовенства въ Латинской имперіи письма Иннокентія III и его преемниковъ, которыя, въ этомъ отношеніи, составляютъ важнѣйшій источникъ.

[2] См. ниже гл. 8-ю.

[3] Chr. de Morée, p. 65, 66 etc; также письма Инн. III.

властью, и феодальное общество въ Византіи уступало, большею частью, при первыхъ угрозахъ со стороны Римскаго первосвященника; они наконецъ должны были прекратиться при упадкѣ Латинскаго владычества, когда свѣтская власть напрягала послѣднія силы свои только для его поддержанія, когда духовенство съ главою своимъ—патріархомъ Константинопольскимъ, лишившись послѣднихъ владѣній, существовало подаяніемъ болѣе богатаго и счастливаго духовенства Морейскаго.

Бароны, ихъ вассалы и вообще всѣ получившіе, на правѣ феодальномъ, владѣнія въ покоренной странѣ, равно какъ члены духовенства и рыцари Орденовъ Храма и Св. Іоанна Іерусалимскаго, составляли высшій слой общества завоевателей. Но значительнѣйшая часть крестоноснаго воинства состояла изъ простыхъ воиновъ, которые были или крестьяне, служившіе подъ знаменами своихъ владѣльцевъ, или горожане, имѣвшіе собственныхъ вождей: первые водворились, большею частью, на земляхъ своихъ сеніоровъ; вторые поселились въ городахъ, выписали свои семейства, и, вмѣстѣ съ мелочными торговцами, сопровождавшими, въ значительномъ числѣ, войско крестоносцевъ, составили городскія общины по образцу бывшихъ тогда на Западѣ, хотя вообще такія общины, при преобладаніи феодализма, могли получить полное развитіе только во владѣніяхъ Венеціянцевъ. Мы даже не имѣемъ положительныхъ свѣденій о состояніи городовъ въ коронныхъ владѣніяхъ императора и ленахъ его вассаловъ; знаемъ только, что многіе Греческіе города удержали свои права и законы, и пользовались почти совершенною самостоятельностью въ отношеніи внутренняго управленія [1]. Вообще, вслѣдствіе введенія постановленій Іерусалимскихъ на всемъ пространствѣ имперіи, подвластныя городскія общины должны были получить устройство и управленіе, сходныя съ городами въ Іерусалимскомъ королевствѣ [2]. Потому существовали городскіе суды, составленные изъ знатнѣйшихъ гражданъ подъ предсѣда-

---

[1] См. слѣд. главы.

[2] Объ этомъ предметѣ см. Michaud h. des Crois.; Wilken Gesch. der Kreuzzüge; постановленія Іерус. и Романійскія; также Buchon Rech. et Mat. etc.

тельствомъ виконтовъ; и власть послѣднихъ ограничивалась тою самостоятельностью, которою, при правѣ судиться равными, могли пользоваться общины. Но такое право какъ здѣсь, такъ и въ Іерусалимскомъ королевствѣ, распространялось не на всѣ города; и не имѣвшіе его горожане, равно какъ и жители деревень, подвластныхъ императору или вассаламъ, находились подъ вѣдомствомъ бальи, назначаемыхъ сенешаломъ для коронныхъ владѣній, баронами для собственныхъ леновъ: ибо каждый изъ нихъ былъ въ своихъ владѣніяхъ, какъ мы видѣли, самостоятельнымъ государемъ относительно внутренняго управленія. Однако и въ такихъ общинахъ дѣла маловажныя рѣшались въ судахъ, составленныхъ изъ извѣстнаго числа жителей.

Что касается до городскихъ общинъ въ Венеціянскихъ владѣніяхъ, зависѣвшихъ непосредственно отъ республики, то онѣ, какъ сказано выше, находились только въ слабой связи съ имперіею: такъ граждане Венеціянской части Константинополя пользовались совершенною независимостью, составляя какъ бы республику внутри стѣнъ самой столицы имперіи; и императоры и ихъ бароны, всегда нуждавшіеся въ помощи Венеціянцевъ, уважали эту независимость [1]. Основаніемъ для формы правленія въ такихъ владѣніяхъ служили муниципальныя постановленія, которыхъ Италіянскія республики вообще придерживались, въ средніе вѣки, при управленіи своими факторіями, и изъ которыхъ большая часть обнародована около половины XV вѣка [2]. Метрополія, искуснымъ образомъ, соединяла все нужное для обезпеченія своего вліянія съ гражданскою свободою общинъ, способствовавшею развитію ихъ силъ, процвѣтанію промышленности, въ особенности торговой, и доставлявшею метрополіи ту выгоду, что защита колоній могла быть предоставлена имъ самимъ. Можно сказать, что внутреннее устройство владѣній, непосредственно зависѣвшихъ отъ Венеціи (кромѣ Кандіи, гдѣ ходъ событій

---

[1] Они заключали даже формальные договоры съ подестою Венеціянцевъ, какъ бы съ союзникомъ. См. выше о договорѣ 1205 г., который приводятъ Рамнузій и Марино.

[2] См. Michaud: éclaircissemens къ 3-му Т. его ист. крест. пох.

подалъ поводъ къ учрежденію особеннаго рода управленія), было сколкомъ съ устройства метрополіи: ибо республиканскіе элементы, по выраженію Лео, были неразлучны съ сынами Венеціи и на морѣ и за моремъ [1]. Такимъ образомъ горожане пользовались здѣсь всѣми правами и вольностями, какія только существовали въ Италіи для среднихъ сословій [2]. Были учреждены формальныя собранія всей общины (arrengo); былъ муниципальный совѣтъ, коего члены избирались свободно, и которому подчинялись всѣ правительственныя лица, избираемыя также общиною, кромѣ подесты или бальи, назначаемаго дожемъ и обязаннаго въ точности выполнять предписанія Венеціянской республики. Подеста, нѣкоторымъ образомъ, заступалъ мѣсто дожа, и предсѣдательствовалъ въ великомъ совѣтѣ (consiglio maggiore), членами котораго были Венеціянскіе Nobili и ихъ потомки [3]. Граждане избирали судей изъ среды себя, и число ихъ зависѣло отъ числа жителей колоніи: въ Константинополѣ было шесть судей для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Постановленія Іерусалимскія, примѣненныя къ Латинской имперіи, дѣйствовали, какъ мы видѣли, въ Венеціянскихъ владѣніяхъ наравнѣ съ прочими частями имперіи: но для народа торговаго необходимы неменѣе прочные уставы и относительно мореплаванія; и, въ этомъ отношеніи, Венеціянцы руководствовались такъ называемымъ «Consolato del Mare», получившимъ начало въ Каталоніи [4]. Постановленія эти, по случаю введенія которыхъ Венеціянская община столицы собиралась въ Софійской церкви, имѣли благодѣтельное вліяніе на развитіе мореплаванія и торговли, не смотря на недостаточное обезпеченіе общенародныхъ правъ и непризнаніе нейтральнаго флага; впрочемъ чуждое морскимъ уставамъ до новѣйшаго времени [5].

---

[1] Gesch. der Ital. Staaten.

[2] Marin: storia del Comm. Ven. T. IV, l. 1, C. 7 etc.

[3] Marin Vol. IV; также Leo: Gesch. d. Ital. Staaten, 3-ter Th.

[4] Marin V. IV, l. 1, C. 10: «e per la stessa ragione de'statuti e dei discipline adottando come tutti gli altri le leggi di Barcellona, tenute da qualche tempo in osservanza da' Genovesi e Pisani, che dette poi furono consolato di mare e diventati universali in Oriente.»

[5] Heeren: V. e. Entw. d. Folgen der Kreuzzüge, S. 384.

ГЛАВА IV.

ПОЛОЖЕНІЕ ГРЕКОВЪ, ПОКОРИВШИХСЯ ЧУЖЕЗЕМНОМУ ВЛАДЫЧЕСТВУ, И ИХЪ ОТНОШЕНІЯ КЪ ЛАТИНЦАМЪ.

Мы видѣли, чѣмъ началось владычество Латинцевъ въ Константинополѣ, и въ какія отношенія, при самомъ завоеваніи, вступили къ покореннымъ завоеватели, для которыхъ добыча, а не благоустроенное и благоразумное хозяйство государственное, чуждое ихъ вѣку, казалось единственнымъ средствомъ обогащенія [1]. Оставивъ жителямъ столицы одну жизнь, они повергли ихъ въ нищету и отчаяніе, которыя раздѣляли съ ними и жители ближайшихъ окрестностей. Люди достаточные обѣдняли; не находя убѣжища, и лишенные дневнаго пропитанія, просили милостыни у проходившихъ, и подвергались насмѣшкамъ черни: случайное обогащеніе немногихъ поселянъ, покупавшихъ за безцѣнокъ у завоевателей драгоцѣнныя вещи, которыя достались имъ по раздѣлѣ добычи, не могло представить никакаго вознагражденія за нищету общую [2].

Но если утрата имущества, постигшая, въ полной мѣрѣ, только обитателей столицы и ея окрестностей, могла ка-

---

[1] Только 2-й изъ Никейскихъ императоровъ, Іоаннъ Ватацесъ, въ этомъ отношеніи, возвышался надъ понятіями своихъ современниковъ. См. Nic. Greg. l. II, C. 6; Pach. l. I, C. 23 et 24.

[2] Nic. Chon. U. C. c. 5, гдѣ онъ описываетъ собственныя бѣдствія.

заться бѣдствіемъ случайнымъ и временнымъ, то, напротивъ того, система управленія, введенная завоевателями на всемъ пространствѣ имперіи, при общемъ отвращеніи туземцевъ къ чужеземному, иновѣрному господству, была зломъ постояннымъ, глубоко проникнувшимъ во всѣ отношенія жизни гражданской, отчасти и семейной. Напрасно говоритъ Бюшонъ [1]: «что Французское завоеваніе 1204 года и энергія, обнаруженная завоевателями въ первое время ихъ владычества, равно какъ и самые законы феодальные, которымъ они подчинились, были скорѣе полезны, нежели гибельны для страны, погруженной въ совершенную анархію: тогда только водворилось здѣсь уваженіе къ законамъ; тогда только угнетенные находили защиту, обращая взоры къ Риму, и видя энергію тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя, при Иннокентіи III, такъ удачно боролись съ силами матеріальными, заставляя и могущественнѣйшихъ склонять главы предъ собою». Сужденіе, совершенно ложное въ отношеніи къ мнимому убѣжищу всѣхъ гонимыхъ — папскому престолу и преувеличенное въ отношеніи состоянія Византійской имперіи предъ завоеваніемъ. Папа былъ защитникомъ, хотя и не всегда дѣятельнымъ и рѣдко безкорыстнымъ, для сыновъ Латинской Церкви: но какаго покровительства могли ожидать отъ него чуждавшіеся его владычества [2]? Если онъ иногда и побуждалъ Латинцевъ къ кроткимъ мѣрамъ въ отношеніи къ Грекамъ, то только въ надеждѣ скорѣе побѣдить ихъ сопротивленіе; когда жъ эта надежда исчезала, то онъ и легаты его ссорились съ императорами за ихъ снисхожденіе къ подданнымъ въ дѣлахъ вѣры [3]. Что касается до состоянія Греческой имперіи предъ завоеваніемъ, то нельзя не сознаться, что анархія въ провинціяхъ достигла значительнаго развитія при слабости послѣднихъ императоровъ и бѣдствіяхъ, постигавшихъ государство извнѣ. Однако, при всемъ томъ, еще дѣйствовали законы, доведенные въ Византіи до органической системы, имѣли силу прекрасныя

---

[1] Rech. et Mat. P. 1-re.

[2] Was half es den Mauren in Spanien, als man sie zu Hunderttausenden nackt und blutend aus dem Lande jagte, daß ein gewaltiger Papst sey? говоритъ одинъ изъ Германскихъ историковъ.

[3] См. ниже царствованіе Генриха.

древнія учрежденія и строгія формы администраціи, которымъ имперія отчасти была обязана своимъ долговременнымъ существованіемъ среди враждебныхъ элементовъ, ее окружавшихъ; формы и учрежденія, съ которыми свыклись Греки, и которыя глубоко проникли во всѣ условія ихъ жизни. Можно замѣтить и то, что самые жестокіе изъ государей Римскихъ и Византійскихъ были страшными только для вельможъ и приближенныхъ своихъ, являясь, по большой части, покровителями и защитниками гражданъ. И каково бы ни было состояніе уцѣлѣвшей половины Римскаго міра, но улучшилъ ли его феодализмъ, заключавшій въ себѣ еще гибельнѣйшія начала анархіи? Не долженъ ли онъ былъ, напротивъ того, какъ элементъ чуждый и насильственно вторгнувшійся наперекоръ развитію жизни древняго общества [1], обнаружить разрушительное вліяніе свое при безпрерывной и неудачной борьбѣ завоевателей съ врагами ихъ владычества? Лены отъ королевствъ и княжествъ до участковъ владѣтелей небольшихъ замковъ были управляемы мечемъ бароновъ и рыцарей; и ихъ безпрерывныя войны съ независимыми Греческими владѣтелями, ихъ частые раздоры между собою изгоняли всякую мирную дѣятельность, которая могла бъ уничтожить слѣды завоеванія вооруженною рукою. При бѣдности и невѣжествѣ феодальныхъ владѣльцевъ, тиранство пустило многочисленныя вѣтви до самыхъ уединенныхъ деревень и хижинъ: въ каждомъ городѣ, каждомъ мѣстечкѣ поселился гордый и слабый тиранъ—Латинскій рыцарь. Кому только удавалось, говоритъ Шлоссеръ [2], соединить вокругъ себя небольшую дружину, тотъ занималъ замокъ, гору или другое безопасное мѣсто, откуда могъ удобнѣе производить разбои, нежели въ своихъ отечественныхъ лѣсахъ. Притѣсненіямъ не было конца [3], и нѣко-

---

[1] Феодализмъ отчасти проникнулъ въ Грецію уже въ эпоху 1-го крестоваго похода, обнаружился въ стремленіи нѣкоторыхъ вельможъ къ самостоятельности, и вызвалъ реформу, которую замышлялъ Андроникъ I. (См. Leo: Lehrbuch d. Gesch. d. Mittelalters u. Fallmerayer Gesch. d. K. v. Trapezunt.)

[2] Weltgesch. in zusammenhang. Erz. 3-ten B 2-ter Th.

[3] Nic. Chon. U. C. описываетъ гибельныя слѣдствія раздробленія имперіи на мелкія владѣнія, обнаружившіяся, по словамъ его, въ ра-

му было защитить притѣсняемыхъ: глава феодальной іерархіи былъ слишкомъ слабъ, чтобъ поддерживать спокойствіе внутреннее или безопасность внѣшнюю. И могъ ли этотъ слабый баронъ замѣнить для Грековъ Самодержца православнаго, въ которомъ, не смотря на частые перевороты, они привыкли видѣть представителя воли Божіей на землѣ, котораго всѣ дѣйствія казались имъ дѣйствіями Провидѣнія? могъ ли императоръ иновѣрный и гонитель Православія замѣнить того, кого, уже при вѣнчаніи, именовали вѣрнымъ стражемъ ученія Святой Церкви [1]? Греки должны были по необходимости искать иной точки опоры, и искали ея сперва въ царѣ Булгарскомъ: но обманутые въ своей надеждѣ и устрашенные его жестокостью, они скоро обратились къ усилившимся между тѣмъ въ разныхъ областяхъ имперіи Греческимъ владѣтелямъ, не разбирая первоначально, и не имѣя, въ тѣ смутныя времена, возможности разбирать, кто изъ вельможъ, объявившихъ себя независимыми, имѣлъ болѣе правъ именоваться преемникомъ Константина Великаго. Такъ жители Адріанополя, свергнувъ въ царствованіе Роберта иго Латинское, сперва звали къ себѣ Іоанна Ватацеса, потомъ покорились Ѳеодору Эпирскому, успѣвшему усилиться во Ѳракіи [2]. Наконецъ, когда всѣ права видимо сосредоточились въ императорахъ Никейскихъ, государство ихъ стало центральнымъ пунктомъ соединенія для всѣхъ Грековъ, которые стремились туда и изъ покоренныхъ и изъ непокоренныхъ чужеземцами областей.

Съ этой точки зрѣнія должно смотрѣть на сопротивленіе Грековъ и частыя возстанія ихъ противъ владычества, для котораго только право силы и меча служило основаніемъ. Прекрасно выражаетъ хроника Морейская сознаніе этого права самими завоевателями. «Займемъ», говорятъ вожди крестоносцевъ, «тронъ Константинопольскій, и поселимся здѣсь: страна, завоеванная нашимъ мечемъ, по справедливости принадле-

---

зорительныхъ налогахъ, грабежахъ, убійствахъ и неизчислимыхъ бѣдствіяхъ.

[1] См. о священномъ вѣнчаніи и помазаніи Царей на царство, соч. Катаева, 1847.

[2] См. ниже гл. 9.

житъ намъ» [1]. Но, съ другой стороны, непризнаніе этого права тѣми, которые, въ глазахъ побѣдителей, являлись только его объектами, которые долженствовали, при его осуществленіи, быть только лицами страдательными, ясно выразилось въ отвѣтѣ царя Булгарскаго, не думавшаго подчиниться новому повелителю Византіи, и объявившаго, что онъ имѣетъ болѣе правъ на господство надъ своими землями, нежели Латинцы, которые овладѣли Константинополемъ, не имѣя на то никакого законнаго права [2]. Оно не менѣе ясно выражалось и въ дѣйствіяхъ покорившихся Грековъ, которые уступили только необходимости, и, повинуясь, по той же необходимости, Латинцамъ, постоянно видѣли какъ въ самомъ завоеваніи, такъ и во владычествѣ ихъ, дѣйствіе гнѣва Божія [3].

Обратимъ вниманіе на отношенія при первомъ столкновеніи побѣдителей съ покоренными. Немедленно по взятіи столицы, Латинцы приступили къ завоеванію провинцій, требуя отъ жителей присяги въ вѣрности избранному ими императору и въ томъ, «что они признаютъ добрыми и справедливыми какъ всѣ утвержденныя постановленія, такъ и тѣ, которыя впредь будутъ утверждены» [4]. Побѣдители обѣщали благодѣянія покорнымъ, грозили гибелью ослушнымъ [5]; и слабые [6] Греки не могли выдержать первыхъ ударовъ чужеземцевъ,

---

[1] Chr. de Morée, p. 21 (Ed. de Buchon).

[2] См. Vita Innoc. III, C. 109 (Mur III).

[3] Выраженія, употребляемыя Греческими писателями, подтверждаютъ это. Такъ въ Ioelis chronographia compendiaria (см. Corpus Scr. Hist. Byz.) сказано: »καὶ ἡ περίβλεπτος Κωνσταντίνου διὰ τὰς τοιαύτας ἀνοσιουργίας παρεδόθη τοῖς Ἰταλοῖς.» (p. 66). Но, въ то же время, грозятъ они жестокимъ побѣдителямъ гнѣвомъ небеснымъ; и Никита Хоніатъ примѣняетъ къ нимъ слова св. писанія: «ζῶ ἐγὼ εἰς τὸν αἰῶνα, καὶ ἀνταποδώσω δίκην τοῖς ἐχθροῖς μου καὶ τοῖς μισοῦσί με ἐξολοθρευσιν etc».

[4] Выраженіе договора, заключеннаго подъ Константинополемъ.

[5] Chr. de Morée, p. 36.

[6] Nic. Chon. (U. C.), отдавая справедливость твердому и постоянному мужеству Латинцевъ, противопоставляетъ ему безсиліе Грековъ, которые, по выраженію его, готовы уступить всю собственность свою, и покидая отечество, отрясаютъ прахъ съ сапоговъ не какъ Апостолы, но какъ безполезные, разслабленные воины, которые въ битвахъ боязливѣе женщинъ».

дѣйствовавшихъ съ мужествомъ и неустрашимостью, свойственными рыцарству въ періодъ крестовыхъ походовъ: они встрѣчали грозныхъ побѣдителей съ крестами и св. иконами, съ униженымъ изъявленіемъ покорности, повергаясь предъ ними на землю, и умоляя ихъ о помилованіи. Первымъ актомъ такой покорности была встрѣча въ день взятія Константинополя, хотя въ ней участвовали только старцы, жены и чернь Константинопольская, между тѣмъ какъ знатные искали убѣжища и свободы въ отдаленныхъ областяхъ. Вслѣдъ за столицею, покорились Генриху, брату Балдуина, города Ѳракійскіе и дали присягу на вѣрность [1]. Жители какъ здѣсь [2], такъ и въ Морѣ и другихъ областяхъ [3], по общему всѣмъ сынамъ Восточной Церкви обычаю, выходили на встрѣчу со святынею храмовъ, надѣясь смягчить гнѣвъ побѣдителей и умилить ихъ жестокія сердца [4]. Если Филиппополь съ радостью покорился барону, которому онъ достался вслѣдствіе раздѣла завоеваній, надѣясь въ мужествѣ западныхъ витязей найти опору противъ опустошительныхъ набѣговъ Булгаръ, то жители другихъ городовъ и областей часто покорялись, при первомъ требованіи, въ надеждѣ удержать не только имущество, но и гражданскія права, которыхъ лишило бъ ихъ малѣйшее сопротивленіе. Такъ города Македонскіе добровольно покоряются Балдуину I во время распри его съ королемъ Ѳессалоникскимъ, и удерживаютъ всѣ прежнія права и вольности свои [5]. Такъ Готфридъ Вильгардуенъ младшій, созвавъ знатнѣйшихъ жителей равнинъ Морейскихъ въ Андравиду, приглашаетъ ихъ покориться добровольно Вильгельму де-Шамплитту, какъ истинному государю, который прибылъ не для пріобрѣтенія добычи или временнаго завоеванія, но намѣренъ навсегда утвердиться въ ихъ странѣ и защищать ее отъ враговъ: Греки за-

---

[1] G. Villeh. ch. 143.

[2] Nic. Chon. U. C. (гл. 8): *εὑρίσκων πάντας μετὰ σταυρικῶν σημείων καὶ τῶν θείων λογίων δεξιούμενους αὐτόν* etc.

[3] Chr. de Morée, p. 34.

[4] «Хотя, прибавляетъ Никита Хоніатъ, трудно смягчить суровыхъ, алчныхъ и ненасытимыхъ Франковъ» (U. C.).

[5] G. Villeh. ch. 149: «par tel convent que il les tendroit às us et às costumes que li Empereor Grieu les avoit tenuz».

ключаютъ договоръ съ Франками, по которому знатнѣйшія фамиліи удерживаютъ всѣ преимущества свои, а поселяне остаются въ томъ же положеніи, въ какомъ находились до завоеванія [1].

Но не вездѣ жители охотно подчинялись чужеземному владычеству, не вездѣ покорялись они безъ сопротивленія, хотя взятіе столицы у многихъ отняло надежду на успѣхъ онаго [2]. Такъ обитатели горной части Лакедемоніи, по свидѣтельству Морейской хроники [3], долго отстаивали свою свободу. Не только отдаленныя провинціи не покорились Латинцамъ, но и, среди завоеванныхъ областей, многіе округи, защищаемые самою природою, должны были удержать самостоятельность, а Ѳракійскіе города, при первой возможности, свергали иго, и нѣсколько разъ возобновляли сопротивленіе. Слѣдствіемъ было различіе въ правахъ и многообразность въ отношеніяхъ покоренныхъ къ побѣдителямъ. Если подчинившіеся добровольно удержали имущество и нѣкоторыя права гражданскія, то обнаружившіе дѣятельное сопротивленіе, при достаточныхъ для того силахъ, могли достигнуть признанія не меньшихъ, если не большихъ правъ со стороны завоевателей, увѣрившихся въ своей слабости. Доказательствомъ служитъ примѣръ Адріанополя и Дидимотики, жители которыхъ покорились только съ тѣмъ, чтобъ природный Грекъ управлялъ ими [4]. Такимъ образомъ, на пространствѣ Латинскаго завоеванія, были: 1) Греческіе лены, уступленные завоевателями знатнымъ Грекамъ, присоединившимся къ нимъ въ эпоху завоеванія. Хотя исторія упоминаетъ только объ одномъ Греческомъ вельможѣ [5], который, принявъ сторону Латинцевъ, получилъ ленъ непосредственно отъ имперіи, однако было еще нѣсколько Греческихъ леновъ во владѣніяхъ Венеціянцевъ [6], и, безъ сомнѣнія, бы-

---

[1] Chr. de Morée, p. 40. etc.

[2] См. выше о покореніи Аѳинъ, оставленныхъ Архіепископомъ Михаиломъ Хоніатомъ.

[3] Стр. 43 и дал.; также у Nic. Chon. U. C.

[4] См. ниже, гл. 6.

[5] Ѳеодорѣ Вранасѣ.

[6] Leo: Gesch. d. Ital. Staaten; Daru: hist. de Venise и Marin: storia del C. Ven. T. IV, l. I, c. 7.

ли многочисленны небольшія помѣстья, удержанныя Греками въ зависимости отъ бароновъ и ихъ подвассаловъ [1]. Владѣльцы и тѣхъ и другихъ, болѣе или менѣе, пользовались нѣкоторыми преимуществами членовъ феодальнаго общества. 2. Вольные города: они покорились побѣдителямъ только по договорамъ, предоставлявшимъ имъ всѣ прежнія вольности и права муниципальныя, и управлялись по собственнымъ законамъ [2]. 3. Жители горныхъ округовъ, Греческаго и Славянскаго племени, довольно многочисленные въ собственной Греціи и сильные по положенію своей страны: никогда не подчиняясь Франкамъ совершенно, они, и при мирныхъ отношеніяхъ, являлись только какъ бы союзниками ихъ [3]. Несравненно печальнѣе было положеніе остальной части Греческаго народонаселенія, которую составляли: 4. Городскія общины, безусловно покорившіяся побѣдителямъ и, по большой части, утратившія всякую самостоятельность въ управленіи. 5) Сельскіе жители въ коронныхъ владѣніяхъ и ленахъ, обращенные въ крѣпостныхъ и распредѣленные по помѣстьямъ Латинскихъ рыцарей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они могли удержать прежнее положеніе [4]; но вообще права ихъ были несравненно ничтожнѣе правъ Латинскихъ поселянъ, водворившихся въ ленахъ своихъ прежнихъ владѣльцевъ [5].

Таковы были разноправные элементы Греческаго народонаселенія въ Латинской имперіи; и въ этомъ хаосѣ заключается также одна изъ причинъ скораго паденія ея. Если, при самомъ началѣ существованія, значительная часть покорившихся туземцевъ могла удержать нѣкоторую самостоятельность, то какой покорности должно было ожидать при упадкѣ иновѣрнаго владычества? Въ послѣднее время его, когда, съ одной стороны, Ѳеодоръ Эпирскій, потомъ царь Булгарскій,

---

1 Доказательствомъ служитъ договоръ, заключенный Франками съ жителями Мореи. Chr. de Mor. p. 41.

2 Такіе города были во Ѳракіи, въ собств. Греціи и другихъ областяхъ.

3 Nic. Chon., между прочимъ говоритъ: «Praeter hos alius toparcha Thessaliae montana, quae nunc Blachia dicitur, tenebat.»

4 См. выше о договорѣ, заключенномъ Греками Морейскими съ побѣдителями.

5 По 198 ст. Пост. Роман. простолюдинъ Греческій не могъ быть свидѣтелемъ противъ вассала въ дѣлѣ уголовномъ (Canciani T. III).

съ другой, императоръ Никейскій овладѣли ближайшими къ Константинополю городами, совершенно покорное Латинцамъ туземное народонаселеніе (не говоря о Мореѣ и Венеціянскихъ островахъ) заключалось только въ стѣнахъ столицы: но и оно казалось опаснымъ для чужеземцевъ [1], и, оставаясь враждебнымъ до послѣдней минуты ихъ господства [2], съ радостью встрѣтило природнаго государя [3]. У самыхъ стѣнъ Константинополя, жили люди независимые, которыхъ Пахимеръ называетъ *Θελεμάτηροι*, не признававшіе надъ собою власти ни Латинцевъ, ни Никейскаго императора, но готовые содѣйствовать послѣднему ко взятію города [4].

Скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, что̀ намъ извѣстно относительно гражданскихъ правъ, дарованныхъ Латинскими императорами покореннымъ Грекамъ вообще. Сначала завоеватели, по-видимому, надѣялись удержать ихъ въ повиновеніи однимъ страхомъ, и думали лишить всѣхъ правъ на достоинства гражданскія и военныя. Такъ Балдуинъ I и Бонифацій, король Ѳессалоникскій, отвергли Грековъ, и въ томъ числѣ многихъ заслуженныхъ вельможъ Алексія III, предлагавшихъ побѣдителямъ свои услуги, и просившихъ о принятіи ихъ въ Латинскую службу. «Франки не нуждаются въ воинахъ Греческихъ», былъ гордый отвѣтъ императора и короля [5]; и отвергнутые обратились къ царю Булгарскому, между тѣмъ какъ другіе знатные Греки окружили Греческихъ владѣтелей, объявившихъ себя независимыми. Венеціянцы также не вѣряли туземцамъ государственныхъ должностей въ непосредственныхъ владѣніяхъ республики, хотя, встрѣчая на

---

[1] Пахимеръ (l. II, c. 30) гов. объ опасеніяхъ Франковъ: «*πλὴν τὰ ξένα κατέχοντες, καὶ αἰὲν ἐν δειλία ὄντες τοῦ ἐξωσθῆναι ἐκῶν μὴ θφίσι προσηχόντων.*»

[2] Въ Monachi Patavini Chron. (Mur. VIII, p. 716): «homines in urbe Constantinopoli habitantes firmiter promiserunt ei (M. Palaeologo) tempore opportuno tradere civitatem и т. д.» Nic. Greg. (L. IV, c. 2) говоритъ о людяхъ, предавшихъ Константинополь: «*τῷ τῶν Λατίνων πάλαι ἀχθόμενοι ζυγῷ.*»

[3] См. посл. главу.

[4] «Erant autem terrae Illius inquilini.... liberi homines et sui juris....» (Pachym. l. II, c. 14).

[5] Nic. Chon. U. C. 7.

нѣкоторыхъ островахъ сильное сопротивленіе, довольствовались тѣмъ, что предводители Грековъ признавали себя ихъ вассалами [1]. Жители Мореи, по-видимому, и въ самую эпоху завоеванія, удержали болѣе правъ гражданскихъ: по крайней мѣрѣ тѣмъ, которые окажутъ полезныя услуги новому государю, завоеватели обѣщали даже великія почести [2]. Вскорѣ и императоръ Генрихъ, старавшійся привязать покоренныхъ кроткими мѣрами, сталъ давать имъ должности почетныя какъ при Дворѣ, такъ и въ войскѣ своемъ; ласкалъ Грековъ и довѣрялъ имъ не менѣе Латинцевъ; покровительствовалъ, какъ истинный государь, простому народу [3]. Но ни права, ни благодѣянія не могли примирить туземцевъ съ иновѣрныхъ владычествомъ: самъ Генрихъ сознается, что они готовы подать помощь Ласкарису при первомъ движеніи его противъ Константинополя [4], и, не взирая на всѣ мѣры безопасности, всегда оказываются склонными къ измѣнѣ [5]. Георгій Акрополитъ повѣствуетъ, что отецъ его намѣревался свергнуть иго Латинцевъ и переѣхать къ Никейскому императору, не смотря на всѣ благодѣянія, которыми старались удержать его, не смотря на всѣ препятствія и опасности, имъ встрѣченныя; и только болѣзнь и смерть помѣшали выполненію такого намѣренія: но, между тѣмъ, онъ успѣлъ отправить ко Двору Ватацеса сына, будущаго историка государей Никейскихъ [6]. Что касается до отношеній Греческихъ подданныхъ къ послѣднимъ императорамъ Латинскимъ, то современныя извѣстія умалчиваютъ о нихъ, тѣмъ болѣе, что эти отношенія ограничивались стѣнами столицы. Покорные по неволѣ и не могшіе

---

[1] См. Marin: storia del C. Ven. (T. IV, l. 1, c. 8) о правленіи, введенномъ Венеціянцами въ Кандіи, Корфу, Мореѣ и т. д.

[2] Chr. de Morée, p. 40: «Ὅσοι ἀξίζουν καὶ ὠφελοῦν, τιμὴν νὰ ἔχουν μεγάλην.»

[3] G. Acrop. C. 16: «τὸ δὲ κοινὸν πλῆθος ὡς οἰκεῖον περιεῖπε λαόν etc.»

[4] Buchon въ Rech. et Mat. (P. 2, p. 212) приводитъ письмо Генриха: «Ob hec (т. е. вслѣдствіе вызова со стороны Ласкариса) igitur Greci omnes murmurare incipientes contra nos, ei promittebant auxilium, si veniret Constantinopolim pugnaturus etc.»

[5] Vita Inn. III (Mur. III, p. 548).

[6] G. Acropolita, C. 29: ἐβούλετο δέ μοι καὶ ὁ πατὴρ λάθρα τῆς τῶν Λατίνων ἀπολιθθῆναι χειρός etc.

приобрѣсти большей довѣренности, они, кажется, рѣдко занимали значительныя должности. Такъ мать Людовика IX совѣтовала Балдуину II не довѣрять двумъ Греческимъ вельможамъ, бывшимъ, какъ она слышала, его главными министрами; и императоръ отвѣчалъ, что подобные слухи ложны, и что онъ пользуется только совѣтами Французовъ [1].

Вообще можно сказать, хотя Латинскіе государи, кроткими мѣрами и уступкою нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ, и старались примирить Грековъ съ своимъ владычествомъ: но они, какъ мы говорили, не могли обуздать вассаловъ, самостоятельныхъ во внутреннемъ управленіи своими ленами. Притѣсненія послѣднихъ, какъ увидимъ [2], побудили къ возстанію Ѳракійскіе города; и эти притѣсненія, по свидѣтельству Греческихъ и Латинскихъ писателей, повторялись на всемъ пространствѣ завоеванія [3]. Такъ Бонифацій мстилъ жителямъ своей столицы за то, что они добровольно покорились Балдуину I [4]; жители города Армира, выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями Ломбардскихъ рыцарей, встрѣчаютъ императора Генриха, какъ избавителя, и восклицаютъ: «да избавитъ насъ Богъ отъ господства Ломбардцевъ» [5]!

Но, можетъ быть, не смотря на всѣ притѣсненія, Греки примирились бы съ владычествомъ чужеземцевъ, если бъ надъ ними не тяготѣло иго религіозное, иго Латинскаго духовенства, облеченнаго мірокою властью или опиравшагося на содѣйствіе этой власти, часто слишкомъ покорной ему. Если надежда на приобрѣтеніе обширныхъ владѣній и богатой добычи, соединялась, при завоеваніи Византіи, для Венеціянцевъ съ расчетами коммерческими, то для крестоносцевъ съ

---

[1] Recueil des Chartes; Du Cange H. de Const. sous les Emp. fr. l. IV, ch. 30, p. 130.

[2] Ниже въ гл. 6.

[3] Мы приводили свидѣтельство Никиты Хоніата: Вильгардуенъ пишетъ то же (гл. 161).

[4] См. гл. 2.

[5] Continuation de la chronique de Villehardouin par Henri de Valenciennes, ed. de Buchon, p. 204: «et Grieu li vont encontre, come cil qui miervellousement desiroient sa venue.... et dient: que il ont bon restor de signour, et ne plache à Dieu que Lombart aient jamais sour jaus signourie ne pooir etc.»

нею была сопряжена благочестивая цѣль распространенія католицизма въ завоеванной странѣ, цѣль, которая выразилась въ ихъ договорѣ [1], отражалась во всѣхъ дѣйствіяхъ и въ самыхъ письмахъ ихъ вождей [2]. Вѣрные этой цѣли, прикрывавшей другія менѣе благородныя побужденія, они, съ свойственнымъ имъ фанатизмомъ, стремились къ достиженію ея. Греческое богослуженіе въ церквахъ Константинопольскихъ и въ самомъ Софійскомъ соборѣ, къ ужасу жителей столицы, уступило мѣсто Латинскому. Изъ писемъ Иннокентія III къ нѣкоторымъ Латинскимъ епископамъ [3] видно, какимъ насильственнымъ образомъ западное духовенство утвердилось въ другихъ городахъ и областяхъ Греческихъ, навязывая туземцамъ свои обряды, свою вѣру. Изгнанные имъ православные священники лишились имущества и всѣхъ правъ своихъ; но гонимые фанатизмомъ завоевателей [4], они хранили православіе, и народъ, видя ихъ бѣдствія, обнаруживалъ глубокое сочувствіе къ мученикамъ вѣры.

Если распространеніе католицизма казалось для Латинцевъ святымъ дѣломъ [5], то, съ другой стороны, Греки должны были почитать священнѣйшею обязанностью своею отстаивать вѣру предковъ. Были, безъ сомнѣнія, и между ними люди, которые, прельстясь мірскими выгодами, не чуждались религіи

---

[1] Постановлено избрать государя и патріарха «во славу Божію, во славу и на пользу Святой Церкви Римской.»

[2] Графъ де-Сенъ-Поль пишетъ къ Герцогу Брабантскому еще въ 1203 году: «Hoc equidem vos scire volo, quod eò usque in negotium Salvatoris processimus, quod Orientalis Ecclesia cum imperatore et universo imperio ejus capiti suo Romano Pontifici redonata, Romane Ecclesie sese esse filiam recognoscit.»

[3] Папа (l. XIII, ep. 16) пишетъ къ архіепископу Аѳинскому и зависѣвшимъ отъ него епископамъ: «Dilectus filius O. de Roca, D. Atheniensis, per litteras vestram petiit providentiam admoneri, ut in castris suis et villis, in quibus duodecim Latini abundantes certas habuerint mansiones, proprios sacerdotes, quibus integre a Latinis Laicis decimae persolvantur, instituere curaretis etc.»

[4] G. Acrop. C. 17.

[5] Въ договорѣ 1267 года сказано: «considerando etiam quòd predictum imperium, quòd sacro-sancte Romane Ecclesie communis matris nobile membrum exstitit, ab ejus est corpore per scismaticos separatum.... ob reverentiam istius Ecclesie et etiam anime nostre salutem tam pium atque utile negotium assumentes etc.»

завоевателей [1]: но большая масса народонаселенія стояла твердо за Православіе, и, уступая все прочее, не измѣняла ему. Такъ знатнѣйшіе жители Мореи, соглашаясь содѣйствовать Готфриду Вильгардуену къ завоеванію крѣпкихъ мѣстъ страны, требовали отъ него клятвеннаго письменнаго обѣщанія, которое они могли бъ передать дѣтямъ своимъ, что ни одинъ Франкъ не будетъ принуждать ихъ къ перемѣнѣ вѣры, не потребуетъ, «чтобъ они сдѣлались Латинцами» [2]. Тѣ же чувства выразились и въ словахъ Византійцевъ, объявившихъ императору Генриху, что ему принадлежитъ господство надъ ихъ тѣломъ, а не надъ душею и совѣстью [3]. Самая исторія Латинскаго владычества въ Греческой имперіи доказываетъ, что оно было прочнѣе и долговѣчнѣе тамъ, гдѣ не было вовсе, или было, по крайней мѣрѣ, менѣе притѣсненій въ отношеніи религіозномъ. Въ княжествѣ Ахайскомъ и вѣра Греческая пользовалась покровительствомъ государя: Вильгельмъ Вильгардуенъ, умирая, просилъ Карла Анжуйскаго, къ которому переходило его государство, покровительствовать какъ монастырямъ Церкви Латинской, такъ и Греческой [4]. Если такой образъ мыслей былъ сначала одною изъ причинъ безпрерывныхъ раздоровъ этихъ князей съ Римско-Католическимъ духовенствомъ [5], то однако наконецъ и папы убѣдились, что, для поддержанія жалкаго бытія Латинской имперіи, необходимо щадить Грековъ въ дѣлахъ вѣры. Потому, въ царствованіе

---

[1] Нашъ лѣтописецъ (Никоновскій списокъ стр. 278) гов: «и мнози Грецы въ ихъ законъ и обычай внидоша, и спроста рещи, вся быша во Царѣ граде по Римскому закону и обычаю творима и содержима.» Были и епископы и другія духовныя лица, которые, измѣнивъ Православію, перешли въ ряды Латинскаго духовенства. Такъ изъ письма Иннокентія III къ Морейскимъ прелатамъ (Балюз. Т. II, стр. 796) видно, что Латинскій Архіепископъ Новопатрасскій былъ Грекъ, нѣкогда, не смотря на священный санъ, сражавшійся подъ знаменами Льва Скура.

[2] Chr. de Mor. p. 52: «Ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ ἔμπροσθεν Φράγκος μὴ μᾶς βιάσῃ, νὰ ἀλλάξωμεν τὴν πίστιν μας, καὶ Φράγκοι νὰ γενοῦμεν.»

[3] G. Acrop. C. 17.

[4] Chr. de Mor. p. 181: Νὰ τοὺς κρατῇ νὰ κυβερνᾷ ὅλους μὲ δικαιοσύνην, τὰ μοναστήρια τῶν Φραγγῶν ὅμοιως καὶ τῶν Ῥωμαίων.»

[5] См. Собр. писемъ Иннок. III.

Роберта, Гонорій III предписываетъ своему легату не прибѣгать, для обращенія Грековъ, къ другому оружію, кромѣ молитвы, наставленія, добраго примѣра и терпѣнія [1]. Однако и кроткія мѣры, употребляемыя папами и католическими государями для обращенія Грековъ [2], не могли дѣйствовать на тѣхъ, которые болѣе и болѣе укоренялись во враждѣ къ Латинству [3]. Умножая число епископовъ, папы почти не распространяли своихъ духовныхъ завоеваній тамъ, гдѣ сначала такъ быстро распространялись политическія завоеванія витязей, во всемъ готовыхъ содѣйствовать ихъ намѣреніямъ; и результатомъ всѣхъ стараній и предпріятій въ этомъ отношеніи было горестное для властолюбія Римскаго іерарха: «lasciate ogni speranza.»

Такимъ образомъ въ областяхъ, покоренныхъ Латинцами, встрѣчаемъ мы, во все продолженіе существованія ихъ имперіи, два общества въ непрерывной борьбѣ между собою. Непроницаемыя преграды различія языка, обычаевъ и самой вѣры отдѣляли одно отъ другаго; и непріязненное расположеніе при первомъ столкновеніи только увеличивалось дальнѣйшими отношеніями, въ которыхъ болѣе или менѣе отражалась взаимная ненависть и презрѣніе. Побѣжденные ненавидѣли въ побѣдителяхъ жестокость, на каждомъ шагу сравниваемую ихъ писателями съ жестокостью племенъ варварскихъ [4], непомѣрную гордость, которая обратилась меж-

---

[1] Hon. III Epist. l. VII, ep. 140.

[2] Michaud (H. d. Cr. l. XI) приводитъ извѣстіе, что, между прочимъ, Филиппъ Августъ основалъ, въ Парижѣ, близъ Женевьевской горы, училище для знатныхъ юношей Греческихъ съ цѣлью распространенія посредствомъ нихъ католицизма въ Греціи.

[3] Ненависть Грековъ къ Латинскому духовенству довольно оригинально выразилась въ словахъ Никиты Хоніата, описывающаго дородность перваго Латинскаго патріарха: «τὴν δὲ σωματικὴν πλάσιν λακεντοῦ δυὸς εὐτραφέστερος» (De signis Constantinopolitanis).

[4] Nic. Greg. (l. II, c. 2) гов: «οἱ δὲ Λατῖνοι οὐδὲν ἡμερώτερον τῶν Σκυθῶν διετέθησαν, ὅτι μὴ καὶ πολλῷ τῷ μέτρῳ τὴν Σκυθικὴν ἀπήνειαν ὑπερέβησαν.» Жители Адріанополя отвѣчали Генриху, требовавшему сдачи города: «что они никогда не примирятся съ Франками, которые слишкомъ вѣроломны въ своихъ обѣщаніяхъ, слишкомъ жестоки въ своихъ побѣдахъ.»

ду туземцами въ пословицу [1]; побѣдители, съ своей стороны, безпрестанно упрекали побѣжденныхъ въ коварствѣ [2], и, справедливо недовѣряя, но несправедливо презирая, отвращали ихъ отъ собственныхъ интересовъ своихъ. Они, по-видимому, избѣгали и самыхъ семейныхъ связей съ Греками: по крайней мѣрѣ, рыцари Французскіе въ Мореѣ, по свидѣтельству Рамона Мунтанера [3], вступали въ родство только съ лучшими Французскими фамиліями, и брали женъ только изъ дочерей Французскихъ рыцарей, почему языкъ Французскій сохранился здѣсь во всей чистотѣ своей.

---

[1] «Князь!« говоритъ Михаилъ Палеологъ плѣнному Вильгельму Вильгардуену: «изъ словъ твоихъ видно, что ты Франкъ; ибо ты обнаруживаешь гордость, свойственную только Франкамъ.» (Хрон. Мор. стр. 100).

[2] Авторъ Хроники Морейской безпрестанно повторяетъ: «*Τὶς νὰ ϑαῤῥεύσῃ εἰς αὐτοὺς, ὅρκον νὰ τοὺς πιστεύσῃ, ἀφοῦ Θεὸν οὐ δέβονται* etc.» (p. 19); и въ другомъ мѣстѣ: «*Ποῖος ν' ἀκούσῃ ποὔποτε Ῥωμαίου, νὰ πιστεύσῃ δι' ἀγάπην καὶ φιλίαν του καὶ διὰ κ' ανένα πρᾶγμα.*»

[3] Tostemps de puys han haudes mullers dels millors casals de França; e axi mateix los altres richs homens e cavallers non prenien mullers, si donchs de cavallers de França no avayllaven: per que hom deya, que la pus gentil cavalleria del mon era de la Morea: e parlaven axi bell frances com dins en Paris (Chronica dels reys d'Arago, c. 261).

ГЛАВА V.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ НЕЗАВИСИМЫХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ И ОТНОШЕНІЯ ИХЪ КЪ ЛАТИНСКОЙ ИМПЕРІИ ВООБЩЕ.

Западъ, говоритъ Ле-Бо [1], надѣялся, что завоеваніе 1204 года вольетъ новыя жизненныя силы въ ветхое тѣло Восточной имперіи: онѣ отчасти влились, но не въ столицу, отчужденную иноземцами, не въ области, ими покоренныя, а въ тѣ отдаленныя провинціи, гдѣ Греческая свобода и національность, подъ эгидою Православія, искали убѣжища отъ меча завоевателей. Греческіе вельможи, предававшіеся въ столицѣ роскоши и порокамъ, вмѣстѣ съ удаленіемъ изъ стѣнъ ея, одушевились чуждымъ имъ дотолѣ мужествомъ; слабые въ битвахъ съ Булгарами, Турками и другими сосѣдними народами, они, въ критическую минуту опасности, угрожавшей ихъ вѣрѣ и національности, являютъ неустрашимость и постоянство, достойныя имени Римлянъ, которымъ все еще гордились, между тѣмъ какъ завоеватели, можетъ быть, отчасти подвергшіеся вліянію климата Греціи, и, въ свою очередь, разсла-

[1] Le Beau: Histoire du Bas-Empire.

бленные роскошью и пороками, вмѣсто доблестей, удержали только прежнюю грубость и невѣжество свое [1].

Предъ завоеваніемъ Константинополя, Греческая имперія уже носила на себѣ признаки разложенія, едва имѣя, при частыхъ переворотахъ, довольно силъ для удержанія въ повиновеніи ближайшихъ городовъ и областей, между тѣмъ какъ болѣе отдаленныя провинціи или уже вошли въ составъ независимыхъ государствъ, или стремились къ самостоятельности. Въ Малой Азіи давно возникло царство Сельджуковъ, простиравшееся, въ цвѣтущее свое время, до береговъ Босфора, и не имѣвшее прямыхъ отношеній къ Латинцамъ только потому, что они не успѣли утвердиться по ту сторону Босфора; оно отдѣляло отъ Византіи область Трапезунтскую, гдѣ, уже со времени паденія Андроника I, утвердилось его потомство [2], для многихъ казавшееся законною династіею. Въ Европѣ, Булгарское царство приобрѣло, при Исаакѣ Ангелѣ, прежнюю независимость возстаніемъ Петра и Асѣня, двухъ могущественныхъ вождей изъ потомковъ древнихъ царей Булгарскихъ [3], и сдѣлалось страшнымъ для Византійской, еще страшнѣе для Латинской имперіи. Въ союзѣ съ Булгарами были Валахи вдоль горной цѣпи Пинда: въ Ѳессалійскихъ горахъ образовался независимый округъ, коего глава именовалъ себя Великимъ Влахомъ (*Μεγα-Βλαχος*) [4]. Въ Мореѣ составилъ себѣ значительное деспотство Левъ Скуръ; Іоническіе острова, подвергавшіеся такъ долго набѣгамъ Неаполитанскихъ Норманновъ, стремились къ независимости, и папа, для пользы Католицизма, входилъ въ сношенія «съ благородными графами Кефалонскими и Зантскими»; острова Архипелажскіе служили пристанищемъ для многочисленныхъ пиратовъ [5]. Въ самыхъ стѣнахъ столицы происходила борьба

---

[1] Pachymer l. II. C. 30. «Изъ всѣхъ сокровищъ», говоритъ Гиббонъ, «рукописи были единственными, которыми Греки могли пользоваться, не подвергаясь хищничеству чужеземцевъ.»

[2] Fallmerayer: Geschichte des Kaiserthums von Trapezunt. München 1827.

[3] Nic. Chon. in Is. Ang.; также Архимандрита Іоанна Раича: «исторія разныхъ Славянскихъ народовъ, наипаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ. СПБ. 1795.»

[4] Fallmerayer: Fragmente aus dem Orient.

[5] Папа писалъ и къ Генриху Пискатору (Enrico Piscatore), графу Мальтскому, который былъ пиратомъ, подобно Льву Ветрано, и умѣлъ временно утвердиться и въ Кандіи (Dand. Chron, Mur. XII, p. 331).

между колоніями Генуэзцевъ и Пизанцевъ, пользовавшимися, по договорамъ съ Греческими императорами, полною самостоятельностью [1].

Но завоеваніе 1204 года было эпохою совершеннаго разложенія. Съ одной стороны, Латинцы раздробили покоренную часть имперіи на мелкія владѣнія; съ другой, въ независимыхъ областяхъ, стремились къ самостоятельности вельможи Греческіе, оставившіе Константинополь въ минуту завоеванія [2], и борьба съ ними заняла всѣ силы западныхъ витязей. Рядъ удалившихся открываютъ два императора: Алексій III и Алексій IV Мурцуфлъ, изъ коихъ одинъ могъ возбудить участіе Грековъ своими несчастіями, другой постоянною ненавистью къ чужеземцамъ; и съ ними завоеватели должны были прежде всего покончить, если хотѣли удержать свое завоеваніе.

Алексій III держался въ Мосинополѣ. Алексій IV взялъ и ограбилъ городъ Цурулъ; но тѣснимый братомъ перваго императора Латинскаго, двинулся со своими приверженцами къ Мосинополю, и предложилъ тестю своему общій союзъ противъ общихъ враговъ, изъявляя готовность подчиниться ему, какъ законному государю. Злодѣй принялъ злодѣя съ наружными знаками дружбы, и — въ тотъ же день, въ глазахъ собственной дочери, велѣлъ ослѣпить его, какъ опаснаго соперника, переманивъ къ себѣ бо̀льшую часть его войска [3]. Несчастный, предоставленный своей судьбѣ, вскорѣ попался въ руки Латинцевъ; и, по приговору бароновъ, какъ предатель и убійца собственнаго государя, свергнутъ въ Константинополѣ съ Ѳеодосіевой колонны [4]. Замѣчательны слова, произнесенныя имъ въ оправданіе, и отчасти выражавшія обще-

---

[1] Sauli: Colonia di Galata (Documenti 1 e 4).

[2] По словамъ Георг. Акрополита (гл. 6) Латинцы сами предоставили жителямъ свободу удалиться или остаться и подчиниться имъ; но знатные уже прежде тайно оставили столицу.

[3] G. Acrop. C. 5.

[4] Guntherus H. Const. c. 20: «Placuit tandem principibus, pro eo, quod licet homo nefarius, alti tamen sanguinis erat, eum super altissimam pyramidem duci etc. О томъ же: G. Villeh. ch. 141—145 и 163 и Nic. Chon. U. C.; также: Sicardi Episcopi Chr. (Mur. VII, p. 621).

ственное мнѣніе Грековъ: «Алексій IV, какъ предатель отечества, заслужилъ смерть, на которую осудили его всѣ родственники; я былъ только исполнителемъ общаго приговора» [1].

Что касается до судьбы Алексія III, то онъ, при приближеніи Балдуина, оставилъ Мосинополь; не могъ удержаться и въ другихъ Ѳракійскихъ городахъ, и искалъ убѣжища у Льва Скура, за котораго выдалъ дочь свою, съ такою жестокостью лишенную супруга. Извѣстія о дальнѣйшихъ похожденіяхъ его разногласны: не довѣряя счастію зятя, доведеннаго до крайности осадою Акрокоринѳа, онъ, по-видимому, ввѣрилъ судьбу свою королю Ѳессалоникскому, и получилъ во владѣніе небольшую, безплодную область [2]; потомъ, вѣроятно вслѣдствіе безпокойныхъ замысловъ, отправленъ въ заключеніе въ Монферратъ [3]; снова является во владѣніяхъ деспота Эпирскаго, и, не ужившись и съ нимъ, отправляется въ Малую Азію. Основаніе Ѳеодоромъ Ласкарисомъ независимаго государства возбудило только негодованіе тестя его, видѣвшаго въ немъ новаго похитителя собственныхъ правъ [4]; и потому Алексій III искалъ убѣжища не у зятя, а у султана Иконійскаго, который нѣкогда самъ пользовался его гостепріимствомъ. Слѣдствіемъ была война султана съ прежнимъ союзникомъ: Ласкарисъ проигралъ (въ 1210 году) сраженіе при Антіохіи на Меандрѣ; но гибель Мусульманскаго государя вознаградила потерю [5]. Алексій попался въ плѣнъ зятю, и кончилъ въ монастырѣ безпокойную жизнь свою [6].

---

[1] Nic. Chon. U. C: «ἀπελογήσατο μὲν ἐκεῖνον προδότην τῆς πατρίδος ὀφθῆναι καὶ ἀξίως τὰ εἰκότα παθεῖν etc.»

[2] Тамъ же.

[3] Это подтв. Caffari Ann. Genuens. (Mur. VI, p. 391): «Marchio autem Bonifacius de Monte-Ferrato ipsum Alexium, uxorem et filiam cepit, Ianuamque, in galea una Portus Veneris que apud Salonichum erat, per Henricum de Carmandino mandavit. Quumque Ianuam applicuisset, Guilielmus marchio, dicti B. filius, Ianuam venit, ipsumque imperatorem.... apud Montem-Ferratum secum duxit.»

[4] Nic. Greg. l. I, C. 3: «καὶ πρὸς φθόνου καὶ ζηλοτυπίας ὁδοὺς ἔτρεπε τὸν θυμον etc.»

[5] G. Acrop. C. 8—11.

[6] Nic. Greg. l. I, C. 4.

Счастливѣе обоихъ императоровъ были другіе знатные Греки, имѣвшіе отчасти менѣе правъ на престолъ, но не помрачившіе ихъ преступленіями. Уже Никита Хоніатъ видѣлъ происхожденіе независимыхъ государствъ, хотя безъ особой надежды для будущности Греціи: почему съ горестью жалуется на разрозненность борьбы противъ чужеземцевъ, и упрекаетъ Грековъ Азіятскихъ, освободившихся отъ опасности возстаніемъ Ѳракійскихъ городовъ, въ томъ, что они не подали помощи своимъ соотечественникамъ въ Европѣ. «Вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать общими силами для спасенія отечества», говоритъ онъ: «Греческіе вельможи, заботясь только о собственныхъ выгодахъ, стремятся къ достиженію верховной власти» [1].

Михаилъ Ангелъ Комненъ, побочный сынъ Іоанна Ангела [2] и правнукъ Алексія I Комнена по бабкѣ своей Ѳеодорѣ, возмутившійся, въ 1201 году, противъ Алексія III, возвратился въ Константинополь по взятіи его крестоносцами, и принялъ сторону Бонифація въ его распрѣ съ Балдуиномъ I, съ тайнымъ намѣреніемъ поддержать ее для собственной пользы. По примиреніи соперниковъ, сопутствовалъ онъ королю въ Ѳессалонику: но тайно удалился въ городъ Дураццо, приобрѣлъ довѣренность Греческаго намѣстника, и, женившись на его дочери, умертвилъ тестя. Вскорѣ овладѣлъ онъ окрестною страною, и основалъ значительное государство, простиравшееся до Лепантскаго залива, и заключавшее въ себѣ Эпиръ, Акарнанію, Этолію и часть Ѳессаліи: оно извѣстно подъ именемъ деспотства Эпирскаго или Артскаго [3]. Между тѣмъ большая часть Греческихъ вельможъ удалилась въ Натолію, гдѣ временно возникли многія небольшія деспотства. Нѣкто Ѳеодоръ, проименованный Мороѳеодоромъ, утвердился въ Филадельфіи; Эммануилъ Маврозомъ, поддерживаемый зятемъ своимъ Гіасъэддиномъ Кей-Хозревомъ, султаномъ Иконійскимъ, занялъ часть Фригіи и многіе города по Меандру;

---

[1] Nic. Chon. U. C.

[2] Іоаннъ Ангелъ дядею своимъ, императоромъ Исаакомъ, былъ возведенъ въ санъ Севастократора.

[3] Alberici Tr. Font. Chron. ad. ann. 1205.

Алдобрандинъ, родомъ Италіянецъ, овладѣлъ Атталіею; Понтскій намѣстникъ Савва объявилъ себя независимымъ въ городѣ Самсонѣ [1]. Однако вскорѣ эти незначительныя владѣнія вошли въ составъ двухъ имперій, изъ коихъ одной было суждено возвратить себѣ самую Византію, другой пережить нѣсколькими годами завоеваніе столицы Турками.

Алексій и Давидъ, сыновья Эммануила Комнена и внуки великаго [2], хотя и жестокаго Андроника I, спасенные его дочерью Ѳамарью, нашли убѣжище, съ своими приверженцами и сокровищами, въ Колхидѣ, на берегахъ Фазиса. Въ эпоху завоеванія Константинополя, старшій изъ нихъ, 22-лѣтній юноша, наслѣдникъ славы и величія Дома Комненовъ, вступилъ въ область Трапезунтскую, и покорилъ ее владычеству своему; между тѣмъ младшій Давидъ, какъ предшественникъ брата [3], проникъ въ Пафлагонію, овладѣлъ Гераклією и мѣстами по сю сторону Сангариса. Всѣ бывшіе приверженцы дома Комненовъ признали юнаго Алексія императоромъ новаго государства; и онъ перенесъ столицу съ береговъ Фазиса (бывшихъ его первымъ убѣжищемъ) въ крѣпкій городъ Трапезунтъ [4].

Ѳеодоръ Ласкарисъ, оставившій, какъ мы видѣли, Константинополь въ минуту вступленія въ него крестоносцевъ, переправился чрезъ Босфоръ, вмѣстѣ съ супругою своею Анною Комненою, дочерью Алексія III, и явился предъ вратами Никеи: но съ трудомъ согласились жители дать убѣжище дочери законнаго государя [5]. Только собравъ вокругъ себя небольшую дружину, успѣлъ онъ овладѣть окрестными замками; нашелъ союзника въ султанѣ Иконійскомъ, и, при помощи его, подчинилъ себѣ Никею, Прусу и всю область

---

[1] Nic. Chon. U. C. 16; Acrop. C. 7.

[2] «Den wir als Wohlthäter des menschlichen Geschlechts begrüßen und segnen würden, wenn nicht ein beklagenswerthes Mißgeschick die großartigsten Schöpfungen seines Geistes im Keim erstickt hätte, говоритъ Fallmerayer (Gesch. des Kaiserth. v. Trap.).

[3] Πρόδρομος. ἐκείνου καὶ προκήρυξ ἐγένετο, Nic. Chon. U. C.

[4] Fallmerayer: Gesch. des Kaiserthums von Trapezunt.

[5] G. Acrop. C. 6.

Виѳинскую, которою первоначально управлялъ, какъ деспотъ и намѣстникъ тестя своего [1].

Такимъ образомъ, кромѣ небольшихъ деспотствъ, существовавшихъ недолго, возникли три значительныя независимыя государства, которыя всѣ могли сдѣлаться точками опоры для чуждавшихся чужеземнаго владычества; всѣ удержали древнія формы и учрежденія Византіи, и владѣтели всѣхъ трехъ приняли титулъ императорскій [2]. Ласкарисъ, сначала довольствовавшійся титуломъ деспота, тотчасъ по заключеніи Алексія III королемъ Ѳессалоникскимъ, рѣшился возложить на себя санъ тестя: созванные имъ въ Никею епископы избрали, вмѣсто Каматера, добровольно сложившаго свое достоинство въ Дидимотикѣ, новаго Православнаго Патріарха Михаила Авторіана, который короновалъ Никейскаго владѣтеля, какъ императора и преемника прежнихъ Византійскихъ государей [3]. Позднѣе (въ 1222 году) приняли императорскій титулъ и деспоты Эпирскіе: второй изъ нихъ, Ѳеодоръ, завоевалъ Ѳессалонику, былъ вѣнчанъ на царство архіепископомъ Охридскимъ [4]; но онъ и сынъ его Іоаннъ были, впослѣдствіи, принуждены Іоанномъ Ватацесомъ отказаться отъ императорскаго титула и довольствоваться достоинствомъ деспотскимъ [5]. Что касается до Великихъ Комненовъ [6] Трапезунтскихъ, то писатели, въ томъ числѣ Дю-Канжъ и Гиб-

---

[1] G. Villeh. C. 167: «et avoit la file l'Empereor à fame, dont il clamoit la terre.» Albericus (Chron. ad ann. 1205) разсказываетъ обстоятельство, опровергаемое извѣстіями очевидцевъ: «Dixerat I. Balduino quidam Graecus subdolus, nomine Lascaris, quod si eum cum exercitu mitteret ultra Brachium Sancti Georgii, totam patriam illam Graecorum sibi subjiceret: qui cum missus fuisset.... se apud Nicheam imperatorem constituit.»

[2] Odorici Raynaldi Ann. Eccl. ad. ann. 1222: «Itaque quatuor Imperia in collapso Orientali erupere, Constantinopolitanum Latinorum, Davidum Comnenorum Trapezuntinum, Lascarorum Nicaenum, Thessalicum Angelorum.»

[3] G. Acrop. C. 6.

[4] Тамъ же, гл. 21 и Nic. Grég. l. II, C. 2.

[5] Тамъ же, гл. 40.

[6] Государи Трапезунтскіе именовали себя Великими Комненами, какъ видно изъ заглавія хроники Михаила Панарета: «*Περὶ τῶν τῆς Τραπεζοῦντος Βασιλέων τῶν Μεγάλων-Κομνηνῶν.*»

бонъ [1], основываясь на словахъ Винкентія Бовескаго [2], полагали, что только Іоаннъ I, въ 1279 году, принялъ титулъ императора; но Фальмерайеръ (въ 3-й главѣ своей исторіи Трапезунтской) окончательно доказалъ, что уже первый изъ нихъ, Алексій, еще до завоеванія Трапезунта, именовалъ себя императоромъ, какъ законный наслѣдникъ Комненовъ (*Ἀλέξιος ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ πάσης Ἀνατολῆς ὁ Μέγας Κομνηνός.*) Но какъ государь Никейскій принудилъ деспотовъ Эпирскихъ отказаться отъ императорскаго титула, такъ онъ, почитая себя единственнымъ законнымъ императоромъ, долженъ былъ и во владѣтеляхъ Трапезунтскихъ видѣть только деспотовъ, хотя и не могъ достигнуть формальнаго, со стороны ихъ, отказа отъ принятаго титула [3]. Имѣя несравненно болѣе правъ по происхожденію, они могли бъ даже сдѣлаться опаснѣйшими соперниками императоровъ Никейскихъ, если бъ отдаленность и неблагопріятныя обстоятельства не препятствовали общему признанію этихъ правъ всѣми Греками, и если бъ Великіе Комнены имѣли необходимыя дарованія для поддержанія ихъ въ критическую эпоху разложенія Восточной имперіи, или тогда, когда вѣрные Православію искали въ нихъ опоры противъ Михаила Палеолога, подчинившагося Римскому папѣ [4]. Такимъ образомъ, при сознаніи Греками идеи о единствѣ имперіи, всѣ права должны были видимо сосредоточиться въ лицѣ императора Никейскаго. 1) Онъ былъ зять Алексія III, и могъ казаться его преемникомъ; 2) былъ, какъ вождь уже извѣстный своимъ мужествомъ [5], провозглашенъ главою имперіи въ минуту завоеванія столицы; 3) былъ—что всего важнѣе—по при-

---

[1] Гиббонъ гов: «the title of the Emperor was first assumed by the pride and envy of the grandson of Alexis.»

[2] Vinc. Belvacensis Speculum historiale, l. 30, C. 144 (изъ 13-го вѣка).

[3] Впослѣдствіи, сильно тѣснимые Турками, Палеологи даже стали называть владѣтелей Трапезунтскихъ «*βασιλεῖς*» (Fallmerayer, 11-tes Cap.).

[4] Pachymer l. VII и Fallmerayer G. d. K. v. Tr. Cap. 10.

[5] Nic. Chon. in Alex. Is. Ang. fr. l. III гов: «*τὴν δ' Ἄνναν συνηρμόκει Θεοδώρῳ τῷ Λάσκαρι, νεανίᾳ τολμητίᾳ καὶ βαγδαῖῳ πρὸς ἔργα πολέμια.*»

мѣру всѣхъ Греческихъ царей, начиная отъ Льва I, коронованнаго, въ 457 году, патріархомъ Анастасіемъ, вѣнчанъ на царство не частнымъ іерархомъ, но первымъ изъ вселенскихъ пастырей Восточной Церкви, между тѣмъ какъ Великій Комненъ Трапезунтскій вѣнчался только отъ мѣстнаго митрополита, деспотъ Эпирскій отъ архіепископа Охридскаго [1]. 4) Владѣнія его, по самому положенію своему близъ Константинополя, должны были сдѣлаться центральнымъ пунктомъ для соединенія всѣхъ Грековъ, чуждавшихся иноземнаго владычества; 5) столица его, по мѣстопребыванію въ ней вселенскаго пастыря, казалась столицею Православія, и туда стекались всѣ лица, имѣвшія нужду до патріарха, туда пріѣзжали ставиться и мѣстные іерархи, короновавшіе другихъ Греческихъ владѣтелей, и первенствующіе архіереи самыхъ отдаленныхъ странъ, въ томъ числѣ и митрополитъ Кіевскій. Дарованія обоихъ первыхъ императоровъ, вполнѣ соотвѣтствовавшія ихъ положенію, довершили дѣйствіе столь многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ: Ѳеодоръ Ласкарисъ, въ эпоху основанія новаго государства, отличался быстротою, великодушною отвагою и неустрашимостью; Іоаннъ Ватацесъ, пользовавшійся обильнѣйшими источниками, занимавшій тронъ уже довольно твердый, дѣйствовалъ съ осторожною расчетливостью, выжидалъ благопріятную минуту, и былъ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ [2]. Общее признаніе Грековъ, постоянно видѣвшихъ въ Никейскихъ государяхъ законныхъ императоровъ, еще болѣе освящало права ихъ [3]. Недоставало только общаго признанія ихъ въ императорскомъ достоинствѣ со стороны другихъ народовъ—признанія, тѣсно связаннаго съ обладаніемъ Константинополемъ. Потому Византійскіе Франки, владѣя столицею, не признаютъ другаго Греческаго императора (*βασι-*

---

[1] О важности вѣнчанія патріархомъ говоритъ G. Acrop. (c. 53): «nec absque patriarcha imperatoris coronatio in sacro templo confici potest.»

[2] Nic. Greg. l. II, c. 1: «*ἀλλὰ φαίη ἄν τις εὐστόχως, ὡς καιρὸς ἐκεῖνος τὴν Θεοδώρου τοῦ βασιλέως ὑξεῖαν ἐζήτει ὁρμήν· τοιγαροῦν καὶ ξυνεβρόηκεν· ὁ δ'ἐφεξῆς χρόνος τὴν τοῦ βασιλέως Ἰωάννου εὐστάθειαν· τοιγαροῦν καὶ συνέδραμεν.*»

[3] Такъ гражданинъ города Меленика, убѣждая жителей покориться Ватацесу, говоритъ: «онъ издревле имѣетъ право господства надъ нами (*καὶ δίκαιον ἐν ἡμῖν ἔκπαλαι σχόντι*).» G. Acr. C. 44.

λεὺς Ῥωμαίων), кромѣ возведеннаго ими на престолъ преемниковъ Константина Великаго [1]; и писатели западные, вслѣдствіе такого непризнанія, часто выражаются не слишкомъ почтительно, говорятъ иногда о Ласкарисѣ, какъ бы о самозванцѣ, выдававшемъ себя за императора [2]. Даже восточные писатели, какъ доказываетъ Фальмерайеръ, именуютъ государей Никейскихъ только патриціями, называя императорами (malcho) ихъ преемниковъ по завоеваніи Константинополя [3]. Обладаніе древнею столицею имѣло столь великое значеніе и въ глазахъ самихъ Грековъ, что деспотъ Эпирскій, по словамъ Пахимера [4], только послѣ изгнанія Латинцевъ, призналъ Михаила Палеолога законнымъ императоромъ; и Греческіе историки, по взятіи Константинополя Турками, величаютъ даже Магомета II «βασιλεὺς μέγας», именуя великаго отца его только эмиромъ [5].

Безъ сомнѣнія государи Никейскіе старались доказать законность исключительныхъ правъ своихъ на достоинство Греческаго императора независимо отъ обладанія столицею: но трудно было побѣдить общее мнѣніе народовъ; и потому, съ самаго утвержденія самостоятельности своихъ владѣній, они постоянно стремились къ одной цѣли — возвращенію Константинополя и изгнанію чужеземцевъ, цѣли, о которой не могли думать слабые Великіе Комнены, и которую только временно

---

[1] Такъ плѣнный Вильгельмъ Вильгардуевъ призналъ Палеолога Императоромъ только по завоеваніи Византіи. Quando urbs a Romanis recepta est, flexit tandem superbam cervicem.... et tunc primum agnoscere sibi visus in Michaele veram speciem ac majestatem Imperatoris, eum Romaniae principem dixit, eundem professus est rite ac legitime thronum occupasse etc. (Pach. l. 1, C. 31).

[2] Dand. Chron. (Mur. XII): «Theodorus Lascaris qui pro Imperatore se gessit.» Въ vite de' duchi di Ven. auct. Mar. Sanuto (Mur. XXII, p. 549): «E era Signore dell' Isola di Lesbo uno nominato Vatazzo etc.» Bergeron въ Traité de Tartares, C. VI, p. 30: «Theodore Lascaris seigneur Grec, qui se disoit empereur de Grèce contre Baudoin et les Latins à Constantinople.» Octavius de Strada (въ «Aller römischen Kaiser Leben und Thaten« 1618) называетъ его даже бандитомъ и изгнанникомъ:.... «hat er als Bandit und Landesverwiesener achtzehn Jahre regiert.»

[3] Gesch. des Kaiserthums v. Trapezunt. S. 74.

[4] Pachym. l. III, C. 161: «οὐδὲ γὰρ ἦν αὐτῷ προφασίζεσθαι ὅτι ἔξω που τῆς πατρίδος ὄντος τοῦ βασιλέως δικαιοῖτ' ἂν κἀκεῖνος τὰ μέρη κατέχειν.»

[5] Laonici Chalcocondylae H. l. IX.

могъ имѣть предъ собою деспотъ Эпирскій, впослѣдствіи лишившійся значительной части своихъ завоеваній и принужденный отказаться и отъ императорскаго достоинства. Слѣдствіемъ неодинаковаго стремленія къ этой великой цѣли были и неодинаковыя отношенія Греческихъ государей къ императорамъ Латинскимъ. Владѣтель Трапезунтскій, по отдаленности своихъ земель, только въ первые годы ихъ владычества находился съ ними въ сношеніяхъ, притомъ дружественныхъ, по причинѣ общей вражды къ Ласкарису [1]; напротивъ того, деспотъ Эпирскій, до обезсиленія его государемъ Никейскимъ, и послѣдній, до самаго завоеванія столицы, находились въ отношеніяхъ постоянно враждебныхъ къ чужеземцамъ. Потому и самые миры, заключаемые этими владѣтелями съ Латинцами, были только перемиріями, только временнымъ сознаніемъ слабости той или другой стороны, и нарушались при первомъ возстановленіи силъ. Латинцы сами вполнѣ сознавали значеніе этихъ войнъ; и уже Генрихъ писалъ къ папѣ о постоянной цѣли всѣхъ дѣйствій Ласкариса—изгнаніи ненавистныхъ чужеземцевъ [2]. Но, при одномъ общемъ стремленіи Греческихъ государей, интересы ихъ, какъ мы видѣли, были противоположны. Каждый долженъ былъ смотрѣть на другаго, какъ на соперника, котораго ему надлежало уничтожить для утвержденія собственныхъ правъ: потому и борьба съ Латинцами была борьба разрозненная, и владѣтели Никейскій и Эпирскій никогда не заключали между собою ни оборонительныхъ, ни наступательныхъ союзовъ. Только царь Булгарскій, какъ не могшій имѣть притязаній на престолъ Константинополь-

---

[1] Впослѣдствіи Людовикъ IX старался содѣйствовать возобновленію этихъ дружественныхъ отношеній, давъ совѣтъ Великому Комнену Эммануилу I вступить въ родственныя связи съ Балуиномъ II: но исторія не упоминаетъ о слѣдствіяхъ такого совѣта. «Et ce fist-il, говоритъ Ioinville (Hist. de St. Louis), pour ce que l'Empereur eust alliance à ceslui grant riche homme, lequel se faisoit appeller Grant-Comnène et Sire de Traffesontes contre Vataches qui lors estoit empereur des Grecs».

[2] «Qua de causa tunc Lascaris acrior et elatior factus, misit litteras ad omnes Grecorum provincias, continentes honorem et lucrum sue victorie, significans etiam illis quod, si eum vellent adjuvare, citò terram de Latinis canibus liberaret.»

скій, часто является въ союзѣ съ императоромъ Никейскимъ, и дѣйствуетъ за одно противъ иновѣрцевъ: однако и онъ прерываетъ дружественныя связи при первомъ опасеніи, чтобъ союзникъ его, слишкомъ усилившись, не возобновилъ прежнихъ притязаній Византійскихъ государей на царство Булгарское.

Борьба между Никейскимъ владѣтелемъ и Латинцами началась, еще до сраженія Адріанопольскаго, съ первой попытки завоевателей утвердиться въ Малой Азіи. Петръ Блашезскій и Пайенъ Орлеанскій, вассалы Людовика Блоаскаго, назначеннаго герцогомъ Виѳинскимъ, переправились чрезъ Босфоръ, утвердились на берегахъ Пропонтиды въ укрѣпленномъ мѣстѣ Палормѣ, и разбили Ласкариса, который выступилъ противъ нихъ съ Греческою дружиною и вспомогательнымъ отрядомъ Турецкимъ [1]. Вся страна до Никомедіи покорилась имъ; только жители Прусы отбили Франковъ отъ своихъ стѣнъ. Вслѣдъ за ними, явились два новые отряда [2]: одинъ занялъ Никомедію; другой, подъ предводительствомъ Генриха, брата Балдуинова, овладѣлъ городами Абидосомъ и Адрамиттомъ [3]. Армяне, жившіе въ этихъ областяхъ, приняли сторону Франковъ, и содѣйствовали ихъ успѣхамъ, извѣщая о всѣхъ движеніяхъ Ласкариса. Новая, рѣшительная побѣда Генриха надъ братомъ Ласкариса Константиномъ распространила господство побѣдителей надъ всѣми областями вдоль береговъ Пропонтиды и обоихъ проливовъ; жители стали платить имъ дань [4]. Но, между тѣмъ, страшная гроза съ сѣвера готова была разразиться надъ владычествомъ Латинцевъ [5]; и Генрихъ получилъ отъ державнаго брата своего повелѣніе возвратиться въ Европу. Опасаясь мщенія Грековъ, Армяне, дѣйствовавшіе за одно съ Франками, были принуждены оставить свои жилища; съ семействами и пожитками, потянулись они, числомъ до 20,000, по слѣдамъ поспѣшно отступавшихъ побѣдителей.

---

1 Villeh. ch. 170.
2 Тамъ же и Nic. Chon. U. C. S.
3 G. Acrop. C. 7.
4 G. Villeh. ch. 172.
5 Nic. Greg. l. I, C. 3.

ГЛАВА VI.

БИТВА ПРИ АДРІАНОПОЛѢ И ЕЯ СЛѢДСТВІЯ.

Общая покорность Грековъ, какъ мы видѣли, никогда не освящала мнимыхъ правъ побѣдителей на господство надъ ними; и враждебныя отношенія двухъ народовъ [1], которые не могли слиться въ одинъ, выразились въ самомъ названіи Латинцевъ, указующемъ на различіе вѣры. Для побѣжденныхъ было довольно одного призрака природнаго императора, чтобъ толпами стекаться подъ знамена маркграфа Монферратскаго, такъ жестоко обманувшаго ихъ, по выраженію Никиты Хоніата [2]. Самыя учрежденія и законы, введенные новыми повелителями, не способствовали къ примиренію двухъ враждебныхъ стихій: они не обезпечивали положенія побѣжденныхъ, не ограждали ихъ отъ притѣсненій бароновъ и рыцарей, разсѣявшихся по всѣмъ завоеваннымъ областямъ. Такія притѣсненія, которыя, по свидѣтельству самаго Вильгардуена, долженствовали [3] вывести изъ терпѣнія Грековъ, обнаружились прежде всего во Ѳракіи въ дѣйствіяхъ графа де-Сенъ-Поля, вла-

---

[1] Греческіе писатели безпрерывно повторяютъ слова: «ἐχθρὸν Ῥωμαίοις.» (G. Acrop. C. 76).

[2] U. C. c. 7.

[3] Ch. 161: «la convoitise del monde qui tant aura mal fait, nes laissa estre en pais, ainz commença chascuns à faire mal en sa terre, li uns plus, et li autre moins, et li Grieu les commencierent à häir et à porter malvais cuer.»

дѣвшаго Дидимотикою, и Венеціянцевъ, утвердившихся въ Аркадіополѣ и Адріанополѣ. Жестокіе и постыдные поступки ихъ, описываемые западными писателями подробнѣе, нежели Греческими [1], принудили жителей, изъявившихъ готовность повиноваться Латинскому императору, но тщетно требовавшихъ отъ него защиты и правосудія, искать опоры въ опаснѣйшемъ врагѣ Франковъ — Іоаннѣ, царѣ Булгарскомъ [2]. Къ нему обратились и Греческіе вельможи, бывшіе приверженцами Алексія III и отвергнутые Балдуиномъ I и Бонифаціемъ, и нашли у него убѣжище и покровительство.

Желая утвердить самостоятельность своего государства, Іоаннъ, незадолго до завоеванія Константинополя, призналъ власть папы, получилъ отъ него королевскій титулъ, и былъ коронованъ легатомъ Иннокентія III [3]. Не смотря на такія отношенія къ главѣ Церкви, Балдуинъ и его бароны не думали признавать независимости мнимаго сына Рима и по религіи и по происхожденію [4]. На предложеніе имъ дружбы и

---

[1] О притѣсненіяхъ Венеціянцевъ говоритъ хроника Фландрская (см. Du Cange, p. 335): Il advint que les Venetiens eurent la cité d'Andrinople pour leur partie. Quand il furent dedans et seigneurs de la ville, moult mémenerent les citoyens de leurs femmes et de leurs filles, et alors les citoyens voyans ce maltraittement, se trairent pardever le Seigneur de Blaquie etc. То же видно и изъ словъ жителей Адріанополя, объявившихъ Балдуину, что они готовы повиноваться ему, если онъ защититъ ихъ отъ притѣсненій, на которыя не обращаетъ вниманія дожъ. Въ Sicardi Episcopi chron. (Mur. VII, p. 620): «Nos Andrinopolitani cives, tuaeque Majestatis fidissimi, te proposuerimus perpetuo Dominum profiteri.... Quod enim in eosdem Venetos peregimus, non nos propria induxit vesania, sed illorum potius lascivia impulit, qui, passim grassantes, in illicitis (proh pudor!) indifferenter voluptabantur in mares et foeminas. Quumque Dux illorum nefandissimos actus dissimularet corrigere, jugum dominii, immo verius scelestissimae tyrannidis excutere decrevimus, illud deinceps nulla sorte passuri. Tibi autem subjici volumus, et pro te tamquam ligii homines tuam hanc recognoscere civitatem.»

[2] Іоаннъ, котораго называютъ также Кало-Іоанномъ и Іоаннникіемъ, царствовалъ отъ 1196 до 1207 года.

[3] Vita Inn. III, Mur. III, p. 514—520.

[4] Тамъ же пишетъ папа: «a nobili urbis Romae prosapia genitores tui originem traxerunt.» О мнимомъ соединеніи съ Римомъ см. Раича исторія разн. Слав. народовъ: «получивъ же обоя (вѣнецъ и архіепископу достоинство патріарха) насмѣялся уніи, и отринулъ ю.»

союза, съ надменностью отвѣчали: что онъ долженъ прежде возвратить земли, нѣкогда принадлежавшія къ Греческой имперіи, и обращаться къ императору не какъ равный, а какъ вассалъ къ ленному государю; въ противномъ случаѣ увидитъ, во владѣніяхъ своихъ, Франкское войско, и будетъ возвращенъ во мракъ неизвѣстности, изъ котораго вышла его фамилія. Іоаннъ возразилъ, что онъ имѣетъ болѣе правъ на престолъ Булгарскій, нежели графъ Фландрскій на Константинопольскій [1]; и поручилъ Греческимъ вельможамъ, нашедшимъ у него убѣжище, вступить въ сношенія съ Ѳракійскими городами, уже готовыми къ возмущенію. Бо̀льшая часть гражданъ изъявила желаніе покориться царю Булгарскому, изгнавъ или умертвивъ Латинцевъ [2], съ тѣмъ, чтобъ онъ утвердилъ ихъ права и вольности: заключили договоры и укрѣпили ихъ присягою съ обѣихъ сторонъ [3].

Возстаніе началось въ Дидимотикѣ и Адріанополѣ; другіе города послѣдовали ихъ примѣру, и умерщвляли Латинскіе гарнизоны, отрѣзанные другъ отъ друга, и не знавшіе ничего о судьбѣ самой столицы. Кто избѣжалъ меча, тотъ, немедленнымъ бѣгствомъ, спѣшилъ укрыться отъ ярости народной; и многіе, думая только о собственномъ спасеніи, покидали, среди опасности, ближайшихъ родственниковъ своихъ [4]. Между тѣмъ Іоаннъ приближался съ значительнымъ войскомъ; съ нимъ шли 14,000 хищныхъ Половцевъ.

Императоръ Латинскій, не дождавшись возвращенія брата своего изъ Азіи, выступилъ въ походъ, и рѣшился осадить Адріанополь. Сто сорокъ рыцарей сопровождали его, и все войско состояло только изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, хотя прибытіе дожа съ Венеціянцами и удвоило это число. Едва началась осада, какъ сами осаждающіе были окружены полчищами царя Булгарскаго, и должны были безпрерывно

---

[1] Vita Innoc. III.

[2] G. Villeh. ch. 177.

[3] Nic. Chon. U. C.

[4] G. Villeh. ch. 182. Такъ Ренье де-Тритъ былъ покинутъ въ Филиппополѣ сыномъ, братомъ, зятемъ, и остался только съ 25 рыцарями.

отражать нападенія Половецкой конницы [1]. Пылкость, свойственная Французскимъ рыцарямъ, одержала верхъ надъ хладнокровнымъ благоразуміемъ, и погубила неосторожныхъ. Графъ Блоаскій и за нимъ самъ Балдуинъ забыли, что наканунѣ отдали приказъ не трогаться съ мѣста и ожидать враговъ въ стройномъ боевомъ порядкѣ [2]; обманутые притворнымъ бѣгствомъ Половцевъ, они съ жаромъ преслѣдовали ихъ цѣлыя двѣ милп. Варвары вдругъ обратились, на легкихъ коняхъ своихъ, противъ разсѣявшихся и тяжело-вооруженныхъ рыцарей, и бо̀льшую часть изъ нихъ умертвили: Людовикъ Блоаскій палъ въ неравной борьбѣ; Балдуинъ былъ взятъ въ плѣнъ [3]. Другіе погибли во время бѣгства; и только благоразумное мужество Готфрида Вильгардуена, который, какъ маршалъ Романійскій, принялъ начальство надъ арріергардомъ, безпрерывно тѣснимымъ непріятелемъ, обезпечило отступленіе остальнаго войска: вмѣстѣ съ дожемъ Венеціянскимъ, привелъ онъ его благополучно въ Родосто [4].

Битва Адріанопольская, происходившая 14 Апрѣля 1205 года, нанесла роковой ударъ Латинскому владычеству. Ужасъ распространился въ Константинополѣ, при извѣстіи о пораженіи и сомнительной судьбѣ императора, между немногочисленными Франками, радость между многочисленными Греками, худо скрывавшими ее [5]. Помощь была далека; и между тѣмъ и 20,000 Армянъ, перешедшихъ, вслѣдъ за Генрихомъ, чрезъ Геллеспонтъ, отчасти погибли отъ рукъ возставшихъ Грековъ и дѣйствовавшихъ за одно съ ними Половцевъ. Не смотря на увѣщанія папскаго легата, 7000 Франковъ, въ

---

[1] G. Villeh. гл. 184—189 и Nic. Chon. U. C.

[2] G. Villeh. ch. 189: «Halas! com malement il tindrent ce qu'il avoient devant devisé le soir.»

[3] Тамъ же, гл. 191 и Nic. Greg. L. I, C. 2; также Alberici chr. ad. ann. 1205.

[4] Достовѣрнѣе всего извѣстія, сообщаемыя очевидцемъ Вильгардуеномъ; также довольно подробно описана эта битва въ Pipini chron (Mur. IX, p. 620 и 621). Никита Хоніатъ ложно приписываетъ пораженіе малодушію дожа; Никифоръ Григорій прибавляетъ, будто онъ бѣжалъ съ поля битвы и вскорѣ умеръ отъ ранъ.

[5] Pipini chr. p. 621: «pro unoquoque Latino erant centum in urbe Graeci.»

томъ числѣ многіе рыцари, оставили Константинополь, и на пяти Венеціянскихъ корабляхъ отплыли въ свое отечество [1]. При такомъ опасномъ положеніи государства, только что основаннаго и уже близкаго къ упадку, принялъ на себя управленіе и оборону его братъ плѣннаго императора Генрихъ, возвратившійся изъ Азіи и избранный въ регенты или бальи [2]. Немедленно были отправлены въ разныя страны Европы, особенно въ Римъ, гонцы съ извѣстіемъ о несчастіи и просьбою о скорой помощи [3]. Но судьба лишила Латинцевъ еще одного изъ главныхъ виновниковъ завоеванія — Генриха Дандоло, скончавшагося въ Византіи на 95 году жизни: Марино Зено замѣнилъ его, какъ бальи Венеціянской колоніи [4].

Между тѣмъ царь Булгарскій овладѣлъ всею Ѳракіею, и Половцы простирали свои набѣги до воротъ столицы. Франкамъ оставались внѣ стѣнъ ея только города Родосто и Селимврія, а въ Азіи, гдѣ Ласкарисъ снова расширилъ свои владѣнія, только небольшой замокъ при Мраморномъ морѣ. Но удаленіе Половцевъ, бывшихъ настоящимъ бичемъ для всей страны и для самихъ Грековъ, союзныхъ съ ними, спасло Константинополь отъ опасной осады. Не могши удержать варваровъ при наступленіи лѣтнихъ жаровъ [5], и не имѣя безъ нихъ достаточныхъ силъ для такого предпріятія, Іоаннъ обратился противъ короля Ѳессалоникскаго, столицею котораго тщетно думалъ овладѣть посредствомъ возмущенія жителей. Бонифацій, по словамъ Никиты Хоніата [6], жестоко наказалъ виновныхъ, и отразилъ силу силою, когда царь Булгарскій, взявъ городъ Сересъ, умертвивъ или продавъ въ рабство жителей, приступилъ и къ стѣнамъ Ѳессалоники. При неудачѣ и съ этой стороны, онъ обратился противъ Филиппополя, жители котораго, принудившіе Ренье де-Трита, съ горстью его

---

[1] G. Villeh. ch. 198 et 199.

[2] Тамъ же, гл. 202 и въ письмѣ Генриха къ Иннокентію III: «me Imperii Baillium elegerunt (Baluz. Coll. l. VIII, ep. 131). Этотъ титулъ употребляли тогда регенты государствъ: см. примѣчаніе Дю-Канжа къ 202 гл. Вильгардуена и его Glossarium.

[3] G. Villeh. ch. 204 и Vita Inn. III, C. 106.

[4] Тамъ же и Rhamn. H. Const. I. 5.

[5] Тамъ же. [6] Urbs capta.

рыцарей, удалиться въ сосѣдній замокъ Стенимаху, думали воспользоваться смутными обстоятельствами для приобрѣтенія независимости. Павликіане [1], многочисленные въ этомъ городѣ, предали его Булгарамъ: городъ былъ разрушенъ, жители умерщвлены или уведены въ рабство [2]; и Іоаннъ, какъ бы довольный успѣхомъ послѣдняго предпріятія, на время отступилъ въ свое государство.

Пользуясь его удаленіемъ, Генрихъ приступилъ къ завоеванію городовъ, свергнувшихъ Латинское иго. Цурулъ, Визія были принуждены сдаться, и снова дали присягу на вѣрность, хотя она, по выраженію одного писателя, была только сознаніемъ слабости; но вѣроломный поступокъ Франковъ, которые, во время переговоровъ о капитуляціи съ жителями Апра, неожиданно вломились въ этотъ городъ и предали его мечу и грабежу [3]—поступокъ, тщетно оправдываемый соотечественникомъ нарушителей правъ общенародныхъ въ его исторіи Византійской имперіи [4] — снова пробудилъ всю ненависть Грековъ къ жестокимъ чужеземцамъ; и жители менѣе укрѣпленныхъ городовъ спѣшили укрыться за твердыми стѣнами Адріанополя и Дидимотики. Генрихъ осадилъ первый, и требовалъ сдачи. Жители не хотѣли слышать о переговорахъ съ вѣроломными и жестокими Франками [5]; настойчивость ихъ, равно какъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и набѣги отрядовъ Булгарскихъ, скоро принудили регента Латинской имперіи снять безполезную осаду [6]. Не болѣе удачно было и предпріятіе противъ Дидимотики: разлитіе рѣки Марицы уничтожило осадныя работы и машины. Франки отступили отъ обоихъ городовъ; но война, гибельная и для той и для другой стороны, продолжалась. Царь Булгарскій снова

---

[1] Можетъ быть Богомилы, столь многочисленные въ этой странѣ и сходные въ своемъ ученіи съ Павликіанами: см. Wolfii Hist. Bogomilorum.

[2] G. Villeh. ch. 208 и 209 и Nic. Chon. U. C.

[3] Nic. Chon. U. C: «ὡς εἰ ποίμνιον ἦν καὶ βουκόλιον ἀλλ' οὐ Χριστώνομον τὸ κτεινόμενον etc.»

[4] Le Beau: Hist. du Bas—Empire, I. 95.

[5] Nic. Chon. U. C: «μὴ Ῥωμαίοις ἐκ τοῦδε καὶ Λατίνοις ἔλεγον εἶναι ὅρκια πιστὰ etc.

[6] Тамъ же и G. Villeh. ch. 207; также Sicardi Episcopi Chron.

выступилъ изъ своего государства, какъ опасный врагъ не только Латинцевъ, но и Грековъ, отношенія которыхъ къ нему были, по словамъ его [1], отношенія невѣрныхъ, коварныхъ подданныхъ къ жестокому государю. Такимъ образомъ Греки находились между двумя враждебными народами, изъ коихъ каждый мстилъ имъ за отпаденіе мечемъ и огнемъ: не было, по выраженію Никиты Хоніата, подробно описывающаго опустошительныя военныя дѣйствія, безопаснаго убѣжища для несчастныхъ, которыхъ вездѣ ожидали тѣ же неизбѣжныя бѣдствія, та же вѣрная гибель [2]. Свирѣпствуя какъ дикіе звѣри, Булгары дѣйствовали удачно: сильный Французскій отрядъ подъ предводительствомъ коннетабля Романійскаго Тьери де-Танремонда, выступившій имъ на встрѣчу, былъ совершенно уничтоженъ, и пятьсотъ рыцарей пало въ сраженіи [3]. Іоаннъ соединилъ всѣ отряды свои, и двинулся къ Константинополю. Города: Аѳръ, Родосто, Цурулъ, Гераклея, Аѳира и другіе, не могшіе, при разрозненной борьбѣ, отразить многочисленныя полчища, были взяты, и жители ихъ, большею частью, погибли отъ меча побѣдителей [4]; легкіе отряды послѣднихъ являлись предъ вратами Константинополя, гдѣ Генрихъ, съ немногими защитниками, находился въ заключеніи среди непріязненнаго Греческаго народонаселенія. Но жестокость Булгарскаго царя, не знавшая различія между покорными и непокорными, давно отдалила Грековъ отъ этого мнимаго покровителя; и принудила ихъ снова искать защиты у Латинцевъ. Жители Ѳракіи признали ихъ владычество съ тѣмъ, чтобъ Адріанополь и Дидимотика были отданы въ ленное владѣніе Греческому вельможѣ Ѳеодору Вранасу [5], искренно преданному Франкамъ, съ которыми соединяла его любовь къ Агнесѣ, сестрѣ короля Филиппа Августа и вдовѣ императоровъ Алексія II и Андрони-

---

[1] Nic. Chon. U. C.

[2] Тамъ же.

[3] Тамъ же и въ письмѣ Генриха къ папѣ (Vita Inn. III, C. 107).

[4] Nic. Chon. U. C. 14 и G. Villeh. ch. 215—220.

[5] Онъ былъ сынъ Алексія Вранаса и племянницы императора Эммануила: Buchon Rech. et Mat. P. 2, p. 142.

ка I [1]. Принятіе такого условія успокоило Ѳракію [2], и большая часть Грековъ, находившихся въ войскѣ Булгарскомъ, перешла на сторону Латинцевъ. Тщетно осадилъ отступавшій царь Дидимотику: появленіе Франковъ въ критическую минуту спасло городъ; и они уже не могли настигнуть враговъ, спѣшившихъ къ предѣламъ своего отечества, но, въ кучахъ пепла и обширныхъ кладбищахъ, оставившихъ ужасные слѣды опустошеній по всей Ѳракіи и окрестнымъ областямъ [3]. Очистивъ и болѣе отдаленныя мѣста отъ непріятеля, Генрихъ освободилъ героевъ, все еще державшихся въ Стенцмахѣ, и—здѣсь получилъ достовѣрное извѣстіе о плачевной кончинѣ вѣнценоснаго брата [4], вѣроятно умерщвленнаго мстительнымъ Іоанномъ послѣ послѣднихъ неудачъ.

При первомъ извѣстіи о пораженіи при Адріанополѣ, Иннокентій III вошелъ въ переписку съ царемъ Булгарскимъ, котораго, по выраженію Гиббона, любили въ Римѣ какъ блуднаго сына [5]; старался склонить его къ миролюбію и освобожденію Балдуина, стращая, въ противномъ случаѣ, мнимыми вооруженіями Запада, направленными противъ него [6]. Но отвѣтъ варвара, какъ величаютъ его западные историки, или его министровъ, едва ли былъ не хитрѣе посланія папы: онъ искусно сложилъ поводъ къ войнѣ на самихъ Франковъ, не

---

[1] Alberici chr. ad ann. 1205: Li Vranas autem princeps ad hoc inductus est, ut sororem regis Francorum, Imperatricem, quam huc usque amaverat abs legalibus nuptiis, legitimo sibi conjungeret matrimonio.

[2] Генрихъ пишетъ къ брату своему Готфриду (Martenne collectio amplissima): «Cives vero de Andrinopoli et de Didimotico, qui ei (Ioannitio primitus juraverant, ejus nequitiam et infidelitatem considerantes, nuncios suos ad nos quam citius destinaverunt, nobis ex parte sua pacem, subjectionem offerentes, nos vero.... quicquid in nos deliquerent, eis benigne remisimus.

[3] См. Nic. Chon (U. C). который и здѣсь подробно описываетъ бѣдствія Грековъ.

[4] G. Villeh. ch. 229, 230.

[5] He was cherished at Rome as the prodigal son.

[6] «Providere volumus diligenter, ut ab hostium undique liberatus incursibus, tranquilla pace leteris. Noveris ergo, fili carissime, quod ingens exercitus de occidentalibus partibus est in Greciam profecturus, preter illum qui nuper accessit. Unde tibi et terre tue debes summopere providere, ut, dum potes, pacem ineas cum Latinis etc. (Inn. III vita C. 108).

знавшихъ предѣловъ въ своей гордости; приписывалъ свое торжество мечу и священному знамени, присланному папою, и увѣдомлялъ, что отъ него уже не зависѣло освобожденіе Латинскаго императора, заплатившаго въ темницѣ дань природѣ [1]. Такимъ образомъ, извѣщая о естественной смерти, Іоаннъ думалъ прикрыть ту ужасную участь, которая постигла несчастнаго Балдуина, и которая, если мы и устранимъ неправдоподобныя романическія подробности, должна быть приписываема только жестокости варвара, не щадившаго и союзныхъ Грековъ и безъ милосердія умерщвлявшаго плѣнныхъ [2].

---

[1] Vita Inn. III, C. 109: «quia debitum carnis exsolverat, cum carcere teneretur.»

[2] Ист. Рацча: «Окончавну уже бывшу сраженію, вси плѣнники Латинскіе съ трупами своихъ мертвецовъ погребти живыхъ повелѣ краль (стр. 287). См. объ участи Балдуина разногласныя извѣстія: Nic. Chon. U. C.; G. Acrop. C. 12; Alberici chr. ad ann, 1205.

ГЛАВА VII.

ЦАРСТВОВАНІЕ ГЕНРИХА.

Отъ 1206 — 1216 года.

Когда получено было достовѣрное извѣстіе о смерти Балдуина I, бароны возвели на императорскій престолъ брата его Генриха, какъ ближайшаго родственника [1], управлявшаго имперіею уже со времени Адріанопольской битвы, и соединявшаго съ воинскими дарованіями, со славою мужественнаго рыцаря и искуснаго предводителя, благоразумную умѣренность, чуждую его пылкому брату. Новый императоръ, по примѣру предшественника, короновался, въ Августѣ 1206 года, въ Софійскомъ соборѣ отъ руки Латинскаго патріарха, но, по-видимому, удивилъ Грековъ, привыкшихъ къ насильственнымъ переворотамъ при началѣ каждаго новаго царствованія, тѣмъ, что такъ долго довольствовался достоинствомъ бальи или регента имперіи [2].

Мы уже видѣли, что новымъ договоромъ, заключеннымъ между Генрихомъ и баронами съ одной стороны, и главою

---

[1] Балдуинъ I оставилъ двухъ малолѣтнихъ дочерей, изъ которыхъ одна получила графство Фландрію, другая Геннегау. Дюканжъ объясняетъ предпочтеніе Генриха его племянницамъ выпискою изъ Lignage de Coucy (гл. 5): «et pour ce que ses deux filles estoient trop jeunes, et qu'elles avoient si grant terre par deçà, lors amis, n'orent miè conseil d'elles envoyer au pays par delà. Si feist-on Empereur Henry son frère.

[2] Nic. Chon. U. C.

Венеціянцевъ въ Константинополѣ съ другой, были ближе опредѣлены отношенія этихъ республиканцевъ къ имперіи [1]; изъ того же договора явствуетъ, что къ этому времени относятся и точнѣйшія постановленія касательно военной службы вассаловъ, какъ личной, такъ и «interposita persona.» Въ царствованіе Генриха, кажется, и Законы Іерусалимскіе получили полное дѣйствіе на всемъ пространствѣ завоеванія; были введены и въ княжествѣ Ахайскомъ, связанномъ ленными отношеніями съ имперіею со времени похода главы послѣдней въ собственную Грецію [2]. Намъ остается обратить вниманіе на отношенія новаго императора къ Латинскому духовенству и на его отношенія къ Греческимъ подданнымъ, отчасти тѣсно связанныя съ первыми; потомъ прослѣдимъ ходъ борьбы между Латинцами и Греческими государями, отстаивавшими свою независимость.

Хотя самъ папа утвердилъ Венеціянца Ѳому Морозини въ санѣ патріарха, однако Франки, подъ предлогомъ незаконнаго избранія, долго не признавали его; только прибытіе папскаго легата кардинала Бенедикта прекратило на время раздоры. По смерти Морозини, они возобновились и продолжались такъ долго, что Иннокентій, уничтоживъ выборы непріязненныхъ партій, наконецъ самъ назначилъ втораго патріарха въ лицѣ Гервазія [3]. Властолюбивое духовенство Латинское, строго придерживаясь католицизма въ догматахъ вѣры, старалось однако удержать нѣкоторые обычаи Восточной Церкви, если они возвышали духовенство надъ свѣтскою властью. Такъ первый Латинскій патріархъ требовалъ отъ Генриха, чтобъ онъ, по обычаю Византійскому, во время богослуженія, занималъ мѣсто внѣ алтаря, между тѣмъ, какъ императоръ перенесъ свой тронъ въ алтарь: папа рѣшилъ споръ въ пользу духовенства, строго порицая Генриха за то, что онъ, по словамъ его, давалъ патріарху мѣсто только у подножія своего трона [4].

---

[1] Marin. T. IV.

[2] Buchon: Rech. et Mat. P. I, p. 98—102.

[3] Inn. III, Ep. l. 16, Ep. 13, 14.; Du Cange H. de Const. sous les Emp. Fr. l. 2, ch. 16.

[4] Тамъ же.

Гораздо важнѣе были раздоры между феодальнымъ обществомъ и духовенствомъ за церковное имущество. Мы видѣли, что папа уничтожилъ тѣ статьи договора, заключеннаго подъ Константинополемъ, по которымъ оно долженствовало быть уменьшено до необходимаго только содержанія служителей алтаря: въ 1206 году, былъ заключенъ новый договоръ между папскимъ легатомъ и патріархомъ Константинопольскимъ съ одной, Генрихомъ и баронами съ другой стороны, по которому послѣдніе согласились уступить Церкви, въ замѣнъ того, чѣмъ она владѣла при Греческихъ императорахъ, сверхъ принадлежавшихъ ей церквей и монастырей въ столицѣ и внѣ ея, 15-ю часть сдѣланныхъ и будущихъ пріобрѣтеній недвижимаго имущества, равно какъ десятину отъ плодовъ земледѣлія и скотоводства; и, въ то же время, признали полную независимость духовныхъ лицъ отъ свѣтскаго суда [1]. Папа вмѣнилъ епископамъ въ обязанность строго наблюдать за выполненіемъ этихъ условій. Но такъ какъ многіе рыцари, возвращавшіеся въ отечество, уступали Церкви свои земли, которыя, по переходѣ въ ея владѣніе, освобождались отъ воинскихъ повинностей, то уменьшеніе свѣтскихъ леновъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, средствъ для защиты возникавшей имперіи, побудило Генриха и его бароновъ, особеннымъ эдиктомъ, изданнымъ въ 1208-мъ и возобновленнымъ въ 1210 году, запретить отчужденіе леновъ въ пользу Церкви, какъ при жизни владѣльцевъ, такъ и по духовнымъ завѣщаніямъ [2] Слѣдствіемъ была продолжительная борьба между духовенствомъ, противившимся такому постановленію, и баронами и рыцарями, хотѣвшими возвратить и прежде уступленныя земли. Папа, увѣщевавшій патріарха быть въ добромъ согласіи съ императоромъ только по стольку, по скольку это служило не ко вреду Церкви [3], поручилъ епископамъ дѣйствовать противъ свѣтской власти духовнымъ оружіемъ, и наконецъ объявилъ изданное постановленіе уничтоженнымъ и

---

[1] Vita Innoc. III, C. 102 (Mur. III, p. 544).

[2] Inn. III, l. 13, Ep. 98: вообще изъ многихъ писемъ кн. 13-й и 15-й видно негодованіе папы.

[3] Honorii III: l. I, Ep. 10.

необязательнымъ ни для кого. Генрихъ былъ принужденъ отчасти уступить могущественной волѣ Римскаго іерарха. Но борьба во многихъ мѣстахъ не прекращалась, и, какъ мы видѣли, была особенно сильна въ Мореѣ, гдѣ Готфридъ II Вильгардуенъ, требовавшій отъ прелатовъ даже личной службы, отнялъ у нихъ доходы съ церковныхъ земель [1]: подвергшись, вмѣстѣ съ владѣтелемъ Аѳинскимъ, отлученію отъ Церкви [2], примирился онъ, при посредничествѣ папы, только тогда, когда епископы согласились нести воинскую повинность «interposita persona.»

Касательно отношеній къ Греческимъ подданнымъ, въ Генрихѣ очевидна борьба между обязанностями вѣрнаго сына Западной Церкви и долгомъ государя быть справедливымъ ко всѣмъ подданнымъ. Въ качествѣ перваго, онъ соглашается на насильственныя мѣры, къ которымъ прибѣгаетъ Латинское духовенство, чтобъ, по выраженію, Георгія Акрополита, заставить всѣхъ Грековъ преклонить выю подъ власть древняго Рима [3]: но увѣрившись, что такія мѣры не ведутъ къ цѣли, что упорное сопротивленіе гонимыхъ опасно для слабой имперіи, онъ сталъ покровительствовать покорнымъ подданнымъ, старался уменьшить взаимную ненависть между побѣдителями и побѣжденными и, сколько возможно, примирить оба народа.

Гоненіе противъ Восточной Церкви было особенно сильно по прибытіи въ Константинополь новаго папскаго легата Пелагія, кардинала-епископа Албанскаго [4], поразившаго Грековъ какъ надменностью своею, такъ и пышностью свиты, блиставшей пурпуровымъ цвѣтомъ одежды, на который, по понятіямъ туземцевъ, имѣли исключительное право только императоры. Онъ началъ свою дѣятельность угрозами и гоненіемъ противъ всѣхъ, отказывавшихся отъ повиновенія уставамъ Римской Церкви; запретилъ Православное богослуженіе, ввергалъ въ темницы священниковъ и монаховъ Греческихъ, грозя

---

[1] Chr. de Morée, p. 65, 66.

[2] Rayn. Ann. ad. ann. 1222 и Hon. Ep: l. 8, Ep. 40, 41 etc.

[3] ἠνάγκαζε καὶ γὰρ τοὺς πάντας τῇ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης ὑποκύψαι ὑποταγῇ (c. 17).

[4] Того самаго, коего неумѣстная воинственность и настойчивость были причиною утраты Даміетты (Spondanus ad ann. 1221).

непокорнымъ даже смертною казнью [1]. Многіе изъ нихъ искали спасенія въ бѣгствѣ, и нашли убѣжище и покровительство во владѣніяхъ Ласкариса; между тѣмъ какъ знатнѣйшіе Византійцы, встревоженные жестокими мѣрами [2], требовали отъ Генриха отвращенія гоненія или дозволенія удалиться туда, гдѣ религія ихъ пользуется защитою законовъ. Они прямо говорили императору, что ему принадлежитъ владычество надъ тѣломъ, а не надъ душею и совѣстью ихъ; изъявляли готовность умереть за него съ оружіемъ въ рукахъ, но доказывали невозможность отречься отъ вѣры предковъ [3]. Опасаясь возмущенія въ самыхъ стѣнахъ столицы, Генрихъ велѣлъ отпереть церкви и освободить изъ темницъ иноковъ и священниковъ, пострадавшихъ за приверженность къ Православію. [4] Такимъ образомъ Греческое народонаселеніе, упорнымъ сопротивленіемъ, отстояло и въ Константинополѣ религію свою, хотя папа не только не отказывался отъ надежды на соединеніе Церквей, но даже торжественно провозгласилъ мнимое соединеніе [5], въ 1215 году, на Латеранскомъ Соборѣ, гдѣ присутствовали и послы императора Константинопольскаго [6]. Соборъ издалъ нѣсколько постановленій, имѣвшихъ цѣлью уни-

---

[1] G. Acrop. C. 17.

[2] О цѣли прибытія Пелагія въ Византію свидѣтельствуетъ и Sabellicus, Ennead. 9, 1. 5: Henricus Imperator Christianae pietatis observantissimus, se adjutorem praebuit Romani pontificis, legato ad hoc Byzantium misso, ut Graecos subigeret ad Romanae Ecclesiae ritum suscipiendum. Далѣе о сопротивленіи Грековъ: Vix ea res moveri coepta est, cum seditio ingens civitatem invasit, Graecis reclamantibus Imperatoris officium esse arma curare, non sacra; satis superque a se datum, qui suam passi essent Ecclesiam Romanae subjectam esse renuntiari.

[3] G. Acrop. C. 17: «ἡμεῖς μὲν ἄλλου γεγονότες γένους, καὶ ἄλλον ἀρχιερέα ἔχοντες, ἑαυτοὺς τῷ κράτει σου ὑπετάξαμεν ὥστε σωματικῶς κατάρχειν ἡμῶν, οὐ μήν γε ψυχικῶς καὶ πνευματικῶς.»

[4] Sabellici Enn: «Henricus relictis cum sua pertinacia Graecis, ad imperii constitutionem convertitur.»

[5] Godefridus monachus, въ своихъ Annales (Rerum German. Tomo Freheriano primo), гов: «Tempore concilii Romani, anno 1215, Orientalis Ecclesia, quod antea inauditum fuit, se subditam Romanae Ecclesiae exhibuit.

[6] См. объ этомъ Соборѣ: Urspergense chron. ad ann. 1215 и Concilium generale Lateranense въ Mansi Conc. T. 22.

чтожить различіе въ обрядахъ: запретилъ назначать въ одну епархію особыхъ епископовъ для Грековъ и Латинцевъ, предписалъ священникамъ обѣихъ націй совершать литургію на томъ же престолѣ, безъ предварительнаго освященія или омовенія и т. д. Но всѣ подобныя постановленія, по-видимому, были столь же безполезны, какъ и посланіе Иннокентія III къ епископамъ Русскія земли (archiepiscopis, episcopis etc. per Rutheniam constitutis), которымъ онъ приглашалъ ихъ, по мнимому примѣру Константинополя, присоединиться къ общей матери-Церкви Римской [1].

Если исключить временное гоненіе за вѣру, то вообще Греки, въ царствованіе Генриха, менѣе всего могли жаловаться на притѣсненія. Видя въ нихъ такихъ же подданныхъ, какъ и въ Латинцахъ, онъ, по свидѣтельству Греческаго историка, былъ къ нимъ гораздо снисходительнѣе, нежели Балдуинъ I и Бонифацій [2]; и наученный примѣромъ брата своего, не отдалялъ ихъ отъ себя, не принуждалъ искать убѣжища у враждебныхъ Греческихъ владѣтелей и тѣмъ еще болѣе усиливать Ласкариса и деспота Эпирскаго, которые, большимъ жалованьемъ, привлекали въ свои ряды многочисленныя толпы Латинцевъ [3]. Напротивъ того, какъ бы противодѣйствуя своекорыстному направленію крестоносныхъ дружинъ, совершенно утратившихъ въ Греціи религіозный характеръ, Генрихъ охотно принималъ Греческихъ воиновъ въ войска свои; давалъ, какъ мы видѣли, знатнымъ важныя должности при Дворѣ; защищалъ и ласкалъ простой народъ, какъ государь, стремившійся къ утвержденію своего владычества на любви

---

[1] См. прим. къ 3-му Тому ист. Карамзина.

[2] G. Acrop. C. 16: *Ὁ δὲ εἰρημένος Ἐρρῆς, εἰ καὶ Φράγκος τὸ γένος ἐτύγχανεν, ἀλλ' οὖν τοῖς Ῥωμαίοις καὶ ἰθαγενέσι τῆς Κωνσταντίνου ἱλαρώτερον προσεφέρετο, καὶ πολλοὺς εἶχε τοὺς μὲν τοῖς μεγάλοις τούτου συντεταγμένους τοὺς δὲ τοῖς στρατιώταις* etc.

[3] Иннокентій III пишетъ къ Ѳомѣ Морозини (l. 13, Ep. 184): «Fraternitati Tue per Apostolica scripta mandamus, quatenus Latinos diligenter moneas, inducas et eis sub pena excommunicationis injungas, ne Grecis et presertim prefato Michalicio contra Imperatorem vel fideles auxilium prebeant etc.» Генрихъ, описывая свои побѣды надъ четырьмя врагами, гов. (Martenne Anecd): «Sed Lascarus ei (soldano Iconii) occurrerat cum majori Grecorum multitudine, et etiam Latinorum qui sub excommunicatione summi pontificis ei adherebant.»

подданныхъ [1]. Потому нельзя не сомнѣваться во мнѣніи тѣхъ писателей, которые преждевременную кончину его приписываютъ отравѣ, и обвиняютъ въ такомъ преступленіи Грековъ, будто бы не могшихъ забыть временнаго гоненія [2]: но могли ли они имѣть въ виду улучшеніе своей участи по смерти государя, который только однажды уступилъ настойчивымъ требованіямъ Латинскаго духовенства, и, по свидѣтельству Грека, постоянно защищалъ туземцевъ отъ притѣсненій?

Обратимся къ воинскимъ предпріятіямъ императора, которому одному было по плечу затруднительное положеніе его государства, и прослѣдимъ его отношенія къ царю Булгарскому и независимымъ владѣтелямъ Греческимъ.

Царь Булгарскій не отказался отъ Ѳракійскихъ городовъ, снова покорившихся Латинцамъ; и едва успѣлъ Генрихъ короноваться, какъ онъ уже опять былъ въ полѣ. Дидимотика, гдѣ Вранасъ еще не могъ исправить стѣнъ и засыпать проломовъ, была взята и разрушена, а окрестная страна превращена въ пустыню [3]; Адріанополь трепеталъ, и умолялъ императора о скорой помощи. Приближеніе Латинцевъ заставило Іоанна отступить къ Балканскимъ горамъ. Генрихъ послѣдовалъ за нимъ, и отбилъ добычу: 20,000 плѣнныхъ Грековъ снова возвратились на родину, и получили обратно имущество, которое похитили у нихъ Булгары [4]. Вслѣдъ за тѣмъ, желая отмстить варвару неменѣе варварскимъ образомъ, Генрихъ вступилъ въ предѣлы Булгаріи, разрушалъ сдававшіеся города, и превращалъ въ пустыню страну, чрезъ которую проходилъ. Такимъ образомъ два враждебные народа опустошали пограничныя области [5]: слѣды нашествій Булгаръ не могли изгладить въ Македоніи и старанія Бонифація, возобновлявшаго разоренные города и крѣпости.

---

[1] G. Acrop. C. 16.

[2] Du Cange Hist. de Const. s. les Emp. fr. l. II, ch. 22. Едва ли вѣроятнѣе и другое извѣстіе, приписывающее смерть Генриха 2-й супругѣ его, дочери царя Булгарскаго.

[3] G. Villeh. ch. 231 и 232.

[4] Тамъ же слѣд. гл.

[5] Nic. Greg. l. 2, C. 2.

Въ слѣдующемъ, 1207 году, Ласкарисъ, тѣснимый Франками въ Азіи, предложилъ царю Булгарскому союзъ, цѣлью котораго было изгнаніе, общими силами, чужеземцевъ изъ самой столицы [1]. Іоаннъ охотно принялъ предложеніе, снова собралъ войско, усиленное многочисленнымъ отрядомъ Половцевъ, и осадилъ Адріанополь, между тѣмъ какъ Ласкарисъ, воспользовавшись возвращеніемъ части Франкскихъ дружинъ въ Европу, напалъ на мѣста, завоеванныя ими въ Азіи [2]. Положеніе Адріанополя, защищаемаго только жителями и 20 Французскими рыцарями, было опасное: многія башни пали; въ стѣнахъ, съ каждымъ днемъ, увеличивались проломы, и императоръ, отвлекаемый войною въ Азіи, не могъ подать скорой помощи. Къ счастію Половцы, по свидѣтельству Вильгардуена [3], при наступленіи лѣтнихъ жаровъ, снова отдѣлились отъ Булгарскаго войска, и отступленіе ихъ спасло городъ: Іоаннъ снялъ осаду. Въ концѣ лѣта, Генрихъ, обезпеченный перемиріемъ съ Ласкарисомъ, предпринялъ, по настоятельнымъ просьбамъ жителей Адріанополя, походъ въ сѣверную Ѳракію; довольствовался однако легкими набѣгами на пограничныя Булгарскія области [4].

Въ станъ на берегахъ Гебра прибылъ къ нему первый изъ его вассаловъ и ближайшій родственникъ (Генрихъ вступилъ въ бракъ съ его дочерью Агнесою), король Ѳессалоникскій, дотолѣ удерживаемый отъ выполненія ленныхъ обязанностей военными дѣйствіями. Они совѣщались о новыхъ предпріятіяхъ противъ Булгаръ: но Бонифацій, выступившій, чрезъ нѣсколько дней послѣ этого свиданія, противъ шайки Булгарскихъ разбойниковъ, гнѣздившейся въ Родопскихъ горахъ, былъ захваченъ въ расплохъ и погибъ, съ оружіемъ въ рукахъ, съ немногими воинами, бывшими при немъ [5]. Извѣстіе о смерти его повергло въ глу-

---

[1] См. письмо Генриха, которое приводитъ Бюшонъ въ своихъ Rech. et Mat. P. 2., p. 212; также G. Villeh. ch. 240.

[2] G. Villeh. ch. 242.

[3] Гл. 244. [4] Гл. 251 и слѣд.

[5] См. 256-ю главу хроники Вильгардуена, который этимъ печальнымъ событіемъ заключаетъ свое сочиненіе.

бокую печаль императора и всѣхъ Латинцевъ [1]. Царь Булгарскій спѣшилъ воспользоваться беззащитнымъ состояніемъ его королевства, и осадилъ Ѳессалонику, надѣясь, вмѣстѣ съ столицею, покорить и всю страну: но предѣлъ его кровавымъ замысламъ положила внезапная смерть, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, естественная, по мнѣнію другихъ, насильственная, и приписываемая современниками заступленію Св. Димитрія, покровителя Ѳессалоники [2]. Іоаннъ не оставилъ сыновей; и племянникъ его Ворилла овладѣлъ престоломъ. Онъ возобновилъ непріязненныя дѣйствія; но былъ разбитъ на голову, и Латинцы овладѣли нѣкоторыми пограничными областями [3].

Между тѣмъ, по завѣщанію Бонифація, наслѣдовалъ Солунское королевство двухлѣтній сынъ его Димитрій, рожденный отъ Маргариты Венгерской; старшему сыну Вильгельму назначилъ онъ маркграфство Монферратское [4]. Тогда обнаружилось стремленіе къ самостоятельности разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ состояли крестоносныя дружины, и которые, по завоеваніи Константинополя, только какъ бы насильственнымъ образомъ, связывались слабыми узами феодализма. Лены Ѳессалоникскаго королевства были почти исключительно во владѣніи Ломбардскихъ бароновъ и рыцарей: потому бальи королевства, графъ Бландрасъ, бывшій близкимъ родственникомъ Монферратскаго Дома и опекуномъ юнаго Димитрія, составилъ планъ совершенно отдѣлить собственность своихъ соотечественниковъ отъ имперіи, уничтоживъ и тѣнь ленной зависимости; рыцари охотно согласились содѣйствовать ему

---

[1] G. Villeh: Halas! com dolorous domage ci ot à l'Empereor Henri, et à toz les Latins de la terre de Romanie, de tel homme pardre etc.

[2] См. Ioann. Stauracii de miraculis St. Demetrii и Allatii notae ad G. Acropol. p. 257; также Inn. III, l. 14. ep. 101. Albericus ad ann. 1207: «De Iohannicio, rege Bulgarie, audivimus quod, cum iret contra Thessalonicam, a beato Demetrio fuit interfectus. Cui successit apud Tornovam cognatus ejus, nomine Burillus etc.»

[3] G. Acrop. C. 13. Подробно описана эта война въ Continuation de la chron. de G. Villeh. par Henri de Valenciennes, ed. de Buchon, p. 176—180. О сраженіи сказано: «La bataille fu vaincue; as nostres fu la victore; et no gens enchauchierent les anemis si efforchiement, que Burille et ses gens furent desconfit etc.»

[4] Beneventuti de S. Georgio: Hist. Montis-Ferrati (Mur. XXIII); Inn. III, l. 13, Ep. 34, 37 etc.

въ дѣлѣ, льстившемъ ихъ національной гордости [1]. Положено было возвести на престолъ совершеннолѣтняго Вильгельма, какъ болѣе способнаго для выполненія такого намѣренія. Но Генрихъ заблаговременно узналъ о заговорѣ, вступилъ съ войскомъ въ предѣлы королевства, принудилъ многихъ Ломбардскихъ коммендантовъ, по проискамъ Бландраса, отказавшихъ ему въ повиновеніи, отворить ворота ввѣренныхъ имъ городовъ, и разбилъ не престававшихъ упорствовать и сопротивляться. Греки, не терпѣвшіе господства гордыхъ иноземцевъ, охотно содѣйствовали императору, уже извѣстному своею кротостью и умѣренностью [2]. Графъ Бландрасъ былъ заключенъ въ темницу; но снова освобожденный, удалился на островъ Негропонтъ съ намѣреніемъ возобновить сопротивленіе. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ и кровавыхъ междоусобій, которыя подробно описываетъ Генрихъ Валансіеннскій [3], бароны согласились низложить главу возстанія, побуждавшаго ихъ, и изъ самой темницы, къ сопротивленію [4]. Въ 1209 году былъ заключенъ миръ, первымъ условіемъ котораго было удаленіе графа въ Италію [5]. Генрихъ короновалъ Димитрія, какъ короля Солунскаго и своего вассала; предоставилъ опеку и управленіе королевствомъ его матери, пользовавшейся особымъ покровительствомъ папскаго престола [6]: но, для наблюденія за ея дѣйствіями, назначилъ резидента отъ имперіи.

Приближеніе императора къ предѣламъ Эпира встревожило деспота Михаила, тѣснимаго, съ другой стороны, Вене-

---

1 «Sace bien li empereres», говорили они, «que çaiens ne metra il jà le pié, ne sor nous ne aura-il jà signourie al comandement.» (H. de Val. p. 188).

2 «Nostre message i vinrent, et li Griphon les misent dedens le bourch sans autre noise faire», говоритъ Генрихъ Валансіеннскій, описывая взятіе Сереса (стр. 196).

3 Отъ стр. 185, изд. Бюшона.

4 «Alés moi bientost à la Serre, et dites au chastelain de par moi que, pour enseigne nule que je li mande, ne pour lettre nule, que il ne rende ja le castel (p. 194).»

5 Vita Inn. III, l. 108.

6 Epist. Inn. III, l. 13.

ціянцами, которые успѣли отнять у него городъ Дураццо. Чтобъ обезпечить свое положеніе, вызвался онъ на личное свиданіе съ Генрихомъ, и, предложивъ руку своей дочери брату его Евстафію, назначилъ ей треть своихъ владѣній въ приданое; между тѣмъ какъ самъ призналъ себя вассаломъ имперіи, и далъ присягу на вѣрность верховному ленному владѣтелю [1]. Но такое изъявленіе покорности со стороны независимаго Греческаго государя могло быть только притворнымъ; и отношенія неестественныя, вызванныя временными обстоятельствами, скоро должны были уступить мѣсто прежней естественной враждѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько времени, мы опять видимъ Михаила жестокимъ врагомъ Латинцевъ: не смотря на родственныя связи съ ихъ главою, онъ, безъ предварительнаго объявленія, возобновилъ войну со всѣми ея ужасами. Готфридъ II Вильгардуенъ отнялъ у него Коринѳъ [2]; Михаилъ захватилъ въ плѣнъ 100 Франковъ подъ предводительствомъ коннетабля Бюфлоа, повѣсилъ предводителя, умертвилъ или заключилъ въ темницы воиновъ. Опустошая пограничныя области, онъ особенно свирѣпствовалъ противъ Латинскаго духовенства; отрубалъ головы епископамъ и священникамъ [3]. Генрихъ, отвлекаемый дѣлами Азіи, долго не могъ принять дѣятельныхъ мѣръ для обузданія такого врага, и былъ принужденъ предоставить мѣстнымъ вассаламъ защиту западныхъ предѣловъ имперіи: только по заключеніи прочнаго мира съ Ласкарисомъ, сталъ онъ готовиться къ походу противъ деспота Эпирскаго [4]. Послѣдній, между тѣмъ, принялъ всѣ мѣры, необходимыя для отраженія силъ имперіи; и, при приближеніи

---

[1] Innoc. III, l. 13, Ep. 184; также Henri de Valenc. p. 210: «Et doura à Wistasse vostre frère, le tierche partie de toute sa terre, avoec sa fille, en fief, et de ore-en-avant il vaura de vous tenir tout son tenement.»

[2] Buchon: Rech. et Mat. P. I, p. 51.

[3] Inn. III, l. 13, Ep. 184: Fidelitate quam eidem praestiterat Imperatori contempta, et spreto juramento.... villas combussit, et omnes Latinos presbyteros quos capere potuit et quendam electum in praesulem et etiam confirmatum fecit capitibus detruncari. Тамъ же: «Aimonem Buflois comestabulum cum militibus et aliis usque centum dolo capiens etc.»

[4] G. Acrop. C. 14.

опасности, назначилъ, въ случаѣ смерти своей, преемникомъ брата Ѳеодора, старшаго законнаго сына Севастократора Іоанна, котораго зналъ, какъ искуснаго вождя, способнаго для поддержанія возникающаго государства среди величайшихъ опасностей. Ѳеодоръ, вскорѣ занявшій мѣсто Михаила, умерщвленнаго однимъ изъ слугъ своихъ [1], оправдалъ ожиданія своего предшественника, и, въ короткое время, увеличилъ деспотство Эпирское новыми завоеваніями: отнялъ у Булгаръ Охридъ и Приллапъ, у Венеціянцевъ Дураццо и Албанополь. Смерть, застигшая Генриха во время похода [2], воспрепятствовала ему положить предѣлъ усиленію новаго деспота.

Намъ остается обратить вниманіе на отношенія этого императора къ Греческимъ владѣтелямъ въ Азіи и особенно на борьбу, почти не прерывавшуюся въ его царствованіе, съ государемъ Никейскимъ. Ѳеодоръ Ласкарисъ, воспользовавшись пораженіемъ Латинцевъ при Адріанополѣ, снова овладѣлъ всѣми приморскими городами, и господствовалъ отъ береговъ Пропонтиды до Эфеса, надъ Виѳиніею, Лидіею и частью Фригіи. Несчастія Алексія III, задержаннаго Бонифаціемъ и отправленнаго въ Монферратъ, подали ему поводъ принять достоинство тестя: онъ, какъ мы видѣли, провозгласилъ себя императоромъ, и былъ коронованъ въ Никеѣ новоизбраннымъ патріархомъ Православнымъ. Но какъ бы не довѣряя своему счастію, онъ еще искалъ посредничества папы для примиренія съ Латинцами; жаловался на жестокость и коварство ихъ, и требовалъ, чтобъ они не переходили чрезъ Босфоръ, очевидно назначенный самимъ Богомъ границею между обоими государствами. Папа, въ отвѣтѣ своемъ, оправдывалъ всѣ дѣйствія крестоносцевъ, обвиняя, напротивъ того, Грековъ; совѣтовалъ и самому Ласкарису подчиниться уставамъ Римской Церкви и верховной власти Латинскаго императора, обѣщая ему, въ такомъ случаѣ, всѣ возможныя почести [3]. Иннокентій не могъ признать, не измѣнивъ собственнымъ интересамъ,

---

[1] Familiae Augustae Byzantinae: Hist. de C. sous les Emp. Fr. p. Du Cange.

[2] Phil. Mouskes; также Guilielmus de Nangis chron. ad ann. 1216.

[3] Inn. III, l. 13, Ep. 45.

самостоятельности еще сомнительной владѣтеля иновѣрнаго и независимости областей, которыя вѣрные сыны Римской Церкви почитали своими. Но и Ласкарисъ, съ своей стороны, не могъ не увѣриться, что ему нѣчего ожидать отъ покровителя враждебныхъ крестоносцевъ; не могъ не убѣдиться, что оружіемъ должно рѣшить великій вопросъ, которому изъ двухъ народовъ, которой изъ двухъ Церквей господствовать на рубежѣ Европы и Азіи. Однако хитрая политика государей Никейскихъ возобновляла, и впослѣдствіи, сношенія съ Римомъ — политика несовсѣмъ безполезная: ибо она иногда отвращала напоръ новыхъ крестоносныхъ ополченій, и отклоняла папъ отъ слишкомъ строгихъ предписаній относительно Латинцевъ, вступавшихъ въ службу Ласкариса и его преемниковъ [1].

Между тѣмъ Давидъ Комненъ, утвердившійся въ Паѳлагоніи, старался распространить владѣнія Великихъ Комненовъ на счетъ Ласкариса [2]. Первая попытка его занять горные проходы въ Виѳиніи и овладѣть Никомедіею не удалась: отрядъ, отправленный подъ предводительствомъ неопытнаго молодаго человѣка, былъ уничтоженъ бдительнымъ Ласкарисомъ. Но Давидъ обратился съ просьбою о помощи къ Латинцамъ; и вспомогательное войско ихъ, въ свою очередь, уничтожило покушеніе Никейскаго государя овладѣть Гераклеею [3]. Благодарный за такое вспомоществованіе, Давидъ вызвался вступить въ прочный союзъ съ Латинцами; и просилъ Генриха смотрѣть на пограничную область Трапезунтскаго государства, какъ на собственность Франковъ, и, какъ такую, въ случаѣ замиренія съ Ласкарисомъ, включить въ мирный договоръ [4]: онъ думалъ только обезопасить себя со стороны Никейскаго владѣтеля, и слишкомъ хорошо зналъ, что Латинцамъ, со всѣхъ сторонъ окруженнымъ врагами, нельзя и

---

[1] Inn. III, l. 13, Ep. 184: «ne presertim prefato Michalicio (я не Ласкарису) contra Imperatorem auxilium prebeant,» пишетъ Иннокентій къ патріарху.

[2] G. Acrop. C. 7.

[3] Fallmerayer: Gesch. d. K. v. Trap. (гл. 4, стр. 86).

[4] Nic. Chon. U. C: καὶ λιπαρεῖται ἐν ταῖς πρὸς τὸν Λάσκαριν γραφαῖς καὶ σπονδαῖς ταῖς ὑποκειμέναις σφίσι κ'ακεῖνον ἐνταττεσθαι.

помышлять о присвоенія областей, принадлежавшихъ Великимъ Комненамъ [1]. Генрихъ, съ своей стороны, видѣлъ въ Давидѣ орудіе противъ возрастающаго могущества Ласкариса, и охотно принялъ его предложеніе [2]. Новый вспомогательный отрядъ Французскій прибылъ въ Натолію; и Давидъ опять вторгнулся въ Никейскія области, завоевалъ многія мѣста, и наказалъ жителей Прусы, добровольно покорившихся Ласкарису. Но Франки, помышлявшіе только о добычѣ, зашли слишкомъ далеко, и были разбиты на-голову Никейскимъ полководцемъ Андроникомъ [3]. Такимъ образомъ вторичная неудача Давида положила предѣлъ распространенію владычества Комненовъ на Западѣ, между тѣмъ какъ самъ Алексій, съ перемѣннымъ счастіемъ, отражалъ на Востокѣ безпрерывные набѣги Кавказскихъ народовъ [4]. Рѣшительная минута была потеряна; усилившійся Ласкарисъ скоро могъ бы совершенно уничтожить возникавшее государство, если бъ война съ Латинцами не заняла всей дѣятельности его.

Она возобновилась во время борьбы съ Великими Комненами, хотя предпріятія Франковъ, ослабленныхъ потерями противъ Булгаръ, еще не имѣли надлежащей энергіи. Когда они успѣли овладѣть городами Эскизою и Никомедіею [5], Ласкарисъ заключилъ извѣстный намъ союзъ съ царемъ Булгарскимъ, занялъ многіе острова, и, въ 1207 году, осадилъ приморскіе города, бывшіе во власти Латинцевъ. Самъ Генрихъ поспѣшилъ на помощь храброму гарнизону, доведенному въ городѣ Кивотѣ до крайности; и, мужественнымъ нападеніемъ, принудилъ Грековъ къ отступленію, хотя и вывелъ освобожденный гарнизонъ изъ слабо-укрѣпленнаго мѣста [6]. Тѣ же явленія повторялись при осадѣ Эскизы и Никомедіи: Ласкарисъ одерживалъ верхъ — и прибытіе новыхъ дружинъ

---

[1] Fallmerayer, C. 4, S. 87.

[2] «Ennemi juré de Lascaris,» называютъ его Византійскіе Латинцы. (См. H. des Emp. Fr. à Const: l. II).

[3] Cont. de G. Vill. p. Henri de Val. p. 184.

[4] Fallmerayer: G. d. K. v. Trap. Kap. 4.

[5] G. Villeh. ch. 236, 237. Эскиза, древній Кизикъ, нынѣ Артаки.

[6] Тамъ же, гл. 242 и т. д.

изъ Константинополя, предводимыхъ или самимъ императоромъ, или отважнѣйшими полководцами его, принуждало его къ отступленію [1]. Но если ничто не могло тогда противостоять ударамъ пылкихъ рыцарей, то ничто не могло утомить и мужества Ласкариса: неистощимый въ средствахъ, онъ, послѣ пораженій, являлся еще болѣе дѣятельнымъ, еще болѣе страшнымъ. Неосторожность Никомедійскаго гарнизона, углубившагося во внутренность страны и уничтоженнаго Греками, доставила брату его Константину возможность снова осадить Никомедію, и война возгорѣлась съ бо̀льшею силою: но новое появленіе самаго Генриха въ Азіи побудило владѣтеля Никейскаго заключить перемиріе на два года, хотя и не слишкомъ выгодное для Латинцевъ, но важное для нихъ потому, что уничтожило союзъ Ласкариса съ царемъ Булгарскимъ. Латинцы возвратили Никейскому государю Никомедію и Эскизу, лишенныя однако укрѣпленій; онъ, съ своей стороны, возвратилъ плѣнныхъ [2].

Не менѣе важно было это перемиріе и для Ласкариса, которому угрожала опасность со стороны султана Иконійскаго, вступившагося за права Алексія III и требовавшаго, чтобъ зять уступилъ свои владѣнія тестю, какъ законному императору. Опираясь на привязанность войска, которое изъявило готовность умереть за него [3], основатель Никейскаго государства сразился съ султаномъ на берегахъ Меандра. Сраженіе было проиграно, и 800 храбрыхъ Франковъ положили головы за государя иновѣрнаго; но гибель султана, неосторожно преслѣдовавшаго Грековъ, возстановила счастіе побѣжденныхъ [4]. И напрасно воскликнулъ Генрихъ при извѣстіи объ этой битвѣ: «Ласкарисъ побѣжденъ, а не побѣдилъ!» [5] Напротивъ того, господство его надъ Малою Азіею было утверждено: онъ вскорѣ успѣлъ отнять у Давида Комнена какъ пограничную область Гераклейскую, такъ и всѣ приморскіе города съ внутреннею Пафлагоніею до самыхъ границъ Турецкихъ владѣній [6]; и, съ тѣхъ поръ, могъ, по словамъ Ни-

[1] G. Villeh.
[2] Тамъ же, гл. 250 и G. Acrop. C. 15.
[3] Nic. Greg. l. I, c. 4 и G. Acrop. C. 8—12.
[4] Тамъ же.
[5] G. Acrop. C. 15. [6] Тамъ же, гл. 11.

кейскаго историка, обратить большее вниманіе на отношенія къ Латинцамъ и на войну съ ними. [1]

Срокъ перемирію вышелъ, и непріязненныя дѣйствія возобновились въ Азіи въ 1213 году, хотя довольно долго ограничивались легкими набѣгами съ той или другой стороны. Наконецъ самъ Генрихъ перешелъ чрезъ Босфоръ, прошелъ безъ сопротивленія чрезъ Троаду и Мизію, занялъ городъ Пеманинъ, и, послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія Грековъ, овладѣлъ Лентіанами. Предавшись здѣсь жестокости, онъ казнилъ главныхъ начальниковъ гарнизона: одного изъ братьевъ Ласкариса, Андроника Палеолога, супруга дочери его Ирины, и храбраго Дермокапта; а простыхъ воиновъ принудилъ вступить въ службу свою. Однако побѣдитель, по выраженію Георгія Акрополита, какъ бы пресыщенный побѣдами [2], вскорѣ согласился на миръ, который предложилъ ему Ласкарисъ: послѣдній былъ искуснѣе Франковъ въ переговорахъ, и удержалъ всѣ свои владѣнія, уступивъ имъ только Мизію до Калама [3]. Миръ этотъ, какъ думаетъ Фальмерайеръ, относится къ 1214 году.

Чрезъ два года не стало Генриха, достойнѣйшаго изъ Латинскихъ императоровъ, и Иннокентія III, одного изъ величайшихъ первосвященниковъ Римскихъ, который такъ ревностно поддерживалъ завоевателей Константинополя, и которому преемникъ его Гонорій III далеко уступалъ въ энергіи воли и твердости характера [4].

---

[1] G. Acrop. ἐντεῦθεν τῆς ἐκεῖσε μάχης ἐκεχειρίαν ἔσχεν ὁ βασιλεύς, τοῖς δ' Ἰταλῶν πολέμοις ἐσχόλαζεν.

[2] «Τοῖς κρατηθεῖσι κορεσθεὶς» (C. 15).

[3] Тамъ же и Nic. Greg. l. 2, C. 1.

[4] Chron. Ursperg. ad ann. 1217: Anno Domini MCCXVII jam tepescere coeperunt praedicatores itineris Hierosolymitani propter mortem papae Innocentii.

ГЛАВА VIII.

ИСТОРІЯ ЛАТИНСКОЙ ИМПЕРІИ ОТЪ ИЗБРАНІЯ ПЕТРА ОКСЕРРСКАГО ДО КОНЧИНЫ РОБЕРТА.

Отъ 1216 до 1228 года.

Если ни пылкое мужество Балдуина I, ни благоразумная твердость Генриха не были въ состояніи устроить на прочныхъ основаніяхъ государства, которое, въ самой организаціи своей, являло всѣ начала скораго паденія, со всѣхъ сторонъ было окружено врагами, и, въ предѣлахъ своихъ, заключало народонаселеніе, только временно уступившее праву меча и дикой силы: то тѣмъ менѣе могла держаться in statu quo эта феодальная конфедерація, когда она лишилась достойнаго главы, который личными дарованіями замѣнялъ, хотя отчасти, недостатокъ въ устройствѣ внутреннемъ когда средства для поддержанія послѣднихъ жизненныхъ силъ ея исчезали съ утратою одной области за другою, съ уменьшеніемъ фанатическаго стремленія Европейскихъ народовъ на Востокъ. Послѣ кончины Генриха настала для Латинской имперіи эпоха быстраго, неудержимаго паденія, ознаменованная усиленіемъ государей Никейскихъ и потерею чужеземцами почти всѣхъ завоеваній кромѣ столицы, среди великолѣпія которой, какъ увидимъ, терпѣли они недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ средствахъ существованія [1].

---

[1] О слабости Латинской имперіи послѣ кончины Генриха пишетъ Гонорій III къ королевѣ Французской: «nunc diminuta est et diminui-

Бароны, собравшіеся для избранія новаго главы, не могли отстранить правъ Фландрской династіи на престолъ Константинопольскій, правъ, освященныхъ двумя царствованіями братьевъ-героевъ и примѣромъ престолонаслѣдія въ королевствѣ Іерусалимскомъ; они колебались только въ выборѣ между ближайшими родственниками обоихъ императоровъ: супругомъ сестры ихъ Іоланты, Петромъ Куртенайскимъ [1], и зятемъ послѣдняго, Андреемъ II, королемъ Венгерскимъ. Большая часть бароновъ объявила себя въ пользу Андрея; но Венеціянцы, безпрерывно ссорившіеся съ королями Венгерскими за Далмацію, старались воспрепятствовать его избранію. Самъ король, помышлявшій тогда только о крестовомъ походѣ въ Палестину, не принималъ никакихъ мѣръ для поддержанія расположенія бароновъ, и, по видимому, не желалъ нарушить ближайшихъ правъ тестя своего [2], на сторонѣ котораго было и его близкое родство съ Французскимъ королевскимъ Домомъ [3]. Такимъ образомъ выборъ палъ на послѣдняго; и торжественное посольство бароновъ Константинопольскихъ просило его занять упраздненный престолъ [4].

Въ сопровожденіи 160 рыцарей и 5500 отборныхъ воиновъ, отправился Петръ, вмѣстѣ съ супругою и четырьмя дочерьми, въ Италію; и въ Римѣ былъ коронованъ Гоноріемъ III, какъ императоръ Константинопольскій [5]. Вступивъ та-

---

tur potentia Gallicorum.... timetur, ne irreparabile Latinis personarum et rerum detrimentum immineat. (Raynaldi Ann. ad ann. 1224).

[1] Петръ Куртенайскій, графъ Оксеррскій, имѣвшій только незначительныя владѣнія, былъ внукъ Людовика VI, короля Французскаго, по отцу своему Петру, 7-му сыну короля, вступившему въ бракъ съ наслѣдницею дома Куртенайскаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, во всѣ права своей супруги (Gibbon: Digression on the family of Courtenay).

[2] «But the prudent Andrew revered the laws of succession,» говоритъ Гиббонъ.

[3] Что родство и связи его имѣли вліяніе при избраніи, видно изъ словъ Guillelmi de Nangis (Chron. ad. ann. 1216): post cujus (Henrici) decessum Petrum de Cortenayo, Autissidoriensem comitem, Philippi regis Franciae consanguineum.... Franci et Latini communiter elegerunt.

[4] Тамъ же: «et ad eum quaerendum in Franciam solemnes nuntios destinaverunt».

[5] Однако папа совершилъ обрядъ внѣ стѣнъ Рима, чтобъ не дать повода къ возобновленію, по примѣру Греческихъ императоровъ, притязаній на обладаніе столицею древняго міра; и извинялся предъ па-

кимъ образомъ во всѣ права главы имперіи, онъ принялъ, едва ли не единственную, ленную присягу отъ одного изъ своихъ вассаловъ, Вильгельма, маркграфа Монферратскаго, какъ опекуна малолѣтняго короля Солунскаго и наслѣдника въ случаѣ его кончины [1]. Но новый вѣнценосецъ не имѣлъ денегъ, чтобъ заплатить за переправу моремъ въ свое государство; и потому заключилъ договоръ съ Венеціянцами, обязавшись, за доставленіе кораблей, покорить для нихъ Дураццо, который находился тогда во власти деспота Эпирскаго. Семейство его отправилось прямо въ Константинополь; онъ самъ, вмѣстѣ съ папскимъ легатомъ Кардиналомъ Колонною, переправился, на Венеціянскомъ флотѣ, изъ Бриндизи въ Эпиръ, и осадилъ сильно укрѣпленный городъ. Всѣ приступы были отбиты. По достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ, императоръ, снявъ осаду, думалъ, вооруженною рукою, проложить себѣ, чрезъ непріятельскую землю, путь въ Константинополь; но въ горныхъ проходахъ былъ, со всѣхъ сторонъ, окруженъ хитрымъ деспотомъ. Лишившись войска, частью побитаго, частью захваченнаго въ плѣнъ, сдался онъ побѣдителю, и, вмѣстѣ съ папскимъ легатомъ и знатнѣйшимъ спутникомъ своимъ, Вильгельмомъ, графомъ Сансеррскимъ, былъ заключенъ въ темницу. Греческіе писатели умалчиваютъ о вѣроломствѣ деспота Ѳеодора [2]; Италіянскіе и Французскіе [3] увѣряютъ, что онъ далъ обѣщаніе не только свободно пропустить императора чрезъ свои владѣнія, но и доставить нужные припасы — и потомъ вѣроломно напалъ на довѣрчивыхъ и безпечныхъ Франковъ. Есть еще извѣстіе, которому отчасти слѣдуетъ Гиббонъ [4] въ своемъ разсказѣ, но достовѣрность котораго опровергается

тріархомъ Константинопольскимъ, права котораго, нѣкоторымъ образомъ, нарушилъ, увѣряя его, что онъ уступилъ только неотступнымъ просьбамъ императора, и имѣлъ въ виду скорѣйшее успокоеніе имперіи, гдѣ могли быть движенія вслѣдствіе несовершеннаго согласія въ выборѣ. См. Chron Richardi de St. Germano ad ann. 1217 и Hon. III Ep. l. 1, Ep. 178.

[1] Beneventuti de St. Georgio: H. Montis-Ferrati (Mur. XXIII).

[2] G Acrop. C. 14.

[3] Raynaldi Ann. Eccl. ad. ann. 1217 и Du Cange Hist. de Const. s. l. Emp. Fr. l. II, ch. 15 etc.

[4] «And after Peter of Courtenay and the R. legate had been arrested in a banquet»....

посланіемъ Гонорія, увѣщевающаго Христіанскихъ государей принять мѣры для освобожденія Петра: будто Ѳеодоръ заманилъ довѣрчиваго императора въ городъ, и потомъ немедленно умертвилъ его во время пиршества [1]. Не вѣроятнѣе ли, напротивъ того, свидѣтельство другой хроники [2], гдѣ разсказывается, что деспотъ намѣрегался умертвить императора и легата, но былъ удержанъ друзьями, убѣдившими его, что для него гораздо выгоднѣе оставить ихъ въ плѣну и тѣмъ обезопасить себя со стороны папы и Франковъ?

Съ горестью свѣдалъ первый о судьбѣ Петра Оксеррскаго и своего легата, и принялъ мѣры для освобожденія обоихъ. Онъ писалъ къ бальи Константинопольскому, дожу Венеціянскому и королю Венгерскому, требуя ихъ дѣятельнаго содѣйствія [3]; велѣлъ во Франціи проповѣдывать новый крестовый походъ, цѣлью котораго долженствовало быть усмиреніе вѣроломнаго деспота. Многіе крестоносцы, въ самомъ дѣлѣ, отправились въ Венецію и Анкону, и Венеціянцы дѣлали нужныя приготовленія къ отплытію; но, въ то время, когда гроза, со всѣхъ сторонъ, скоплялась надъ главою Ѳеодора, подѣйствовали на него и другія средства, къ которымъ прибѣгнулъ папа. Не перуны Ватиканскіе [4], а хитрыя увѣщанія Римскаго іерарха, давшаго деспоту, въ письмѣ къ нему [5], формальное наставленіе въ правилахъ политики, и старавшагося доказать, какъ невыгоденъ для него разрывъ съ Римомъ, доставили свободу легату, между тѣмъ какъ попеченіе о судьбѣ несчастнаго императора Гонорій возложилъ на ближайшаго родственника его, короля Венгерскаго [6], поручивъ ему отправить торжественное посольство къ Ѳеодору и принять всѣ мѣры, необходимыя

---

[1] Chron. Iordani: см. Du Cange, p. 71 (изд. 1657 г.)

[2] Chron. Fossae novae: тамъ же.

[3] Honor. III Ep. l II, ep. 545, 546 etc.

[4] Напрасно говоритъ Гиббонъ: «the Vatican thundered, and the impious Theodore was threatened with the vengeance of earth and heaven» — Гонорій болѣе успѣлъ умѣренностью, нежели угрозами.

[5] Raynaldi Ann. Eccl. ad. ann. 1217.

[6] Honor. III, l. II, ep. 544: «hortamur igitur serenitatem tuam, rogamus et obsecramus in Domino, quatenus, omni mora postposita, solemnes

для освобожденія вѣнценоснаго тестя. Епископъ и пустынникъ, прибывшіе въ Эпиръ, представили деспоту опасность, угрожавшую со всѣхъ сторонъ, и, въ то же время, указали возможность отвратить ее, подчинившись духовному владычеству папы. Слѣдствіемъ былъ договоръ 1218 года между папою и Ѳеодоромъ касательно освобожденія легата: объ императорѣ здѣсь не упоминается, между тѣмъ какъ Гонорій принимаетъ Ѳеодора подъ покровительство Апостольскаго престола, и, подъ опасеніемъ отлученія отъ Церкви, воспрещаетъ собравшимся крестоносцамъ всякое непріязненное дѣйствіе противъ него [1]. Дю-Канжъ думаетъ, что Петра уже не было на свѣтѣ въ 1218 году [2]: но въ такомъ предположеніи, по мнѣнію Шлоссера [3], очевидна только цѣль спасти честь папы, какъ бы жертвовавшаго императоромъ своему властолюбію; оно не подтверждается и современными писателями, которые, по большой части, относятъ смерть Петра къ слѣдующимъ годамъ [4]; и самое безмолвіе Гонорія относительно такого событія, въ договорѣ и письмахъ, непонятно, если бъ оно послѣдовало ранѣе. Дю-Канжъ оправдываетъ и расположеніе папы къ деспоту тѣмъ, что, вмѣстѣ съ нимъ, подчинялась Римскому престолу значительная часть Грековъ, и отвращалась война, которая отвлекла бы крестоносцевъ отъ прямой цѣли ихъ ополченія: но не является ли здѣсь на первомъ планѣ властолюбіе, которому льстила мнимая покорность государя иновѣрнаго, которому приносилась въ жертву благородная заботливость о судьбѣ одного изъ первыхъ сыновъ Римской Церкви? Венеціянцы, по выраженію Шлоссера [5], почитавшіе язычниковъ

---

nuntios ad Theodorum praefatum cum omni festinatione transmittas; et ab eo imperatoris et cardinalis personas, blandis aspera regaliter admiscendo, requiras etc.»

[1] Raynaldi Ann. Eccl. ad. ann. 1218.

[2] Hist. de Const. sous l. Emp. Fr. p. 71, ed. 1657.

[3] Weltg. in zus. Erzähl. 3-ten B. 2-ter Th.

[4] Хроника Оксеррская относитъ ее къ 1219 году; см. также о судьбѣ его Alberici chr; Sabellius Ennead. 9, l. 5; Bernard le Trésorier изд. Guizot, стр. 330; Richardi de S. Germano Chron.; Pipini chron. p. 622 (Mur. VII).

[5] Weltg. in zs. Erz.

и Жидовъ, Турокъ и Грековъ друзьями, если только они благопріятствовали ихъ торговлѣ, также поспѣшили, на выгодныхъ для себя условіяхъ, заключить съ деспотомъ перемиріе на пять лѣтъ [1].

Освобожденный кардиналъ отправился въ Константинополь, гдѣ между тѣмъ императрица Іоланта, въ нѣкоторомъ отношеніи, замѣняла своего супруга, хотя дѣлами правленія завѣдывалъ бальи имперіи, Кононъ Бетюнскій, одинъ изъ опытнѣйшихъ вождей крестоносцевъ. Миръ, заключенный Генрихомъ съ государемъ Никейскимъ, былъ подтвержденъ, и Іоланта выдала за него 3-ю дочь свою Марію. Въ Константинополѣ родился Балдуинъ II, младшій сынъ Петра и Іоланты и послѣдній изъ Латинскихъ императоровъ, владѣвшихъ этимъ городомъ. Въ 1219 году, можетъ быть, въ одно время съ своимъ супругомъ [2], скончалась и императрица Іоланта.

Бароны, возведшіе на престолъ главу Дома Куртенайскаго, какъ ближайшаго родственника обоихъ первыхъ императоровъ, не могли нарушить и правъ сыновей его отъ брака съ Іолантою. Но старшій изъ нихъ, Филиппъ, отвергнулъ предлагаемую ему корону, и, наученный примѣромъ отца, предпочелъ спокойное господство въ небольшихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ опасному блеску императорскаго достоинства; второй, Робертъ, къ которому, по совѣту его брата и Людовика VIII, короля Французскаго, обратились уполномоченные Константинопольскихъ бароновъ [3], принялъ предложеніе,

---

1 Marin: storia del Comm. Ven. T. IV.

2 Phil. Mouskes (изд. Дю-Канжа, стр. 233) говоритъ, въ своей хроникѣ, о судьбѣ Петра и его семейства:

Quar li Comenios le prist,
A Duras en prison le mist,
Et tout si ome i furent mort,
Par desloiauté et par tort,
. . . . . .
Et la comtesse en fu allée,
Sans son Signor fu curonnée
Poi après s acocha d enfant
Dont elle jert ençainte devant....
Petit après moru aussi l'Empereris etc.

3 Du Cange: H de Const: l. 3, C. 1.

льствившее его честолюбію, и прибылъ, хотя и не скоро [1], въ Константинополь, гдѣ, между тѣмъ, Кононъ Бетюнскій стоялъ въ главѣ правленія.

Короновавшись, по примѣру своихъ предшественниковъ, въ Софійскомъ храмѣ, Робертъ немедленно подтвердилъ всѣ права и преимущества Латинскаго духовенства и въ особенности уступки, сдѣланныя со стороны феодальнаго общества относительно владѣнія недвижимымъ имуществомъ [2]. Съ Венеціянцами, въ которыхъ видѣлъ единственную опору своего престола, возобновилъ онъ прежніе, выгодные для республики трактаты; и бальи ихъ, Марино Микіели, по смерти Конона Бетюнскаго, сдѣлался его другомъ и первымъ совѣтникомъ [3]. Вскорѣ и патріархъ Константинопольскій, по требованію Градскаго патріарха, призналъ независимость, въ отношеніи суда духовнаго, всѣхъ Венеціянскихъ церквей, находившихся въ подчиненныхъ ему епархіяхъ [4]. Однако, если въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ первыхъ лѣтъ правленія Роберта еще замѣтны благоразуміе и опытность, то все это должно приписать вліянію Конона Бетюнскаго, смерть котораго вскорѣ лишила Латинскую имперію мужественнаго полководца и дѣятельнаго правителя. Самъ Робертъ не имѣлъ свойствъ и дарованій, необходимыхъ для поддержанія его на шаткомъ престолѣ: чуждый полезной дѣятельности, благороднаго мужества и твердости характера, онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ упадка имперіи, державшейся только подвигами его предшественниковъ [5].

Что касается до положенія, въ царствованіе Роберта, Грековъ, обитавшихъ въ столицѣ и покоренныхъ областяхъ, то

---

[1] Въ 1219 году былъ онъ избранъ; въ 1220-мъ отправился изъ Франціи, а въ 1221-мъ прибылъ въ свою столицу, проведши цѣлую зиму въ Венгріи (Phil. Mouskes, p. 214; Sabell. Dec. I, l. 8).

[2] Hon. l. 6, ep. 285.

[3] Dand. chron. l. X, c. 4, p. 34.

[4] Тамъ же.

[5] Ephraemus in Chron: «κατάρχει Ῥομπέρτος Βυζαντίδος, πράγμασι κοινοῖς μαλακῶς κεχρημένος.» Albericus гов. о немъ:.... in cujus diebus de iis quae in Graecia fuerunt acquisita Latini multa perdiderunt, cum ille esset quasi rudis et idiota. (Ad. ann. 1220).

они, по-видимому, менѣе, нежели прежде, подвергались притѣсненіямъ со стороны Латинскаго духовенства. Хотя кардиналъ Колонна и старался убѣдить папу въ необходимости прибѣгнуть къ мірскому оружію для подчиненія ихъ «Апостольскому престолу»; но Гонорій III, который, самыми дѣйствіями, оправдывалъ слова свои: «volo procedere mansuetudine potius quam rigore«, былъ снисходительнѣе своего легата, и увѣщевалъ его не прибѣгать, для обращенія Грековъ, къ другому оружію, кромѣ молитвы, наставленія, благаго примѣра и терпѣнія [1]. При всемъ томъ, Греки не примирились съ чужеземнымъ, иновѣрнымъ игомъ; и Ѳракійскіе города, какъ увидимъ, навсегда свергли его въ царствованіе Роберта.

Обратимъ вниманіе на отношенія новаго императора къ независимымъ династамъ Греческимъ. Латинская имперія была обезпечена со стороны Булгаръ: преемникъ Бориллы, Іоаннъ Асѣнъ, вступившій въ бракъ съ дочерью сестры Роберта Іоланты и Андрея Венгерскаго, былъ союзникомъ своего близкаго родственника [2], хотя послѣдній и не умѣлъ воспользоваться столь благопріятными отношеніями къ опаснѣйшему сосѣду своихъ предшественниковъ. Но она имѣла другаго врага, не менѣе страшнаго, въ лицѣ коварнаго и жестокаго деспота Эпирскаго Ѳеодора, который, отвративъ грозу, собиравшуюся съ Запада, и не заботясь ни объ отношеніяхъ къ папѣ, ни о договорѣ, заключенномъ съ Венеціянцами, возобновилъ свои прежніе опустошительные набѣги какъ на близкія владѣнія республики, такъ и на области королевства Ѳессалоникскаго. Руководимый неопытными совѣтниками, юный Димитрій, вмѣсто того, чтобъ оружіемъ отражать нападенія врага, отправился въ Италію умолять папу о помощи безполезной. Новое посланіе Гонорія, въ которомъ, снисходительными и скромными упреками, старался онъ убѣдить деспота въ несправедливости его поступковъ и побудить

---

[1] Hon. III, l. 7, Ep. 140.

[2] Іоаннъ Асѣнъ, сынъ Асѣна I, возстановителя независимости Булгарскаго царства, имѣлъ бо́льшія права на престолъ, нежели Ворилла, сынъ сестры его отца: онъ низвергнулъ похитителя, ослѣпилъ и заключилъ его въ темницу. См. G. Acropo. C. 20; также исторію Славянскихъ народовъ Раича (стр. 289).

къ миролюбію, не могло подѣйствовать на игравшаго обѣщаніями и клятвами и смотрѣвшаго на папу глазами Грека [1]. Ѳеодоръ спѣшилъ воспользоваться отсутствіемъ Димитрія: овладѣлъ, въ 1222 году, столицею его Ѳессалоникою и, вслѣдъ за тѣмъ, всѣмъ государствомъ. Въ обладаніи первою видѣлъ онъ право на принятіе императорскаго титула: повелѣлъ архіепископу Охридскому (митрополитъ Солунскій отказался) вѣнчать себя на царство [2]; окружилъ свою особу императорскою пышностью и всѣми чинами Византійскаго Двора: деспотами, севастократорами, великими доместиками, протовестіаріями [3]. Владѣтель Никейскій, который, какъ мы видѣли, почиталъ себя единственнымъ законнымъ Императоромъ Греческимъ, съ негодованіемъ узналъ о такомъ поступкѣ: но предложеніе имъ Ѳеодору содѣйствія къ утвержденію за нимъ вновь завоеванныхъ областей съ тѣмъ, чтобъ онъ отказался отъ принятаго титула, имѣло слѣдствіемъ только надменный, презрительный отвѣтъ со стороны новаго императора [4].

Тогда наконецъ и Гонорій, тронутый просьбами и несчастіями Димитрія, принялъ иныя мѣры въ отношеніи къ Ѳеодору, въ которомъ уже не могъ видѣть сына Римской Церкви. Съ Ватикана посыпались проклятія за проклятіями на главу обманувшаго надежды папы; силы новыхъ крестоносныхъ дружинъ, собиравшихся вслѣдствіе воззванія къ народамъ западной Европы, долженствовали обрушиться на владѣнія отступника; и Римскій іерархъ увѣрялъ, что покоре-

---

[1] Hon. III, l. 7, ep. 14: «Мы желаемъ и готовы любить тебя, и заботимся о твоемъ вѣчномъ и временномъ счастіи,» пишетъ папа: «зачѣмъ же ты самъ поставляешь преграды столь спасительнымъ намѣреніямъ нашимъ? Ты Христіанинъ — живи же въ мирѣ съ твоими братіями и т. д.»

[2] G. Acop. C. 21. Архіепископъ Охридскій, въ самостоятельности и независимости своей отъ патріарха, видѣлъ право на совершеніе царскаго вѣнчанія: «ὁ δὲ Βουλγαρίας ἀρχιεπίσκοπος Δημήτριος τὸ βασιλικὸν περιδιδύσκει τοῦτον διάδημα, ὡς ἔφασκεν αὐτόνομος ὢν καὶ μηδενὶ εὐθύνας ὀφείλων δοῦναι, καὶ διὰ ταῦτα ἐξουσίαν ἔχειν βασιλέας χρίειν οὓς τε ἄν καὶ ὅπου καὶ ὅτε βούλοιτο.»

[3] Тамъ же: βασιλεὺς οὖν ἀναγορευθεὶς ὁ Θεόδωρος βασιλικᾶς ἐχρᾶτο τοῖς πράγμασι, δεσπότας τε προυβάλλετο καὶ σεβαστοκράτορας etc.

[4] Nic. Greg. l. 2, C. 2.

ніе ихъ облегчитъ завоеваніе Палестины, освободивъ имперію Константинопольскую отъ врага, который, до сихъ поръ, препятствовалъ ей содѣйствовать святому предпріятію [1]. Онъ открылъ для маркграфа Монферратскаго Вильгельма, вооружившагося на помощь брату, сокровища свои; увѣщевалъ и духовенство въ Константинополѣ и во всей имперіи пожертвовать половиною доходовъ для пользы обоихъ братьевъ [2], которые, съ своей стороны, обѣщались, по счастливомъ окончаніи предпріятія, возвратить всѣ полученныя ими пособія.

Между тѣмъ императоръ Робертъ, узнавъ о завоеваніи Ѳессалоники, отправилъ противъ деспота значительный отрядъ подъ предводительствомъ Николая Менво, маршала Романійскаго, и Тьери де-Валенкура. Они осадили Сересъ; но получивъ извѣстіе о пораженіи Никейскимъ императоромъ главнаго войска Франковъ, дѣйствовавшаго въ Азіи, поспѣшили снять осаду, и стали отступать: Ѳеодоръ настигъ ихъ, разбилъ на-голову, и захватилъ въ плѣнъ [3]. Успѣхи обоихъ Греческихъ государей произвели новое волненіе между покорными Греками. Адріанополь изгналъ Французскій гарнизонъ, и покорился императору Никейскому; потомъ вступилъ въ переговоры съ Ѳеодоромъ, который, между тѣмъ, усилился во Ѳракіи и овладѣлъ всѣми мѣстами на Западъ отъ Гебра: Мозинополемъ, Граціаною, Дидимотикою и другими. Болѣе выгодныя условія, предложенныя имъ, побудили жителей Адріанополя изгнать Никейскій гарнизонъ и вступить въ подданство новаго императора Ѳессалоникскаго [4]: тогда еще было неясно, который изъ обоихъ Греческихъ государей имѣетъ болѣе правъ на повиновеніе Грековъ, который одержитъ верхъ надъ другимъ. Новое приобрѣтеніе сдѣлалось для Ѳеодора опорою въ борьбѣ съ Латинцами, мѣстомъ сборнымъ для дружинъ его: отсюда наводилъ онъ ужасъ на самую столицу, нерѣдко являясь предъ вратами ея [5].

---

[1] Hon. III, l. 7, Ep. 147.

[2] Hon. III, l. 8, Ep. 83—85.

[3] Phil. Mouskes.

[4] G. Acrop. l. 24.

[5] Тамъ же: *ὁ Κομνηνὸς οὖν Θεόδωρος ἐγκρατὴς καὶ τῆς Ἀδριανουπόλεως γεγονὼς πολλὰ παρέσχε τοῖς Ἰταλοῖς πράγματα.... καὶ μέ-*

Опасная болѣзнь маркграфа Монферратскаго задержала крестоносцевъ, готовившихся къ отплытію въ Эпиръ: они отчасти разсѣялись. Только въ 1225 году могъ выздоровѣвшій Вильгельмъ явиться въ Ѳессаліи съ новымъ войскомъ [1]. Папскій легатъ сопутствовалъ ему; князь Ахайскій, бароны Аѳинскій и Негропонтскій, вслѣдствіе увѣщаній папы [2], спѣшили присоединиться со своими отрядами. Но первые успѣхи вскорѣ были уничтожены преждевременною смертью маркграфа, оставившаго войско безъ опытнаго предводителя, брата безъ надежды [3]. Юный Димитрій, къ которому воины не имѣли надлежащаго довѣрія, недолго держался въ Ѳессаліи: тѣснимый Ѳеодоромъ, онъ былъ принужденъ возвратиться въ Монферратъ, гдѣ смерть, среди новыхъ приготовленій къ походу, застигла его въ 1227 году. Такимъ образомъ королевство Солунское перешло во владѣніе государя Эпирскаго, который удержалъ его до распространенія завоеваній императора Никейскаго въ Европѣ: титулярные короли Ѳессалоникскіе на Западѣ, передававшіе изъ рода въ родъ пустой титулъ, не могли и думать о возвращеніи навсегда утраченныхъ владѣній [4].

Обратимся къ событіямъ въ Азіи. Казалось, Ѳеодоръ Ласкарисъ, вступивъ въ родственныя связи съ Домомъ Куртенайскимъ [5], измѣнилъ постоянной враждѣ къ чужеземцамъ

χρι καὶ τῶν πυλῶν τῆς Κωνσταντίνου κατήντησε, καὶ πτοίαν πολλὴν τοῖς Λατίνοις ἐνέβαλε.

[1] Hon. III Ep. l. 8, ep. 84.

[2] Тамъ же, ep. 85.

[3] Rich. de St. Germano и Beneventuti de S. Georgio Hist. Montis-Ferrati (Mur. XXIII, p. 381).

[4] Димитрій, умирая, назначилъ наслѣдникомъ своимъ императора Фридриха II: но титулъ короля Ѳессалоникскаго принялъ Бонифацій III, сынъ Вильгельма, и Фридрихъ, въ 1239 году, самъ отказался отъ наслѣдства въ его пользу. (Beneventuti de S. G. Hist. M. p. 385-etc). Балдуинъ II, при жизни Бонифація, даровалъ достоинство короля Ѳессалоникскаго Вильгельму della - Carceri, вступившему въ родственныя связи съ Домомъ Монферратскимъ; съ другой стороны, Вильгельмъ IV, сынъ Бонифація III, уступилъ, въ 1284 г., права на Ѳессалонику зятю своему императору Андронику. (См. генеалог. табл. Бюшона).

[5] Nic. Greg. l. I, C. 4.

и, нѣкоторымъ образомъ, призналъ ихъ права на владычество надъ Константинополемъ: но это было только частнымъ, временнымъ уклоненіемъ отъ великой цѣли, къ которой стремились всѣ Никейскіе государи — изгнанія Латинцевъ изъ столицы Православія. Самое родство послужило Ласкарису предлогомъ для новой войны съ ними. По смерти императрицы Іоланты, предъявилъ онъ права своей супруги на престолъ Константинопольскій [1]; и, воспользовавшись сперва неизвѣстностью, потомъ отсутствіемъ преемника Петра Оксеррскаго, началъ непріязненныя дѣйствія противъ Латинскихъ владѣній въ Азіи. Кононъ Бетюнскій, правившій имперіею, послалъ нѣсколько отрядовъ для ихъ защиты: однако рѣшительнаго сраженія не было; и, по прибытіи Роберта въ Константинополь, предводители Франковъ поспѣшили возвратиться въ столицу, чтобъ присутствовать при его коронаціи [2]. Самъ императоръ, желая избавиться хотя отъ одного изъ враговъ, предложилъ зятю своему миръ: съ обѣихъ сторонъ были возвращены плѣнные, въ томъ числѣ одинъ изъ братьевъ Ласкариса. Вскорѣ вѣнценосные родственники еще болѣе сблизились; и Императоръ Никейскій, желая видѣть на престолѣ Константинопольскомъ потомство свое, хотя въ женскомъ колѣнѣ, предложилъ Роберту руку своей дочери Евдокіи [3]. Сопротивленіе православныхъ патріарховъ Эммануила и преемника его Германа, не хотѣвшихъ благословить этотъ бракъ по причинѣ близкаго свойства, едва ли могло бъ помѣшать выполненію намѣренія Ласкариса, если бъ смерть не прекратила, въ 1222 году, дѣятельной жизни основателя Никейской имперіи [4], которому Греки отчасти обязаны тѣмъ, что, при завоеваніи 1204 года, не утратили совершенно своей самостоятельности, и который, отважностью въ предпріятіяхъ и щедростью къ приверженцамъ, иногда простиравшимися до

---

[1] Такъ, по крайней мѣрѣ, пишетъ Phil. Mouskes (стр. 214, изд. Дю-Канжа): но такія права, если бъ они и были законными, могли имѣть вѣсъ только въ глазахъ Латинцевъ.

[2] Phil. Mouskes: стр. 214.

[3] Alberici Chr. ad ann. 1222; Raynaldi ann. Eccl. ad ann. 1223.

[4] G. Acrop. C. 18.

дерзости и расточительности, утвердилъ свое господство надъ половиною Малой Азіи.

На престолъ Никейскій вступилъ Іоаннъ Дука Ватацесъ[1], супругъ Ирины, дочери Θеодора Ласкариса[2], мужъ, одаренный высокими талантами мудраго государя и искуснаго полководца, соединявшій съ мужествомъ и предпріимчивостью хладнокровное благоразуміе и осторожную расчетливость: предвидя напередъ всѣ предстоящія препятствія, онъ заблаговременно находилъ и средства преодолѣть ихъ, и, приступая къ исполненію намѣренія, былъ почти всегда увѣренъ въ успѣхѣ[3]. Такія дарованія не могли примирить съ его возвышеніемъ только братьевъ Ласкариса, имѣвшихъ виды на престолъ: оба младшіе, скрывъ негодованіе, остались при Дворѣ счастливаго соперника; но старшіе, Алексій и Исаакъ, тайно удалились въ Константинополь, и стали подстрекать Роберта къ войнѣ съ Ватацесомъ[4]. Попытка ихъ увезти съ собою Евдокію, нареченную невѣсту Латинскаго императора, не удалась: ибо политика Ватацеса, думавшаго возобновить враждебныя отношенія, противилась этому брачному союзу. Однако война въ Азіи началась не прежде, какъ чрезъ два года по воцареніи его; и неосторожный Робертъ, первый, нарушилъ миръ съ даровитымъ сосѣдомъ своимъ. Отправивъ отрядъ противъ владѣтеля Эпирскаго, онъ, въ то же время, двинулъ главныя силы въ Азію: братья Ласкариса, обнаружившіе, въ этомъ походѣ, болѣе ненависти, нежели искусства, были главными предводителями. Ватацесъ немедленно выступилъ противъ непріятеля, и сразился съ нимъ близъ Пеманина. Долго оба войска оспаривали другъ у друга побѣду,

---

[1] Прошенованіе Дука показываетъ, что онъ принадлежалъ, по крайней мѣрѣ, въ женскомъ колѣнѣ, съ славному Дому Дуковъ. Дю-Канжъ думаетъ, что онъ былъ правнукъ Θеодора Ватацеса, получившаго, за свои заслуги, руку сестры Эммануила Комнена (H. de Const. s. les Emp. Fr. l. III, C. 4).

[2] Ирина была сперва замужемъ за Андроникомъ Палеологомъ, и, по смерти его, вышла за Ватацеса; сестра ея Марія была за Белою, сыномъ Андрея II, короля Венгерскаго; 3-я сестра Евдокія, невѣста Роберта, впослѣдствіи вышла за Французскаго рыцаря Ансо-де-Каіо. (Alberici chr. ad ann. 1221; G. Acrop. C. 24 et 47).

[3] Nic. Greg. l. 2, C. 1.

[4] G. Acrop. C. 19 et 22.

и Греки наконецъ показали тылъ: но Ватацесъ еще разъ соединилъ свои полки, еще разъ ударилъ на торжествующихъ Латинцевъ, и вырвалъ побѣду изъ рукъ ихъ. Въ свою очередь, должны были они искать спасенія въ бѣгствѣ, и большая часть погибла; плѣнные, по повелѣнію гнѣвнаго побѣдителя, были умерщвлены, а братья Ласкариса лишены зрѣнія [1].

Битва эта, происходившая въ 1224 году, нанесла новый, рѣшительный ударъ владычеству Латинцевъ на Востокѣ: она навела ужасъ на чужеземцевъ, тщетно искавшихъ помощи у папы, и, чрезъ него, у короля Французскаго [2]; возвысила духъ Грековъ, и открыла императору Никейскому путь къ новымъ побѣдамъ. Онъ овладѣлъ почти всѣми завоеваніями Генриха въ Азіи, гдѣ города, занятые Латинцами, но не имѣвшіе достаточныхъ гарнизоновъ и необходимыхъ припасовъ, часто сдавались ему безъ всякаго сопротивленія; покорилъ островъ Лесбосъ; наконецъ явился на Херсонесѣ Ѳракійскомъ, овладѣлъ окрестностями Галлиполи и Мадицы и частью берега Пропонтиды [3]. Только Адріанополь, не смотря на то, что отряды его уже вступили въ городъ, былъ онъ принужденъ, какъ мы видѣли, уступить хитрому деспоту Эпирскому, тогда еще думавшему оспаривать права на господство у соперника, столь счастливаго впослѣдствіи [4]. Чтобъ остановить побѣдоносное шествіе Ватацеса, Франки, тѣснимые съ двухъ сторонъ [5], поспѣшили предложить ему миръ: они уступили городъ Пигу и всѣ мѣста, лежащія на Югъ, удержавъ въ Азіи только полуостровъ между Чернымъ моремъ и заливомъ Никомедійскимъ [6].

Миръ съ владѣтелемъ Никейскимъ уже не нарушался въ царствованіе Роберта; и послѣдній думалъ воспользоваться имъ, чтобъ снова завоевать королевство Солунское. Но, между тѣмъ, слѣдствія несчастной страсти, кончившейся стыдомъ

---

[1] G. Acrop. гл. 22 и Nic. Greg. l. 2, C. 1.

[2] Hon. III, l. 8, Ep. 442.

[3] G. Acrop. C. 22 и Alberici chron. ad ann. 1222.

[4] Тамъ же, гл. 24.

[5] Тамъ же.

[6] Тамъ же, гл. 23.

императора [1], не только прервали приготовленія, но и принудили его лично отправиться въ Римъ для принесенія папѣ жалобъ на собственныхъ подданныхъ, которые не уважали своего государя за поступки, непристойные его сану. Глава Церкви старался утѣшить глубоко-оскорбленнаго, и совѣтовалъ ему возвратиться въ Византію, чтобъ достойными подвигами заставить забыть прошедшее: но скоро (въ 1228 году) смерть прекратила его жизнь, безполезную для государства, основаннаго крестоносцами на берегахъ Босфора.

---

[1] О романическомъ приключеніи Роберта см. Gibbon ch. 61 и Du Cange, l. III. c. 11 и 12; также Danduli Chron. l. X C. IV, p. 55 и Marini Sanuti dicti Torselli Liber Secretorum Fidelium Crucis: l. 2, p 4, C. 18.

ГЛАВА IX.

ПРАВЛЕНІЕ ІОАННА БРІЕННСКАГО.

Отъ 1228 до 1237 года.

Малолѣтство законнаго наслѣдника покойнаго императора, брата его Балдуина, едва достигшаго десятилѣтняго возраста, побудило бароновъ Константинопольскихъ искать правителя, который былъ бы въ состояніи нести тяжкое бремя управленія государствомъ, со всѣхъ сторонъ окруженнымъ врагами. Между ними не было ни одного, который, по своему уму и дарованіямъ, имѣлъ бы особое право выступить изъ ряда своихъ товарищей, и занять надолго столь высокое мѣсто. Потому взоры многихъ обратились сперва на Асѣна, царя Булгарскаго, какъ близкаго родственника малолѣтняго Балдуина: Латинцы предложили ему верховную власть въ своей имперіи, опеку надъ императоромъ и брачный союзъ между послѣднимъ и дочерью его Еленою. Съ радостью было принято такое предложеніе, и заключенъ договоръ между баронами и властолюбивымъ Асѣномъ, который, съ своей стороны, обязался снова завоевать для имперіи провинціи, отторгнутыя династами Эпирскими [1]. Но, между тѣмъ, возникли опасенія относитель-

[1] Mar. Sanuti L. Fid. Cr. (l 2, p. 4, C. 18). Promiserat enim Balduino Imperator praedictus (царь Булгарскій) sua gente suisque expensis propriis recuperare terram totam Imperii Romaniae, quam praedecessores amiserant in partibus Occidentis.

но неестественнаго союза съ врагомъ Латинцевъ, которому они ввѣряли теперь судьбу свою [1]; скоро такія опасенія сдѣлались общими — и переговоры были прерваны, трактаты объявлены уничтоженными. Положено было вручить правленіе природному Французу; и выборъ, вѣроятно подъ вліяніемъ папы, палъ на Іоанна Бріеннскаго, носившаго титулъ короля Іерусалимскаго со времени бракосочетанія съ Изабеллою, наслѣдницею этого королевства. Поссорившись съ зятемъ своимъ Фридрихомъ II, онъ командовалъ войсками папы, дѣйствовавшими противъ этого императора, и въ глубокой старости (ему было 80 лѣтъ отъ роду) все еще не утратилъ тѣхъ рыцарственныхъ доблестей, которыя современники привыкли соединять съ его именемъ [2]. По договору между нимъ и баронами, заключенному, при посредничествѣ папы, въ Перуджіи [3], постановлено, чтобъ Балдуинъ вступилъ въ бракъ съ его дочерью Маріею, а самому Іоанну Бріеннскому предоставлено право короноваться и пожизненно пользоваться титуломъ и властью императорскою [4]; вслѣдствіе чего всѣ непосредственные вассалы обязаны ему ленною присягою и повиновеніемъ, какъ главѣ имперіи. На Іоаннѣ Бріеннскомъ лежала обязанность доставленія приличнаго содержанія наслѣднику имперіи, который, по достиженіи 20 лѣтняго возраста, долженъ дать клятву въ выполненіи всѣхъ условій, означенныхъ въ договорѣ, и тогда же получалъ въ ленное владѣніе государство Никейское, принявъ однако на себя всѣ обязанности

---

[1] Marino Sanuto ошибается, думая, будто опасеніе, чтобъ Балдуинъ, усилившись чрезъ союзъ съ Асѣномъ, не отмстилъ за оскорбленіе, нанесенное его брату, побудило къ разрыву съ царемъ Булгарскимъ: «tunc barones sui timentes, quod postquam Balduinus suum firmasset Imperium, ne procederet contra eos, propter offensam magnam quam in praedecessorem ipsius commiserant, dolosum sibi dederunt consilium, ut videlicet filiam Imperatoris Exagorarum renueret etc.»

[2] «Se daturum hominem in armis probum, in bellis securum, in agendis providum etc,» пишетъ о немъ король Французскій (M. Sanuti, I. F. Cr. l. 3, p. 11, C 4.).

[3] Epist. Greg. IX, l III, ep. 51, и Raynaldi Ann. Eccles. ad ann. 1229.

[4] О причинѣ сказано: «quia idem Balduinus minoris etatis est, propter debilem statum imperii.»

вассала, и давъ присягу на вѣрность тестю [1]. Только по смерти послѣдняго вступалъ онъ во всѣ права, принадлежавшія ему по рожденію. Іоаннъ, съ своей стороны, имѣлъ право избрать, для своихъ наслѣдниковъ въ мужескомъ колѣнѣ, или всѣ земли, которыми когда либо владѣли Греки и Латинцы по ту сторону Босфора, или области въ Европѣ, кромѣ принадлежавшихъ къ городамъ Адріанополю и Дидимотикѣ и королевства Солунскаго, съ тѣмъ, чтобъ наслѣдникъ его владѣлъ ими, какъ вассалъ Балдуина и его наслѣдниковъ, и выполнялъ сопряженныя съ званіемъ ленника обязанности службы, являясь лично, если самъ императоръ выступалъ въ походъ [2]. Всѣ статьи договора, по которому права Балдуина отсрочивались, и Іоаннъ Бріеннскій дѣлался истиннымъ главою имперіи, были утверждены Папою 18 Апрѣля, 1229 года.

Однако, по заключеніи его, маститый герой провелъ еще два года на Западѣ; и желаніе собрать вокругъ себя значительное войско едва ли было единственною причиною, такъ долго задерживавшею его [3]. По крайней мѣрѣ, и по прибытіи въ Константинополь, гдѣ между тѣмъ управлялъ имперіею Наржо-де-Туси, и гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидали знаменитаго старца, надѣясь подъ сѣнію его минувшей славы насладиться миромъ и безопасностью, онъ провелъ еще два года въ бездѣйствіи, не предпринимая ничего противъ враговъ новаго государства своего. Мужество ли и дарованія Ватацеса, какъ думаетъ Никейскій историкъ [4], удерживали Іоанна Бріеннскаго отъ войны съ нимъ, или желаніе, послѣ многодѣятельной жизни, насладиться спокойствіемъ въ старости было причиною такого бездѣйствія: но мы могли бъ, говоритъ Ле-Бо [5], извинить 80 лѣтняго старца, если онъ засыпаетъ на тронѣ, и не можемъ извинить его, если онъ вступаетъ на него только для того, чтобъ успокоиться.

---

[1] «Et ipse Balduinus tenebitur facere homagium ligium Imperatori et servitium debitum imperio de hominibus suis pro terra sibi assignata etc.»

[2] «quod haeres regis faciet homagium ligium regi Balduino vel ejus haeredi.»

[3] Григорій IX приписывалъ однако медленность этой причинѣ См. Allatii Notae in G. Acrop. p. 252.

[4] G. Acrop. C. 27.

[5] Hist. du Bas-Empire, l. 37.

Между тѣмъ царь Булгарскій не думалъ добровольно отказаться отъ верховной власти, которую предлагали ему надъ собою Латинцы, и вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ѳеодоромъ Эпирскимъ, выдавъ побочную дочь свою за брата его Эммануила [1]. Но судьбѣ угодно было, на этотъ разъ, отвратить опасность, угрожавшую Латинской имперіи. Ѳеодоръ, игравшій священнѣйшими договорами и клятвами, нарушилъ полезный союзъ; и, надѣясь расширить свои владѣнія насчетъ союзника, выступилъ съ многочисленнымъ войскомъ къ сѣвернымъ предѣламъ своего государства [2]. Асѣнъ угадалъ коварное намѣреніе, поспѣшилъ на встрѣчу, и разбивъ на голову, захватилъ его въ плѣнъ съ знатнѣйшими вельможами. Умѣренность и снисходительность къ плѣннымъ, отличавшія побѣдителя отъ прежнихъ царей Булгарскихъ, пріобрѣли ему общую любовь Грековъ [3], и отворили врата Адріанополя, Дидимотики, Сереса, Пелагоніи и другихъ городовъ; набѣги его простирались до Эпира. Самъ виновникъ войны, по словамъ Георгія Акрополита, пользовался въ плѣну снисходительностью Асѣна, пока опасные замыслы не побудили царя лишить его зрѣнія [4]. Между тѣмъ братъ его Эммануилъ успѣлъ утвердиться въ Ѳессалоникѣ, и старался усилить себя союзами съ сосѣдними владѣтелями, особенно съ княземъ Ахайскимъ. Асѣнъ, вѣроятно изъ любви къ своей дочери, не тревожилъ зятя, довольствовавшагося титуломъ деспота. Замѣчательно, что новый владѣтель Ѳессалоникскій и императоръ Никейскій, почти въ одно время, вступили въ сношенія съ папою: первый, можетъ быть искреннѣе, нежели его предшественникъ, изъявилъ готовность признать верховную власть первосвященника Римскаго не только въ дѣлахъ духовныхъ, но и свѣтскихъ, наименовавъ себя вассаломъ того, кто уже не слишкомъ довѣ-

---

[1] G. Acrop. C. 25.

[2] Тамъ же и Chr. Richardi de S. Germano (Muratori T. VII).

[3] G. Acrop. C. 25: «ἔνθεν τοι καὶ οὐ μόνον παρὰ Βουλγάρων ἀλλὰ καὶ παρὰ Ῥωμαίων ἐφιλεῖτο καὶ ἑτέρων ἐθνῶν.»

[4] G. Acrop. C. 26. Но, по другимъ извѣстіямъ, Ѳеодоръ былъ ослѣпленъ послѣ сраженія (Nic. Greg. l. 2, C. 3). Въ Chr. Richardi de S. Germano: «eodem mense Aprili, in Graecorum imperio factum est proelium, in quo Comnenus captus est et utroque lumine orbatus.»

рялъ такой покорности [1]; второй, какъ видно изъ переписки съ папою и переговоровъ, веденныхъ на Соборѣ въ Никеѣ, имѣлъ цѣлью только ослабить дѣятельность, съ которою глава Западной Церкви старался побудить свою паству къ новому крестовому походу на защиту Константинополя [2].

Въ это время уже начались непріязненныя дѣйствія въ Азіи. Іоаннъ Бріеннскій, побуждаемый желаніемъ подданныхъ, которые имѣли преувеличенное понятіе о его силахъ, нарушилъ миръ, заключенный Робертомъ, и, въ 1233 году, вышелъ съ значительнымъ войскомъ на Азіятскій берегъ близъ Лампсака [3]. Ватацесъ, не имѣя въ готовности достаточнаго войска, чтобъ дать рѣшительное сраженіе, принялъ другія мѣры для защиты своихъ владѣній: отрѣзалъ непріятелю всякую возможность получать съѣстные припасы; вездѣ шелъ по слѣдамъ его, и, занимая выгодныя позиціи, болѣе и болѣе оттѣснялъ къ берегу. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, Франки завоевали только небольшой замокъ близъ Кизика; если хитрость одного изъ воиновъ и покорила имъ наконецъ городъ Пигу, то искусными движеніями Ватацеса они вскорѣ были принуждены возвратиться въ Европу, не сдѣлавъ завоеванія, которое вознаградило бъ издержки и трудности похода [4]. Напротивъ того, императоръ Никейскій, какъ бы сообщившій своимъ подданнымъ духъ мужества, утраченный Латинцами, съ каждымъ днемъ, дѣлался предпріимчивѣе и смѣлѣе. Флотъ его овладѣлъ всѣми островами вдоль Азіятскаго берега: только попытка подать помощь Грекамъ, возмутившимся въ Кандіи противъ Венеціянскаго владычества и изъявившимъ готовность покориться ему, была неудачна какъ теперь, такъ и повторенная впослѣдствіи. Венеція владычествовала тогда на морѣ; и потому удержала большую часть островов, отдаленныхъ отъ твердой земли. Между тѣмъ Ватацесъ нашелъ новую опору для своихъ предпріятій въ оборонительномъ и

---

[1] Greg. IX, l. VI, ep. 3.

[2] Raynaldi Ann. Eccl. ad. ann. 1233; Matth. Paris (см. Du Cange, l. 3, Ch. 18).

[3] G. Acrop. C. 28—30.

[4] Тамъ же и Alberici chr. ad. ann. 1233.

наступательномъ союзѣ, заключенномъ имъ съ царемъ Булгарскимъ: прямою цѣлью этого союза было изгнаніе Латинцевъ съ береговъ Босфора. Галлиполи, принадлежавшій Венеціянцамъ, не смотря на упорное сопротивленіе гарнизона, былъ принужденъ сдаться побѣдоносному императору Никейскому, перешедшему съ войскомъ своимъ въ Европу [1]. По заключеніи брачнаго союза между 11 лѣтнимъ Ѳеодоромъ, сыномъ Ватацеса, и 10 лѣтнею Еленою, дочерью Асѣна, нѣкогда назначенною въ невѣсты Балдуину II, оба союзные государя, съ двухъ сторонъ, устремились на области Ѳракійскія [2]. Ватацесъ, въ короткое время, покорилъ Сестосъ, Кардію и весь Херсонесъ; опустошилъ страну отъ Геллеспонта до Марицы, и отдѣльные отряды его простирали свои набѣги до Цурула. Асѣнъ, соединившійся съ Половцами, опустошилъ всю сѣверную Ѳракію до Балканскихъ горъ. Наконецъ, отягченные добычею, оба союзника, въ томъ же 1235-мъ году, соединили свои силы, чтобъ осадить Константинополь.

Греческіе писатели умалчиваютъ объ этой осадѣ [3], которая, если вѣрить сказаніямъ западныхъ лѣтописцевъ, кончилась гибелью большей части войска союзниковъ; послѣдніе [4], напротивъ того, разсказываютъ невѣроятныя обстоятельства, преувеличивая геройскіе подвиги своихъ соотечественниковъ, и скрывая даже помощь, поданную Венеціянцами. Іоаннъ Бріеннскій и сподвижники его, въ описаніяхъ ихъ, не уступаютъ въ мужествѣ Готфриду Бульонскому и витязямъ перваго крестоваго похода; стихотворцы уподобляютъ вѣнценоснаго героя Гектору, Роланду, Іудѣ Маккавею [5]. Подкрѣпленіе, съ просьбою о которомъ онъ, при первомъ

---

[1] Greg IX, l. 9. Ep. 313.

[2] G. Acrop. C. 33. и Nic. Greg. l. 2, C. 3.

[3] G. Acrop. (C. 33) разсказываетъ только, что союзники доходили до самыхъ стѣнъ Константинополя и навели ужасъ на Латинцевъ, но, при наступленіи зимы, оба возвратились въ свои владѣнія.

[4] Alberici chron. ad ann. 1235; Phil. Mouskes, p. 224 etc.

[5] Phil. Mouskes, p. 224:

N' Aie, Ector, Roll', ne Ogiers,
Ne Iudas Machabeus li fiers,
Tant ne fist d'armes en eslor,
Com fist li Rois Iehans cel jor.

извѣстіи о наступательныхъ движеніяхъ союзниковъ, обратился къ папѣ и Венеціянцамъ, не могло еще прибыть; князь Ахайскій и другіе вассалы также не явились съ войсками своими; и между тѣмъ, когда стотысячное войско съ суши и значительный флотъ Ватацеса съ моря осадили городъ — Іоаннъ Бріеннскій, съ 160 рыцарями, ихъ оруженосцами и немногими всадниками, выступилъ изъ него [1], ударилъ на несмѣтныя полчища враговъ, и обратилъ ихъ въ бѣгство, положивъ бо́льшую часть на мѣстѣ. Тѣ же писатели приписываютъ взятіе 24-хъ непріятельскихъ кораблей пѣхотѣ, остававшейся въ городѣ, между тѣмъ какъ, по извѣстіямъ болѣе достовѣрнымъ [2], во время осады, прибыли 25 Венеціянскихъ галеръ подъ предводительствомъ Леонардо Квирини и Марко Гуссони, напали на Никейскій флотъ, и истребили значительную часть его. Въ циркулярномъ посланіи папы къ королю Венгерскому и другимъ государямъ [3] не менѣе преувеличена потеря союзниковъ, которая не могла быть значительною, какъ видно изъ дальнѣйшаго хода событій: оба не только удержали всѣ мѣста, завоеванныя ими до осады, но вскорѣ опять приступили къ Константинополю съ новыми войсками и новымъ флотомъ. Разсказъ объ этой второй осадѣ правдоподобнѣе, не имѣя ничего общаго съ миѳическимъ характеромъ первой. Іоаннъ Бріеннскій все еще не получилъ подкрѣпленія, о которомъ просилъ папу и, чрезъ него, Белу IV, короля Венгерскаго. Городъ уже былъ окруженъ врагами, когда наконецъ прибылъ небольшой флотъ, подъ начальствомъ Готфрида II Вильгардуена, князя Ахайскаго. Онъ проложилъ себѣ путь чрезъ ряды непріятельскихъ кораблей; по примѣру его устремились на нихъ Венеціянцы, предводимые

---

[1] «I tremble to relate», гов. Гиббонъ (гл. 61), «that instead of defending the city, the hero made a sally at the head of his cavalry, and that of forty eight squadrons of the enemy, no more than three escaped from the edge of his invincible sword.»

[2] Vite de' duchi di Ven. auct. Mar. Sanuto (Mur. 22, p. 550); Sabell. Decad I, l 9.

[3] Greg. IX, l. 9, ep. 313: Nam idem imperator.... centum et sexaginta tantum militibus sociatis, contra dictos Graecos, cum quadraginta et octo aciebus procedentes ad certamen, aggrediens adversus eos, triumphum obtinuit et ipsorum alios ensi devorandos exposuit, alios, solis tribus aciebus fuga praesidio liberatis, carceri mancipavit etc.

своимъ бальи, Іоанномъ Микіели, и, вслѣдъ за ними, купеческія суда Генуэзцевъ и Пизанцевъ, бывшихъ тогда въ Константинополѣ. Греческіе и Булгарскіе корабли, большею частью, были уничтожены или захвачены побѣдителями; и союзные государи снова со стыдомъ отступили [1].

Можно однако думать, что и вторая осада не кончилась слишкомъ несчастнымъ образомъ для осаждавшихъ: по крайней мѣрѣ, блестящія побѣды Франковъ, если разсказъ о нихъ и имѣетъ основаніемъ историческую истину, едва ли не были гибельнѣе для самихъ побѣдителей, нежели для союзниковъ, истощивъ ихъ послѣднія силы, и уменьшивъ число защитниковъ столицы. Жалкое состояніе Латинской имперіи, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе обнаруживалось [2]. Франки Константинопольскіе, при отсутствіи промышленной дѣятельности (торговля, которою она ограничивалась, была въ рукахъ Венеціянцевъ), должны были впасть въ нищету. Частые набѣги враговъ, отрѣзывая подвозъ самыхъ необходимыхъ предметовъ продовольствія, производили голодъ; и тогда и немногіе воины Латинскаго императора толпами переходили на службу къ государю Никейскому. Самъ патріархъ, лишенный достаточнаго содержанія, въ это время, уже былъ принужденъ просить папу о пособіи; и послѣдній увѣщевалъ епископовъ Морейскихъ удѣлять для него часть своихъ доходовъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, Іоаннъ Бріеннскій отправилъ нареченнаго зятя и наслѣдника своего на Западъ просить помощи у папы и государей Христіанскихъ [3]. Сопровождаемый Іоанномъ Бетюнскимъ, Бал-

---

[1] Alberici Chron. ad ann. 1236: «iste Gaufridus cum 120 navibus seu vasis bellicis succursum prestitit obsessis etc»; также Phil. Mouskes стр. 224. О дѣйствіяхъ Венеціянцевъ: Danduli chron. (Mur. XII, p. 352) и Mar. Sanuto vite de' duchi di Ven. p. 560.

[2] См: M. Sanuti dicti Torselli L. Secr. Fid. Cr. l. II, p. 4, c. 18, и особенно письма Григорія IX.

[3] Phil. Mouskes (стр. 224), рѣзкими чертами, описываетъ эти унизительныя просьбы и бѣдственное состояніе имперіи:

.... à Rome l'enfant envoiast,
Et le Pape merci criast,
Grigoris pour soucors avoir;
Quar il n'eust force ne pooir
D'i estre contre ses anemis.

дуинъ, посѣтилъ Римъ, возбудилъ въ Григоріи IX живое участіе къ судьбѣ своей и бѣдствіямъ имперіи, и отправился во Францію, куда, кромѣ порученія тестя, призывало его желаніе возвратить родовыя владѣнія, присвоенныя ближайшими родственниками. Если и здѣсь ожидалъ его радушный пріемъ при Дворѣ Людовика IX и его матери, впослѣдствіи такъ много способствовавшихъ достиженію имъ цѣли путешествія, то, между тѣмъ, папа уже принялъ зависѣвшія отъ него мѣры для поддержанія Латинскаго господства: велѣлъ проповѣдывать, въ пользу Константинополя, новый крестовый походъ со всѣми обычными льготами и преимуществами для участвующихъ въ ополченіи, и, вступивъ въ переписку съ Ватацесомъ, старался склонить его къ миролюбію [1]. Многіе бароны и рыцари приняли крестъ, и, на слѣдующій годъ, готовились къ отъѣзду — какъ вдругъ извѣстіе о кончинѣ Іоанна Бріеннскаго прервало приготовленія витязей, лишившихся надежды служить подъ знаменами маститаго героя, который все еще привлекалъ храбрыхъ воспоминаніемъ о минувшей славѣ.

Не столько старость, сколько затруднительное положеніе государства, какъ бремя, уже бывшее не подъ силу 89-лѣтнему герою, прекратило дни того, кто, рожденный простымъ рыцаремъ, носилъ двѣ короны, королевскую и императорскую, былъ затемъ двухъ королей, тестемъ двухъ императоровъ [2]. Смерть его нанесла новый ударъ Латинскому владычеству въ Греціи. Хотя онъ и не отличался въ Константинополѣ дѣятельностью, хотя скупость, въ которой обвиняютъ его современники [3], и лишала имперію многихъ защитниковъ: но прежняя слава этого вѣнценосца все еще какъ бы прикрывала ея бѣдственное положеніе, все еще придавала какой-то наружный блескъ трону, угрожавшему паденіемъ.

---

[1] Greg. IX, l. X, epist. 282, 293, 294 etc.

[2] О смерти I. Бріеннскаго см. Du Cange: H. de C. l. III, ch. 25.

[3] Phil. Mouskes: «s'avarisse ne l'euist pris.»

ГЛАВА X.

ЦАРСТВОВАНІЕ БАЛДУИНА II.

Отъ 1237 — 1261 года.

Согласно съ постановленіемъ договора, заключеннаго между баронами Константинопольскими и Іоанномъ Бріеннскимъ, законный наслѣдникъ имперіи долженъ былъ теперь вступить во всѣ права свои: но если затруднительное положеніе государства было не по плечу старцу, проведшему всю жизнь среди опасностей, посѣдѣвшему на полѣ ратномъ, то не должно ли оно было превосходить силы юноши, который никогда не обнаруживалъ ни твердости характера, ни воинскихъ дарованій, ни мудрости въ дѣлахъ внутренняго управленія? Съ достиженіемъ лѣтъ болѣе зрѣлыхъ приобрѣтается опытность: но Балдуинъ II, казалось, приобрѣлъ ее только въ искусствѣ собирать милостыню для поддержанія жалкихъ остатковъ Латинскаго владычества на Востокѣ. Проводя бо̀льшую часть жизни въ путешествіяхъ по Европѣ, вымаливая, именемъ своихъ несчастій, вспомоществованіе войсками или деньгами у государей западныхъ, онъ являлся истиннымъ нищимъ на престолѣ [1]. Современныя хроники наполнены разсказами объ этихъ похожденіяхъ, унизительныхъ

[1] «The royal youth, говоритъ Гиббонъ, was employed on a commission more suitable to his temper; he was sent to visit the western courts, to excite their pity.... he thrice repeated these mendicant visits.»

для его достоинства [1]. И между тѣмъ, если жалобы, которыми онъ оглашалъ Дворы королей и ихъ вассаловъ, иногда и доставляли ему денежныя пособія и собирали дружины крестоносцевъ вокругъ него: то, въ замѣнъ первыхъ, нищенствующій вѣнценосецъ нерѣдко самъ жертвовалъ священнѣйшими предметами, хранившимися въ Константинополѣ; вторыя, дѣйствуя только, пока получали обѣщанную плату, съ истощеніемъ собранныхъ денегъ, оставляли неискуснаго предводителя, не умѣвшаго пользоваться и вспомоществованіями, купленными такъ дорого.

Послѣ кончины Іоанна Бріеннскаго, во все продолженіе перваго путешествія Балдуина II по Западной Европѣ, управлялъ Латинскою имперіею бальи Ансо де-Кайё., который происходилъ изъ знатной фамиліи въ Пикардіи и былъ женатъ на Евдокіи, дочери Ласкариса [2]. Но жалко было, въ это время, положеніе Константинополя, со всѣхъ сторонъ тѣснимаго врагами. Гарнизонъ, оставленный Ватацесомъ въ Цурулѣ, являлся иногда предъ стѣнами столицы, между тѣмъ какъ вся Ѳракія и самые берега Гебра находились во власти царя Булгарскаго. Война давно изгнала земледѣліе изъ ближайшихъ окрестностей, и Латинцы переносили почти всѣ бѣдствія, сопряженныя съ осадою: надежды ихъ были обращены только къ будущему подкрѣпленію съ Запада. Къ счастію непостоянство Асѣна и положеніе его государства, которое нѣкогда зависѣло отъ Византіи и для котораго усиленіе Никейскихъ императоровъ казалось опаснымъ, съ одной стороны; хитрые переговоры Ансо де-Кайё и, можетъ быть, убѣжденія собственной супруги, племянницы Балдуина II, съ другой, расторгли на время не только политическій, но и родственный союзъ между Ватацесомъ и царемъ Булгарскимъ [3]. Послѣдній хитростью возвратилъ себѣ дочь, нареченную супругу наслѣдника Никейскаго; и, чтобъ сблизиться съ Франками, изъявилъ готовность снова подчинить Бул-

---

[1] Matth. Paris, Guil. de Nangis, Ioinville, Albericus, Chron. Autissiodorense etc. «How often was the vagrant, the royal beggar humbled with scorn, insulted with pity!» (Gibbon).

[2] Du Cange, l. I, Ch. 4.

[3] G. Acrop. C. 34.

гарскую Церковь папскому престолу. Хотя, по-видимому, и увѣренный въ неискренности такого предложенія, Григорій IX поспѣшилъ однако воспользоваться имъ; и, чрезъ легата своего, убѣждалъ царя подать немедленную помощь Латинцамъ противъ Грековъ, ободряя его обѣщаніемъ скораго прибытія сильной арміи съ Запада [1]. Въ самомъ дѣлѣ, многочисленное войско Булгарское, въ союзѣ съ Латинцами Константинопольскими и подкрѣпляемое толпами варварскихъ народовъ, вытѣсненныхъ Монголами съ береговъ Каспійскаго и Чернаго морей, осадило Цурулъ, мужественно защищаемый Никейскими Греками подъ предводительствомъ искуснаго Тарханіота. Городъ былъ уже доведенъ до опаснаго положенія—какъ вдругъ неожиданное извѣстіе о кончинѣ супруги, сына и епископа Терновскаго прервало дѣятельность Асѣна, и заставило его снять осаду и отступить въ Булгарію [2]. Приписывая такое несчастіе гнѣву Божію за насильственное расторженіе союза, уже освященнаго благословеніемъ Церкви, онъ вскорѣ примирился съ Ватацесомъ, возвратилъ дочь свою въ Никею, и пересталъ думать о мнимомъ соединеніи съ Западною Церковью.

Въ такомъ положеніи находились дѣла на Востокѣ въ то время, когда Балдуинъ II объѣзжалъ Западъ—и не безъ успѣха. Многіе члены феодальной аристократіи Французской, въ томъ числѣ графы Бретанскій и Барскій, приняли крестъ съ цѣлью поддержанія завоеванія своихъ отцевъ [3]; Генрихъ III, король Англійскій, подарилъ Балдуину 700 марокъ серебра [4]. Несравненно болѣе сдѣлали для Константинополя Людовикъ IX и самъ папа: первый обратилъ въ пользу его суммы, конфискованныя у Евреевъ, чтобъ, употребленіемъ на святое дѣло, очистить плодъ постыдныхъ ростовъ; второй, содѣйствуя посланіями своими такому расположенію свѣтскихъ государей, съ своей стороны, опредѣлилъ на издержки предстоявшаго похода разныя

---

[1] Greg. IX, l. 11, ep. 96, 97 etc.

[2] G. Acrop. C. 36.

[3] Greg. IX Epist. l. 11 et 12.

[4] Matth. Paris разсказываетъ о пребываніи Балдуина въ Англіи и объ оскорбительномъ выговорѣ, сдѣланномъ ему Генрихомъ III за вступленіе въ его владѣнія безъ особаго дозволенія: но Балдуину было не до того—и онъ, говоритъ Гиббонъ, «thankfully departed with a present of seven hundred marks.»

суммы, отчасти принадлежавшія къ церковнымъ доходамъ, отчасти собранныя для Палестины [1]. Въ то же время, по смерти супруги царя Булгарскаго, папа старался побудить къ войнѣ съ нимъ брата покойной, Белу IV [2]: отреченіе Балдуина отъ правъ на Булгарію и предоставленіе ихъ Римскимъ первосвященникомъ королю Венгерскому, въ вознагражденіе за будущія издержки, побѣдили нерѣшительность Белы, бывшаго въ родственныхъ связяхъ и съ самимъ Ватацесомъ. Однако всѣ переговоры и приготовленія къ войнѣ, кажется, имѣли слѣдствіемъ только утвержденіе мирныхъ отношеній Асѣна къ Венгріи и прерваніе дѣятельнаго, со стороны его, участія въ предпріятіяхъ Ватацеса [3].

Подъ предводительствомъ Іоанна Бетюнскаго отправилось первое подкрѣпленіе въ Константинополь, и—встрѣтило неожиданное препятствіе во враждебныхъ отношеніяхъ Фридриха II къ Григорію IX. Великій Гогенштауфенъ велъ съ главою Церкви борьбу физическую и нравственную: безжалостно раскрывая, предъ взорами далеко отставшихъ отъ него современниковъ, надменность и пороки мнимо-смиреннаго раба рабовъ Божіихъ, не стыдясь именовать его княземъ тьмы и антихристомъ, сѣялъ онъ сѣмя, которое, по выраженію одного историка [4], было принято нѣдрами времени, и принесло обильные плоды въ вѣки позднѣйшіе. Онъ не могъ не радоваться случаю, дозволявшему ему уничтожить одинъ изъ любимыхъ плановъ противника; и, вступивъ въ открытый союзъ съ Ватацесомъ и Асѣномъ, запретилъ своимъ подданнымъ пропускать крестоносцевъ въ Константинополь и Палестину [5]. Хотя убѣжденія Іоанна Бетюнскаго наконецъ доставили его отряду сво-

---

[1] Greg. IX Epist. l. 11, ep. 351; l. 12, ep. 311.

[2] Тамъ же, l. 11, ep. 373, и цѣлый рядъ писемъ въ книгѣ 12-й; также Epist. Belae apud Rayn.

[3] Du Cange: l. 4, ch. 6.

[4] Лоренца (руководство къ всеобщей исторіи).

[5] Phil. Mouskes, p. 226:

Lors fist defendre les pasages
Par tot, et à fos, et sages,
Si qu'en Gresse ne en Surie
Ne pot aller nulle navie.

бодный пропускъ въ Венецію; но, между тѣмъ, умеръ самъ предводитель, и воины разсѣялись, не достигнувъ цѣли своего назначенія [1]. Вскорѣ поднялось однако главное войско крестоносцевъ подъ предводительствомъ самаго Балдуина. Людовикъ IX [2], довольный уступкою ему драгоцѣннѣйшаго изъ священныхъ памятниковъ, хранившихся въ Византіи — терноваго вѣнца [3], доставилъ ему свободный пропускъ чрезъ владѣнія Фридриха. До 30,000 воиновъ, въ томъ числѣ 700 рыцарей, по показаніямъ западныхъ лѣтописцевъ [4]; до 60,000, по преувеличенному показанію Георгія Акрополита [5], прошли чрезъ Австрію, Венгрію, Булгарію, и благополучно достигли Константинополя, гдѣ Балдуинъ, до сихъ поръ довольствовавшійся титуломъ наслѣдника имперіи, въ Декабрѣ 1239 года, торжественно короновался въ Софійскомъ соборѣ, и принялъ титулъ императора [6].

Можно было ожидать важныхъ слѣдствій отъ прибытія войска многочисленнаго; но, къ несчастію Латинцевъ, они не имѣли ни искуснаго полководца, ни достаточныхъ средствъ для поддержанія военныхъ дѣйствій: потому единственнымъ плодомъ этого ополченія было взятіе Цурула. Франки успѣли привлечь на свою сторону Половцевъ; заключили съ ними союзъ, по варварскому обычаю (о которомъ съ негодованіемъ упоминаютъ современные историки) скрѣпленный кровью обѣихъ сторонъ и браками дочерей ханскихъ съ Французскими рыцарями [7]. Вмѣстѣ съ новыми союзниками, осадили они городъ; который былъ принужденъ сдаться, не смотря на упор-

---

1 Phil. Mouskes.

2 Г. Акрополитъ не даромъ называетъ Людовика «ἄγαν τε Ῥωμαίοις ἐχθρόν.»

3 Вѣнецъ этотъ, за 13,134 перперы, былъ отданъ въ залогъ Венеціянцамъ: Людовикъ Святой уплатилъ всю сумму; подарилъ Балдуину еще 10,000 марокъ серебра, и съ торжествомъ принялъ святыню въ свою столицу. (См. Nangis in Ludovico, Alberici chr. ad ann. 1239 и разсказы многихъ другихъ современныхъ хроникъ).

4 Du Cange: l. IV, ch. 18.

5 Гл. 37. «With an army of thirty thousand soldiers (говоритъ Гиббонъ), whose numbers were doubled in the apprehension of the Greeks.»

6 Du Cange, l. IV, ch. 17; Mar. Sanuti S. Fid. Cr. l. III, p. 11, c. 15.

7 Alberici chr. ad ann. 1241; Joinville hist. de St. Louis.

ное сопротивленіе гарнизона и коменданта Іоанна Петралифа; плѣнные проданы въ рабство въ Константинополѣ. Ватацесъ, не могшій спасти Цурула, въ отмщеніе, обратилъ оружіе противъ немногихъ городовъ, остававшихся за Латинцами по берегу Пропонтиды: флотъ его, вверенный неискусному полководцу, потерпѣлъ пораженіе; но сухопутное войско, предводимое самимъ императоромъ, очистило весь берегъ, за исключеніемъ небольшой крѣпости, отъ чужеземнаго владычества [1]. Наконецъ перевороты въ Ѳессалоникѣ и Булгаріи, долженствовавшіе обратить на себя вниманіе дальновиднаго Ватацеса, побудили его предложить перемиріе Латинцамъ. Послѣдніе, желая избавиться отъ бѣдствій войны, охотно приняли его — и цѣль прибытія многочисленнаго подкрѣпленія была забыта.

Ѳеодоръ Эпирскій, находясь въ плѣну у царя Булгарскаго, пользовался снисходительностью побѣдителя, и жилъ спокойно въ кругу семейства своего. Наконецъ онъ получилъ даже свободу и возможность возвратить прежнія владѣнія, когда Асѣнъ, по смерти Маріи Венгерской, вступилъ въ бракъ съ одною изъ дочерей плѣнника, и, изъ любви къ новой супругѣ, лишилъ зятя Эммануила своего покровительства [2]. Слѣпецъ Ѳеодоръ, переодѣтый нищимъ, пробрался въ Солунъ, нашелъ приверженцевъ, овладѣлъ городомъ и окрестною страною [3]. Сынъ его Іоаннъ вступилъ на престолъ, принявъ титулъ императора, со всѣми внѣшними знаками этого достоинства, между тѣмъ какъ Ѳеодоръ довольствовался опекою надъ сыномъ и сосредоточеніемъ въ своихъ рукахъ всего управленія [4]. Эммануилъ былъ отправленъ въ Малую Азію, и нашелъ средства пробраться ко Двору Ватацеса. Давъ государю Никейскому присягу на вѣрность, получилъ онъ отъ него шесть кораблей и значительную сумму для пріобрѣтенія новыхъ владѣній въ Ѳессаліи, гдѣ братъ его Константинъ, подъ именемъ деспота, уже господствовалъ надъ нѣкоторыми областями. Приверженцы помогли Эммануилу овладѣть Фарсаломъ,

---

[1] G. Acrop. C. 37.

[2] Тамъ же, C. 38. [3] Тамъ же.

[4] Предоставленіемъ престола сыну, Ѳеодоръ надѣялся примирить всѣ партіи; и между тѣмъ самъ, какъ неограниченный повелитель, управлялъ, отъ имени его, всѣмъ государствомъ. (См. G. Acrop. c. 38 etc.)

Лариссою, Платамономъ. Онъ примирился съ братьями, и утвердился въ этой странѣ, которая однако, послѣ смерти его, послѣдовавшей вскорѣ, перешла во владѣніе его племянника Михаила Ангела Комнена, побочнаго сына Михаила I, основателя деспотства Эпирскаго [1]. Между тѣмъ не стало и виновника такихъ переворотовъ: въ 1241 году умеръ царь Булгарскій Іоаннъ Асѣнъ, и престолъ наслѣдовалъ малолѣтній сынъ его Коломанъ, рожденный отъ Венгерской принцессы [2].

Этими обстоятельствами поспѣшилъ воспользоваться Ватацесъ для распространенія своего владычества въ Европѣ. Заключивъ перемиріе съ Латинцами, и вступивъ въ дружественныя сношенія съ королемъ Венгерскимъ, котораго старался убаюкать переговорами о мнимомъ соединеніи Церквей, онъ, прежде всего, обратился противъ государства Солунскаго. Обманутый Ѳеодоръ прибылъ въ Никею для мнимыхъ переговоровъ, касавшихся общаго интереса [3]; былъ принятъ съ наружными знаками дружбы — и задержанъ, чтобъ лишить неопытнаго Іоанна руководителя, умудреннаго многолѣтнею опытностью. Между тѣмъ Ватацесъ переправился въ Македонію, привлекъ на свою сторону Половцевъ, овладѣлъ всѣми мѣстами, чрезъ которыя проходилъ, и осадилъ самую Ѳессалонику. Іоаннъ успѣлъ однако принять необходимыя мѣры для обороны, и Никейское войско, по странной непредусмотрительности вѣнценоснаго вождя, не имѣло осадныхъ орудій [4]. Успѣхъ казался сомнительнымъ, когда неожиданное извѣстіе, полученное Ватацесомъ отъ сына о вторженіи въ Малую Азію Монголовъ и побѣдѣ ихъ надъ султаномъ Иконійскимъ, еще болѣе заставило его помышлять о средствахъ, чтобъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, снять безполезную осаду [5]. Онъ призвалъ изъ Никеи слѣпца Ѳеодора, не знавшаго ничего о новыхъ событіяхъ; предложилъ ему миръ и спокойное обладаніе Солунскимъ государствомъ съ тѣмъ, чтобъ сынъ

---

[1] G. Acrop. C. 39.

[2] «Каломанъ краль тако отъ матери Унгаркини рожденный, Унгарскихъ королей именемъ названъ» (Исторія Рамча, стр. 291).

[3] G. Acrop. C. 40.

[4] Тамъ же: «ἐλεπόλεις μεν καὶ μηχανήματα οὐκ ἦν αὐτῷ etc.»

[5] G. Acrop. C. 40.

его, вмѣстѣ съ нимъ, отказался отъ императорскаго титула, какъ незаконно присвоеннаго ими и исключительно принадлежащаго владѣтелямъ Никейскимъ. Убѣжденія и угрозы подѣйствовали: Іоаннъ сложилъ внѣшніе знаки императорскаго достоинства, и, давъ Ватацесу присягу на вѣрность, довольствовался, подобно отцу, титуломъ деспота [1].

Балдуинъ II, встревоженный такими успѣхами владѣтеля Никейскаго, лишенный имъ и помощи Половцевъ, искалъ опоры въ союзѣ съ разбитымъ Монголами султаномъ Иконійскимъ; и, по желанію его, соглашался, для сомнительныхъ выгодъ государственныхъ, увеличить число плѣнницъ Иконійскаго гарема одною изъ ближайшихъ родственницъ своихъ [2]. Но бдительный Ватацесъ поспѣшилъ расторгнуть союзъ, хотя и не могшій имѣть важныхъ слѣдствій, убѣдивъ султана прервать переговоры съ Латинцами и предпочесть союзъ съ нимъ, какъ съ ближайшимъ и сильнѣйшимъ сосѣдомъ. Однако подобныя отношенія не могли бъ отвратить для Малой Азіи опасности со стороны Монголовъ, если бъ преемникъ Гіасъ-Эддина не успѣлъ умилостивить ихъ покорностью и данью [3].

Между тѣмъ казна въ Константинополѣ давно истощилась. Ни скудное подаяніе Запада, ни суммы, занятыя Балдуиномъ у разныхъ лицъ, отчасти подъ залогъ родовыхъ владѣній его Дома, не могли пополнить ея. Остальные защитники, какъ и прежде, толпами переходили къ государю Никейскому, умѣвшему привлекать ихъ большимъ жалованьемъ. Наконецъ и срокъ перемирію, заключенному съ послѣднимъ, вышелъ: Балдуинъ поспѣшилъ въ Италію умолять папу о вспомоществованіи, не могшемъ спасти умирающей имперіи, не смотря на дѣятельное участіе, которое и новый первосвященникъ Иннокентій IV принималъ въ судьбѣ ея. Подобно предшественникамъ своимъ, назначилъ онъ, для поддержанія Ла-

---

[1] G. Acrop. C. 40: «καταλιπὼν δεσπότην τὸν βασιλέα καὶ ὑποχείριον, ὅρκοις συνδήσας τοῖς εἰωθόσι.»

[2] Du Cange, l. IV, ch. 29. Балдуинъ писалъ къ матери Людовика IX, и просилъ ее уговорить сестру свою Елисавету прислать одну изъ ея дочерей.

[3] G. Acrop. C. 41; Fallmerayer, Gesch. d. K. v. Trap. 7=tes Cap.

тинскаго владычества въ Константинополѣ, часть церковныхъ доходовъ и другихъ сборовъ; возобновилъ дозволеніе, данное Гонорiемъ III князю Ахайскому, взимать подати съ церковныхъ земель съ тѣмъ, чтобъ онъ содержалъ сто рыцарей въ полномъ вооруженіи на защиту столицы; назначилъ патріарха Константинопольскаго своимъ легатомъ, и заботился объ обезпеченіи содержанія этого прелата, лишившагося, какъ мы видѣли, почти всѣхъ доходовъ [1]. Чтобъ дать мѣрамъ, принимаемымъ папою для поддержанія его имперіи, еще большее развитіе, Балдуинъ, вмѣстѣ съ Раймундомъ, графомъ Тулузскимъ, старался примирить его съ Фридрихомъ II: но миръ кратковременный, неестественный между двумя соперниками, боровшимися на жизнь и смерть, былъ ужаснымъ образомъ нарушенъ проклятіемъ, произнесеннымъ надъ главою Фридриха на Соборѣ Ліонскомъ, гдѣ присутствовалъ и Балдуинъ, и гдѣ, между прочимъ, вмѣненъ императору Германскому въ преступленіе брачный союзъ его побочной дочери Анны (сестры Манфреда) съ иновѣрнымъ Ватацесомъ. Тѣмъ же Соборомъ были возобновлены прежнія или объявлены новыя льготы и преимущества для ополчающихся на защиту Латинскаго владычества въ Греціи, хотя и безъ желанныхъ слѣдствій [2]. Еще два года (1245-й и 1246-й) провелъ Балдуинъ на Западѣ, большею частью при Дворѣ короля Французскаго, поддерживая единственными сокровищами, которыми еще могъ располагать — мощами и другими священными предметами, расположеніе и щедрость Людовика и его матери [3]. И между тѣмъ, какъ онъ искалъ помощи безполезной, судьба дозволила владѣтелю Никейскому распространить свои завоеванія во Ѳракіи, покорить государство Солунское и еще болѣе стѣснить Латинцевъ.

Коломанъ, царь Булгарскій, умеръ, не достигнувъ совершеннолѣтняго возраста [4]. Пользуясь малолѣтствомъ брата его Михаила, Ватацесъ перешелъ въ Европу, осадилъ Сересъ, и принудилъ къ сдачѣ малодушнаго коменданта Булгарскаго

---

[1] Raynaldi Ann. Eccl. ad ann. 1244 etc.
[2] Тамъ же ad ann. 1245, и Matth. Paris.
[3] Alberici chron. и Guil. de Nangis.
[4] G. Acrop. C. 43.

Драготаса; вслѣдъ за тѣмъ, жители Меленика отворили ему ворота, и покорились всѣ города около Родопскихъ горъ и по теченію Марицы [1]. Булгары были рады, когда побѣдитель согласился заключить договоръ, по которому, удержавъ занятыя мѣста, отказался отъ дальнѣйшихъ завоеваній. Другое предпріятіе потребовало его дѣятельности. Преждевременная смерть прекратила жизнь юнаго Іоанна, деспота Солунскаго, благоразумнаго, добродѣтельнаго и пользовавшагося общею любовью [2]; братъ его Димитрій, наслѣдовавшій ему и отличавшійся противоположными свойствами, гнуснымъ развратомъ и нарушеніемъ правъ гражданъ, возбудилъ общее негодованіе. Знатнѣйшіе вельможи составили заговоръ; и предложили Ватацесу, какъ верховному государю, принять ихъ городъ въ непосредственное владѣніе. Получивъ отъ него клятвенное обѣщаніе относительно возобновленія древнихъ преимуществъ и вольностей Ѳессалоники, они, по прибытіи его съ войскомъ, отворили ворота: Димитрій, не хотѣвшій явиться въ станъ императора Никейскаго для изъявленія покорности, былъ заключенъ въ одной изъ крѣпостей Азіятскихъ [3]. Намѣстникомъ Солунскимъ и всѣхъ владѣній Ватацеса въ Европѣ былъ назначенъ великій доместикъ Андроникъ Палеологъ, сынъ зятя Ласкарисова; и ему подчинены мѣстные правители, въ томъ числѣ и сынъ его Михаилъ Палеологъ, получившій въ управленіе часть Ѳракійскихъ городовъ.

Этими завоеваніями государство Ватацеса увеличилось почти вдвое; только въ западныхъ областяхъ бывшей Греческой имперіи существовали самостоятельныя владѣнія. Кромѣ владѣній Франковъ и Венеціянцевъ и горныхъ округовъ Ѳессаліи и Эпира, гдѣ обитали независимые народцы Греческаго или Славянскаго происхожденія, еще пользовались здѣсь независимостью слѣпецъ Ѳеодоръ, уступившій сыновьямъ своимъ, Іоанну и Димитрію, Ѳессалонику и удержавшій для себя разные города съ титуломъ деспота, и Михаилъ Ангелъ Комненъ, также владѣвшій частью Ѳессаліи. Но оба признавали верховную власть Императора Никейскаго, который смотрѣлъ на нихъ,

---

[1] G. Acrop. C. 44.
[2] Тамъ же, гл. 42.
[3] Тамъ же, гл. 45 и 46.

какъ на вассаловъ своихъ, и оставилъ на время въ покоѣ только потому, что снова обратилъ свое оружіе противъ Латинцевъ, стремясь къ совершенному изгнанію ихъ съ береговъ Босфора. Въ 1247 году осадилъ онъ Цурулъ, одинъ изъ главныхъ спорныхъ пунктовъ между Греками и Латинцами и важнѣйшее, по своему положенію, мѣсто на пути изъ Константинополя во Ѳракію. Городъ, въ спасеніи котораго отчаялся и Ансо де-Кайе, сдался; примѣру его послѣдовала Визія [1].

Въ слѣдующемъ году возвратился въ Константинополь Балдуинъ II, и на этотъ разъ—безъ подкрѣпленія, кажется, и безъ значительнаго денежнаго вспомоществованія. Подобно ему, не могла доставить средствъ къ поддержанію Латинскаго владычества и супруга его, вскорѣ по его пріѣздѣ, отправившаяся на Западъ. На островѣ Кипрѣ посѣтила она Людовика IX, и удивила спутниковъ его своею нищетою [2]. Но казна королевская была истощена издержками на крестовый походъ; и единственное дѣйствіе Людовика на Востокѣ, въ которомъ обнаруживалась заботливость его о судьбѣ Константинополя, состояло въ совѣтѣ, данномъ имъ Эммануилу I, императору Трапезунтскому. Послѣдній изъявилъ желаніе вступить въ бракъ съ одною изъ дочерей короля: Людовикъ, какъ мы видѣли, присовѣтовалъ ему обратиться съ такимъ предложеніемъ къ родственнику своему, императору Константинопольскому съ тою цѣлью, говоритъ Жуанвиль [3], чтобъ доставить Латинцамъ, въ этомъ сильномъ и богатомъ владѣтелѣ, опору противъ Ватацеса — совѣтъ безполезный и не имѣвшій дальнѣйшихъ послѣдствій. Государь Никейскій, между тѣмъ, отразилъ отрядъ Латинцевъ, вторгнувшійся въ Виѳинію, и уничтожилъ попытку Генуэзцевъ овладѣть островомъ Родосомъ, не смотря на помощь, которую подали имъ плывшіе въ Палестину Вильгельмъ Вильгардуенъ, князь Ахайскій, и Гуго, герцогъ Бургундскій [4].

---

[1] G. Acrop. C. 47.

[2] Жуанвиль говоритъ, что весь гардеробъ ея заключался въ «une chappe dont elle était vêtue et un sarcot à changer.»

[3] H. de St. Louis: см. выше.

[4] G. Acrop. C. 48. О присоединеніи Вильг. Вильгардуена къ войску Людовика IX см. также G. de Nangis и Ioinville: H. de St. Louis.

Вскорѣ самъ Балдуинъ снова отправился на Западъ умолять о помощи и собирать подаяніе. Не взирая на ничтожность результата такихъ путешествій (который и теперь ограничивался тѣмъ, что папа, возведши въ патріархи Константинопольскіе Венеціянца Юстиніани, поручилъ ему побудить своихъ соотечественниковъ къ дѣятельной защитѣ Константинополя)[1], Ватацесъ принялъ однако мѣры къ отвращенію опасности, казавшейся ему возможною. Онъ снова вступилъ, сперва при посредничествѣ миноритовъ, пріѣзжавшихъ въ Азію, потомъ чрезъ двухъ Греческихъ епископовъ, отправленныхъ въ Римъ, въ переговоры съ папою о несбыточномъ соединеніи обѣихъ Церквей: переговоры, о которыхъ Дю-Канжъ такъ неосновательно говоритъ, что они могли бъ повести къ желанной цѣли, если бъ не встрѣтились внѣшнія препятствія[2], между тѣмъ какъ изъ самаго хода дѣла ясно видно, что Греческій императоръ, какъ и всегда, имѣлъ въ виду только цѣль политическую[3].

Послѣднимъ предпріятіемъ этого государя, великаго въ дѣлахъ войны и мира, достойнаго уваженія и потому, что онъ, сознавая свои слабости, не мстилъ обличавшимъ его въ нихъ[4], было усмиреніе деспота Михаила, который владѣлъ значительною частью Ѳессаліи, и, по проискамъ слѣпца Ѳеодора, обратилъ оружіе противъ городовъ, со времени завоеванія Ѳессалоники, принадлежавшихъ Никейскому императору. Михаилъ былъ принужденъ уступить не только часть Ѳессаліи, но и нѣкоторыя мѣста въ Албаніи; слѣпецъ Ѳеодоръ кончилъ жизнь въ заключеніи[5]. Только смерть, въ 1255 году, положила предѣлъ многосторонней дѣятельности Іоанна Ватацеса, завѣщавшаго дальнѣйшее выполненіе своихъ великихъ намѣреній сыну и преемнику Ѳеодору II Ласкарису[6]. Новый императоръ, хотя и уступавшій въ дарованіяхъ роди-

---

[1] Alex. IV Ep: l. 2, ep. 162 etc.

[2] «Et sans doute l'on auroit pu esperer deslors un succès heureux de ces conferences, si les Ambassadeurs.... n'eussent esté detroussez et obligez de retourner en Asie pour la difficulté des chemins (l. V, Ch. 1).

[3] Leo Allatii: de Eccl. Orient. et Occid. perp. Cons. l. 2, C. 14.

[4] Доказательствомъ служитъ отвѣтъ, данный имъ тѣмъ, которые требовали наказанія смѣлаго инока Никифора Блеммида. См. Nic. Greg. l. II, C. 7.

[5] G. Acrop. C. 49 et Nic. Greg. l. 2, C. 8.

[6] G. Acrop.C. 53.

телю своему, не только поддержалъ, въ продолженіе кратковременнаго царствованія, могущество Никейскаго государства, но и доставилъ, счастливою войною съ Булгарами, большую прочность своимъ владѣніямъ во Ѳракіи. Младшій сынъ Асѣна, Михаилъ, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, хотѣлъ возвратить Ѳракійскіе города, завоеванные Ватацесомъ, и, въ короткое время, покорилъ всѣ, кромѣ Сереса и Меленика: но первый походъ Ѳеодора Ласкариса въ Европу снова лишилъ его этихъ завоеваній; второй отнялъ и надежду на возможность продолжать войну, и принудилъ къ заключенію мира, которымъ навсегда утвердилось опасное для Латинцевъ господство Никейскаго государя во всей Ѳракіи [1]. Вскорѣ умерщвленіе Михаила и послѣдовавшіе за нимъ перевороты возвели на Булгарскій престолъ Константина Теха: не имѣя на него правъ по рожденію, онъ поспѣшилъ утвердиться вступленіемъ въ бракъ съ Еленою, дочерью Ѳеодора и внукою по матери Асѣна II, и, такимъ образомъ, возобновилъ прежнія дружественныя отношенія государей Булгарскаго и Никейскаго [2]. Обезпеченный съ этой стороны, послѣдній могъ обратить большее вниманіе на дѣла въ Ѳессаліи. Деспотъ Михаилъ, при вступленіи сына своего въ бракъ съ дочерью Ѳеодора Ласкариса, былъ принужденъ согласиться на уступку Никейскому императору города Дураццо и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ [3]. Но когда Ласкарисъ возвратился въ Азію, оставивъ въ Европѣ только незначительные отряды, Михаилъ отчасти успѣлъ возвратить уступленное. Онъ напалъ на ближайшія владѣнія Никейскія, взялъ Приллапъ и другія мѣста, захватилъ въ плѣнъ Георгія Акрополита, и уничтожилъ сопротивленіе другихъ полководцевъ. Ѳеодоръ Ласкарисъ отправилъ противъ него Михаила Палеолога: однако прежде нежели послѣдній успѣлъ остановить успѣхи деспота, смерть, въ 1259 году, прекратила дни императора, давно страдавшаго неизлѣчимою болѣзнію [4].

Что происходило, между тѣмъ, въ Латинской имперіи? Подъ громкимъ, пышнымъ именемъ имперіи существовалъ только призракъ ея, подразумѣвалась только столица, хотя и обширная и довольно многолюдная: но это многолюдство заклю-

---

[1] G. Acrop. C. 56—63.

[2] Тамъ же, гл. 73 и Nic. Greg. l. III, C. 2; также исторія Ранча стр. 292.

[3] G. Acrop. C. 63. [4] Тамъ же гл. 74 и Pachym. l. I, C. 12.

чалось въ непріязненномъ Греческомъ населеніи, между тѣмъ какъ защитниковъ почти вовсе не было. Не имѣя никакихъ источниковъ доходовъ, лишенная, кромѣ немногихъ необработанныхъ полей, всѣхъ владѣній внѣ стѣнъ, эта столица являлась, въ полномъ значеніи слова, издыхающимъ трупомъ, который ожидалъ только послѣдняго, роковаго удара. Тщетно Балдуинъ и супруга его объѣздили весь Западъ, умоляя государей и ихъ вассаловъ о помощи, безполезной для имперіи, которая страдала неизлѣчимымъ внутреннимъ недугомъ; тщетно заложили и продали они большую часть своихъ наслѣдственныхъ владѣній: и деньги, привозимыя въ Константинополь, и небольшія подкрѣпленія, изрѣдка приходившія, исчезали тамъ, какъ бы въ бездонной пучинѣ, не отвращая общей нищеты, не облегчая общихъ бѣдствій. Все, что могло быть употреблено на монету, было обращено въ нее: Латинцы не пощадили свинцовыхъ кровель дворцовъ и церквей столицы; сломали, при недостаткѣ въ дровахъ, и значительную часть ея домовъ [1]. Неоплатные долги давно тяготѣли надъ императоромъ, и, между тѣмъ, нужды, съ каждымъ днемъ, увеличивались. Не имѣя наконецъ другаго залога, онъ былъ принужденъ, при новомъ займѣ, отдать Венеціянцамъ въ залогъ единственнаго сына своего, Филиппа, котораго они увезли въ Венецію [2]. Вся защита Константинополя лежала на этихъ республиканцахъ: они содержали на свой счетъ небольшой флотъ и войско, охранявшіе его, зная, что, съ существованіемъ слабыхъ остатковъ Латинской имперіи, были сопряжены ихъ собственные интересы, безопасность ихъ владѣній и

---

[1] Mar. Sanuti liber Secr. Fid. Cr. l. II, p. 4, C. 18: «ei (Balduino) solum urbis Constantinopolis moenia remanserunt.... et nonnulla palatia sua plumbo cooperta nobiliter ab antiquo, discooperire, et plumbi vendere cooperturam, et alia plura agere coactus fuit) ut vivere posset, Augustae inconvenientia dignitati. То же у Nic. Greg. l. IV, C. 1, и въ письмахъ Урбана IV къ Генуэзцамъ и Архіепископамъ Реймскому, Буржскому и т. д. (l. II, Ep. 44, 92. 93 etc.)

[2] Во вступленіи въ «Historia in lingua franciosa de la expeditione de' Francesi in Hier. e Const., которое приводитъ Дю-Канжъ на 230 стр. подъ заглавіемъ «Suite de l'hist. de G. Villeh.», сказано: «Ultimus Balduinus Imperator vendidit et distribuit quasi totum quod habebat in Constantinopoli, discooperiendo palatia plumbea et vendendo, ac etiam alia gravamina agendo. Et maxime quia unigenitum filium suum Philippum dedit pro pignore etc.»

обезпеченіе выгодной торговли на Востокѣ [1]. Но если слабая защита Венеціянцевъ не могла отклонить неизбѣжнаго паденія, то тѣмъ болѣе была безполезна попытка папы Александра IV, возобновленіемъ переговоровъ о соединеніи Церквей, ослабить дѣятельность Ѳеодора Ласкариса. Написавъ самъ два разсужденія въ опроверженіе мнѣнія Западной Церкви объ исхожденіи Св. Духа [2], онъ отвергнулъ всякіе переговоры, и не хотѣлъ даже видѣть папскихъ пословъ [3]. Вообще этотъ императоръ имѣлъ характеръ менѣе уклончивый, нежели его предшественники: прямыя и рѣшительныя дѣйствія его опирались на силы государства, уже достигшаго значительной степени могущества. Если между нимъ и Латинцами не было открытой войны, то причинъ этого должно искать въ кратковременности его царствованія и въ войнахъ съ владѣтелями Булгарскимъ и Эпирскимъ. Изъ письма Александра IV видно однако, что Никейскіе отряды, переправлявшіеся изъ Азіи въ Европу, нерѣдко тревожили Латинцевъ, являясь близъ стѣнъ столицы [4]. И между тѣмъ эти повелители Византіи взирали, какъ праздные зрители, на кровавые раздоры туземцевъ; видѣли, какъ враги ихъ отнимали другъ у друга области, нѣкогда завоеванныя первыми Латинскими императорами, и не имѣли ни силъ, ни мужества, чтобъ вмѣшаться въ борьбу. Они, кажется, были довольны, что раздоры враговъ давали имъ возможность насладиться еще нѣсколькими днями спокойствія въ странѣ, которую уже не могли долго называть своею: такъ старецъ, стоящій предъ дверьми гроба, радуется всякому дню, который даритъ ему судьба, и всякимъ лишнимъ дѣйствіемъ страшится ускорить неминуемую развязку.

---

[1] У Mar. Sanuto въ вышеприв. мѣстѣ: «Praedicti vero Veneti, toto dicto tempore quo Imperator idem Balduinus tantae paupertatis et hostilium incursuum pressus jacebat aerumnis, praedictam civitatem, expensis et stipendiis tantum ipsorum propriis, usque ad ipsius perditionem civitatis, tum proprio interesse, cum intuitu hujus amicitiae defensarunt» Въ Hist. de la exped. de' Franc: «Etiam Veneti fuerunt multum gravati in plurimis expensis ad substinendam civitatem Const.»

[2] Spanh. de Script. Christ. XIII saec.

[3] G. Acrop. C. 67; Allatii de Consens. l. II, C. 14.

[4] L. II, Ep. 325.

ГЛАВА XI.

ПАДЕНІЕ ЛАТИНСКОЙ ИМПЕРІИ

въ 1261 году.

Θеодоръ II Ласкарисъ оставилъ малолѣтняго сына Іоанна, и умирая, поручилъ опеку надъ нимъ и управленіе государствомъ любимцу своему протовестіарію Георгію Музалону вмѣстѣ съ патріархомъ Арсеніемъ [1]. Но Музалонъ, ненавидимый вельможами за быстрое возвышеніе, вскорѣ палъ жертвою заговора: его умертвили, въ 9-й день по смерти императора, въ монастырѣ, въ которомъ былъ погребенъ покойный [2]. Михаилъ Палеологъ, бывшій тайною пружиною заговора, и подозрѣваемый уже Ватацесомъ и Θеодоромъ II во властолюбивыхъ замыслахъ, но всегда находившій средства къ оправданію [3], былъ провозглашенъ правителемъ государства и опекуномъ малолѣтняго императора. Успѣвъ приобрѣсти довѣренность благомыслящаго, но недальновиднаго патріарха, и щедростью умножить число своихъ приверженцевъ, онъ быстро возвышался отъ одной степени до другой: былъ вскорѣ

---

[1] Nic. Greg. l. III, C. 3: *Τοῦτον ἐπίτροπον, θνήσκων ὁ βασιλεὺς τῶν βασιλικῶν ἀφῆκε πραγμάτων, ἅμα τῷ Πατριάρχῃ Ἀρσενίῳ.* Также Pachym. l. I, C. 15, G. Acrop. C. 75.

[2] Но не въ день погребенія, какъ ошибочно перевели слова Пахимера и Никифора Григорія: «*τὴν μνήμην ἄγειν* и *τὸ νενομισμένον τελέσουσαι πένθος καὶ τὰ μνημόσυνα*» новѣйшіе историки западные: Ле-Бо, Гиббонъ и т. д. (on the ninth day the obsequies of the deceased monarch were solemnized)—а въ день поминовенія покойнаго.

[3] G. Acrop. C. 50 et 54, 64 et 65; Pachym. l. I, C. 9, 11 etc.

наименованъ деспотомъ, потомъ соимператоромъ юнаго Іоанна и наконецъ коронованъ обманутымъ Патріархомъ въ Никеѣ одинъ, безъ законнаго наслѣдника престола, устраненнаго имъ теперь, ослѣпленнаго впослѣдствіи [1].

Новый императоръ, по необходимости, долженъ былъ прежде всего обратить вниманіе на дѣла въ Ѳессаліи, чтобъ положить предѣлъ властолюбивымъ замысламъ деспота Михаила, который возобновилъ планы смѣлѣйшаго изъ владѣтелей Эпирскихъ — Ѳеодора. Онъ думалъ воспользоваться смертью Ѳеодора Ласкариса, завоевать всѣ Никейскія владѣнія въ Европѣ, и, положивъ конецъ Латинскому господству въ Константинополѣ, утвердиться на императорскомъ престолѣ [2]. Мирныя предложенія Михаила Палеолога были отвергнуты: деспотъ, подкрѣпляемый вспомогательными отрядами зятьевъ своихъ, короля Манфреда и Вильгельма Вильгардуена, вступилъ въ сраженіе съ Никейскимъ войскомъ: но былъ разбитъ братомъ Палеолога, севастократоромъ Іоанномъ, и князь Ахайскій, участвовавшій лично въ этой битвѣ, попался въ плѣнъ [3]. Однако новые успѣхи Михаила уничтожили слѣдствія пораженія, и онъ вскорѣ одержалъ верхъ надъ другимъ Никейскимъ полководцемъ, кесаремъ Алексіемъ Стратегопуломъ. Самое перемиріе, заключенное имъ съ Палеологомъ, не уничтожило непріязненныхъ отношеній къ послѣднему и тогда, когда дѣятельность Никейскаго императора получила другое, болѣе важное направленіе [4].

Балдуинъ II, подобно деспоту Михаилу, думалъ воспользоваться шаткимъ, по его мнѣнію, положеніемъ Палеолога,

---

[1] Справедливо думаетъ Du Cange (l. 3, C. 15), что бѣдствія, постигшія Домъ Палеологовъ, являются какъ бы наказаніемъ за несправедливое и жестокое устраненіе внука Ватацесова; но едва ли было много общаго между избраніемъ въ соимператоры Іоанна Бріеннскаго и Михаила Палеолога. Здѣсь повторился только одинъ изъ тѣхъ болѣе или менѣе кровавыхъ переворотовъ, которыми такъ обильна Византійская исторія.

[2] Pachym. L. I, C. 30; Nic. Greg. L. IV, C. 5.

[3] G. Acrop. C. 81; Pach. L. I, C. 31; Georg. Phrantzes, L. I, C. 4; chron. de Morée, p. 117 и т. д.

[4] G. Acrop. C. 82.

отнявшаго корону у законнаго наслѣдника [1]. Какъ бы скрывая слабость свою, отправилъ онъ къ нему пословъ, и изъявлялъ готовность признать его императоромъ Азіи, если онъ возвратитъ Латинцамъ Ѳессалонику и всѣ завоеванія свои въ Македоніи и Ѳракіи [2]. Но нужно ли было для Михаила признаніе со стороны государя, правъ котораго на господство въ Византіи онъ самъ никогда не признавалъ? нужно ли оно было для того, кто съ первыхъ дней царствованія, какъ видно изъ свидѣтельства современныхъ писателей, поставилъ главною задачею всей дѣятельности своей изгнаніе Латинцевъ изъ древней столицы Византійской имперіи? [3]. Вѣрный такой цѣли, онъ съ насмѣшкою отвѣчалъ на требованія пословъ: «что не можетъ уступить имъ города Ѳессалоники, потому что почитаетъ его своею родиною, и въ немъ былъ намѣстникомъ, въ немъ скончался и погребенъ его отецъ; не уступитъ ни страны до Сереса, которая нѣкогда была ввѣрена его собственному управленію, была мѣстомъ его первыхъ подвиговъ, ни области Волерской, гдѣ предавался наслажденіямъ охоты, отъ которыхъ и теперь не намѣренъ отказываться». Наконецъ, когда послы потребовали отъ него рѣшительнаго отвѣта, онъ наотрѣзъ объявилъ, что, для утвержденія прочнаго мира, Балдуинъ долженъ платить ему дань, равную торговымъ пошлинамъ, собираемымъ въ Константинополѣ, и, въ случаѣ отказа, угрожалъ войною Латинцамъ [4].

---

[1] Sabellicus (Ennead. 9, l. 6): «reliquerat Theodorus Michaelem cognomento Palaeologum filiis tutorem, fecitque ea res fidem Balduino et Venetis futurae pacis etc.»

[2] G. Acrop. C. 78.

[3] Тамъ же, гл. 83: «ἅπασα γὰρ ἦν αὐτῷ σπουδὴ καὶ ἅπας σκοπὸς τῆς τῶν Λατίνων χειρὸς ἀναρπάσασθαι (Константинополь).» Въ Monachi Patavini Chr. (Mur. VIII, p. 716): «Palaeologus aspirare coepit ad Imperium Romaniae, qualiter urbem Constantinopolim possit invadere, quam gens Catholica Venetorum sola cum infinitis expensis, periculo et labore maximo defendebat.» Въ Хроникѣ Дороѳея, Архіепископа Монемвасійскаго, извлеченной изъ болѣе древнихъ памятниковъ: «καὶ ἐσυλλογίζετο πῶς νὰ τὸ ἀπιχειρισθῇ, καὶ νὰ καθήῃ εἰς τὸν βασιλικὸν θρόνον τῆς Κωνσταντινουπόλεως (34 стр. въ изд. Бюшона).»

[4] G. Acrop. C. 78: «ἐθέλω τοὺς ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει Λατίνους πρὸς τὴν τῶν Ῥωμαίων τελεῖν ἀρχὴν μερίδα μὲν τὴν ἐκ τοῦ κομ-

Въ самомъ дѣлѣ, задержанный только раздорами съ патріархомъ Арсеніемъ, который съ негодованіемъ видѣлъ устраненіе отъ престола законнаго наслѣдника имперіи, Михаилъ Палеологъ, вскорѣ по назначеніи новаго первосвятителя [1], предпринялъ походъ подъ Константинополь. Городъ Селимврія былъ взятъ приступомъ; вслѣдъ за нимъ покорились побѣдителю ближайшія окрестности Византіи. Его сторону приняли и такъ называемые вольные люди (θελληματήροι), жившіе у самыхъ стѣнъ Константинополя, и не признававшіе надъ собою власти ни Латинскаго, ни Никейскаго императора, но, какъ Греки по языку, вѣрѣ и обычаямъ, давно готовые содѣйствовать предпріятіямъ послѣдняго [2]. Палеологъ осадилъ Галату, предмѣстіе, отдѣленное отъ Константинополя гаванью. Однако всѣ приступы были неудачны: осаждающіе не имѣли кораблей, чтобъ отрѣзать сообщеніе съ столицею, безпрерывно посылавшею подкрѣпленія; надежда на обѣщанія одного Французскаго рыцаря предать городъ безъ кровопролитія также оказалась ложною [3]. Получивъ, между тѣмъ, извѣстіе о новомъ вторженіи Монголовъ во владѣнія султана Иконійскаго, Михаилъ рѣшился отступить; но укрѣпилъ ближайшія къ Византіи мѣста, и оставилъ въ нихъ гарнизоны, имѣвшіе предписаніе тревожить Латинцевъ безпрерывными набѣгами, чтобъ они, по выраженію Никифора Григорія, «не осмѣливались и выглядывать изъ-за стѣнъ своихъ» [4]. Самъ Балдуинъ просилъ отступавшаго императора о мирѣ, въ которомъ онъ, по словамъ Пахимера, отказалъ. Если же, согласно съ свидѣтельствомъ Георгія Акрополита [5], заключено перемиріе на одинъ годъ, то и оно, какъ увидимъ, было нарушено до истеченія срока.

μερκίου αὐτῶν, τὴν ἀνάλογον ὡσαύτως εἴσοδον· εἰ ταῦτά μοι παραδοχεῖν ὑποσχοίητε εἰς εἰρήνην δυιέρχομαι· εἰ δ' οὖν, ἀλλ' ἔστω μάχη, ἥτις σὺν θεῷ φάναι μᾶλλον λυσιτελήσει Ῥωμαίοις.»

[1] Pachym. L. II, C. 15, 17; Nic. Greg. l. 4, C. 1.

[2] Pachym. l. II, C. 14. Показанія этого современника подробнѣе и достовѣрнѣе разсказа Никифора Григорія, который и жилъ гораздо позднѣе.

[3] Тамъ же L. II, C. 20 и G. Acrop. C. 83.

[4] *ὡς μηδὲ προκύπτειν ἐᾶν εἰ δυνατὸν αὐτοὺς τῶν τειχῶν* (l. 4, C. 1).

[5] G. Acrop. C. 83.

Первая неудача не заставила Михаила отказаться отъ предпріятія, которое онъ отложилъ только до болѣе благопріятнаго времени, стараясь, между тѣмъ, подкрѣпить себя союзомъ съ Генуэзцами. Соперники Венеціянцевъ на морѣ обязались, при новомъ походѣ противъ Константинополя, присоединиться къ нему съ 16 галерами, за что императоръ Никейскій предоставлялъ имъ свободу отъ пошлинъ и разныя торговыя льготы въ своихъ владѣніяхъ. Договоръ былъ заключенъ въ Мартѣ, и ратификованъ Генуэзскою общиною 10 Іюля 1261 года [1]. Относительно выполненія его существуютъ два мнѣнія. Гиббонъ думаетъ, что Греческіе писатели съ умысломъ умалчиваютъ о Генуэзскомъ подкрѣпленіи, чтобъ приписать всю славу взятія Константинополя Грекамъ [2]; и ссылается на извѣстія Виллани [3], Нангиса и посланіе папы Урбана IV, грозившаго, за союзъ съ Греками, лишить Геную архіепископа. Но первые два свидѣтеля, хотя и безпристрастные, однако не бывшіе очевидцами и отдаленные отъ театра дѣйствія, могли и здѣсь, какъ во многомъ другомъ, ошибиться, повѣривъ ложнымъ слухамъ, могли обѣщанную помощь принять за оказанную; папа говоритъ болѣе о союзѣ, нежели о дѣятельномъ подкрѣпленіи. Между тѣмъ изъ другихъ источниковъ ясно видно, что Генуэзцы не участвовали во взятіи Константинополя. Если вообще молчаніе Греческихъ историковъ-очевидцевъ относительно чуждой помощи и не можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ ея отсутствія, то, при всемъ томъ, нельзя не обратить вниманія на свидѣтельство Никифора Григорія, который прямо говоритъ, что Императоръ обѣщалъ даровать Генуэзцамъ преимущества въ торговлѣ, если они подадутъ помощь противъ Латинцевъ Константинопольскихъ, и, по взятіи города, сдержалъ свое

---

[1] Весь договоръ приводитъ Бюшонъ въ Rech. et Mat. P. I, Appendice E, p. 462.

[2] «The Greeks, ashamed of any foreign aid, disguise the alliance and succour of the Genoese.» (гл. 61).

[3] Въ Hist. Fiorentine l. 6, C. 71 (Mur. XIII): «Paleologo, Imperadore de' Greci con la forza de' Genovesi, i quali con lore galee e navilio l'adjutarono per dispetto de'Vinitiani loro nemici prese la città de Gonstantinopoli.»

обѣщаніе, хотя и овладѣлъ имъ безъ ихъ помощи [1]. То же самое явствуетъ и изъ разсказа Генуэзской хроники Каффаро [2] и еще болѣе изъ самаго договора. Онъ былъ подтвержденъ въ Генуѣ въ Іюлѣ, и военныя дѣйствія должны были начаться въ Сентябрѣ, а, между тѣмъ, Греки уже овладѣли Константинополемъ. Флотъ, выступившій изъ Генуи, опоздалъ такъ точно, какъ и галеры, отправленныя, вслѣдствіе просьбы Балдуина II, Венеціянцами подъ предводительствомъ Іакова Квирини [3]. Безъ сомнѣнія и Дандоло упомянулъ бы о содѣйствіи Генуэзцевъ ко взятію Константинополя: и между тѣмъ, онъ говоритъ о союзѣ Палеолога съ соперниками своего отечества только послѣ этой катастрофы, когда флотъ ихъ, въ самомъ дѣлѣ, присоединился къ Греческому флоту [4].

Непріязненныя дѣйствія деспота Михаила и опасенія со стороны Булгарскаго царя, побуждаемаго супругою, сестрою юнаго Іоанна, къ войнѣ съ похитителемъ Никейскаго престола [5], заставили Палеолога отправить въ Европу значительное войско, подъ предводительствомъ брата своего Іоанна, и, вслѣдъ за нимъ, кесаря Алексія Стратегопула съ небольшимъ наблюдательнымъ отрядомъ. Послѣдній, по-видимому, имѣлъ предписаніе потревожить и Латинцевъ внезапнымъ появленіемъ близъ Константинополя, но не долженъ былъ предпринимать ничего рѣшительнаго противъ города, предмѣстія котораго самъ Палеологъ не могъ взять съ многочисленнымъ войскомъ [6]. Не перемиріе, какъ думаетъ Дю-Канжъ [7], а слабость отряда была причиною такого предписанія, тѣмъ болѣе, что перемиріе, кажется, было нарушено и самими Латинцами, предпри-

---

[1] Nic. Greg. L. IV, C. 5: «ὁ δὴ καὶ πεπλήρωκε νῦν, καὶ ταῦτα δίχα τῆς ὀφῶν βοηθείας γενόμενος αὐτῆς ἐγκρατής.»

[2] См. Muratori Script. Rer. Ital. T. VI.

[3] Mar. Sanuto: «E nota ch'era stata fatta armata pe' Veneziani, per mandarla in favore dell' imperadore Baldovino, di alcune galere, capitano Iacopo Quirini, ma non andò a tempo.

[4] Mur. T. XII, p. 370.

[5] G. Acrop. C. 84.

[6] Тамъ же, гл. 85: «καὶ μέχρι τῶν πυλῶν αὐτῆς ἐπιδραμεῖν τὰ στρατεύματα, ὡς ἂν πτοία παρ' αὐτῶν τοῖς οὖσιν ἐντὸς Λατίνοις ἐγγένηται.» Почти то же говоритъ и Никифоръ Григорій (L. IV, c. 2).

[7] L. V, ch. 23.

нявшими осаду Дафнузіи. Убѣжденія пылкаго, предпріимчиваго подесты Венеціянскаго, Марко Граденнго, по словамъ Георгія Акрополита [1], увлекли, съ Венеціянскимъ флотомъ, большую часть защитниковъ Константинополя, обманутыхъ ложнымъ обѣщаніемъ коменданта Дафнузіи сдаться при первомъ появленіи Латинцевъ. Если послѣднее обстоятельство достовѣрно [2], то нельзя не подозрѣвать тайной связи между обѣщаніемъ коменданта и предпріятіемъ Стратегопула, хотя самъ императоръ, по свидѣтельству Греческихъ историковъ, долго не вѣрилъ успѣху предпріятія, для него неожиданнаго. Какъ бы то ни было, отсутствіе защитниковъ Константинополя дало Стратегопулу возможность, при содѣйствіи окрестныхъ жителей, овладѣть имъ и съ небольшимъ отрядомъ. Подробное описаніе всей катастрофы находится только у Греческихъ историковъ [3]: но не вѣря буквально показанію Никифора Григорія объ 800 витязяхъ, совершившихъ завоеваніе, мы не можемъ согласиться и съ Западными источниками, которые говорятъ о многочисленности Никейскаго войска [4]. Отрядъ Стратегопула могъ увеличиться во Ѳракіи только немногими тысячьми, и притомъ не прежде, какъ въ минуту завоеванія: иначе онъ возбудилъ бы опасенія Латинцевъ. Вообще западные писатели только кратко говорятъ о завоеваніи, приписывая его измѣнѣ и тайнымъ сношеніямъ Палеолога съ Греческимъ населеніемъ [5]; послѣднее обстоятельство отчасти подтверждается и Византійскими историками. Ясно, что Греки, и въ самой столицѣ, не

---

[1] G. Acrop. C. 85.

[2] Оно подтверждается и вступленіемъ въ исторію Вильгардуена, которое находится въ спискѣ подъ N. 9644 въ Пар. кор. библ: «Potestas verò Venetorum, nomine dominus Marino Gradonico, egressus erat terram cum exercitu galearum, ut iret et dampnificaret inimicos Grecos et accip ret quandam terram que ei fuerat promissa dari; verum se invenit deceptum; quia proditores qui erant in Constantinopoli, dextrum habentes, quomodò terra erat evacuata gentibus, dederunt ipsam terram Imp. Chyer Micali Palealogo greco etc.»

[3] Pachym. l. II, C. 27; Nic. Greg. l. IV, C. 2; G. Acrop. C. 85; Phrantzes l. I, C. 2.

[4] См. Du Cange: l. V, C. 2.

[5] Monachi Patavini chron. (Mur. VIII, p. 716): (Pal.) corrupuit quosdam impios homines in urbe Constantinopoli habitantes, qui firmiter promiserunt ei tempore opportuno tradere civitatem; также Dand. chron; Sabellici Dec. l. 10; Mar. Sanuti l. 3 etc.

терпѣли чужеземнаго, иновѣрнаго владычества; до послѣдней минуты не могли примириться съ нимъ, и были увѣрены, что оно когда нибудь должно кончиться. Даже окрестные жители, пользовавшіеся, какъ мы видѣли, нѣкоторою самостоятельностью, были готовы пожертвовать своею свободою утѣшительной для всѣхъ Грековъ мысли видѣть, на священномъ престолѣ преемниковъ Константина Великаго, Императора Православнаго и природнаго Грека.

Пятьдесять отборныхъ воиновъ проникли, подъ прикрытіемъ ночнаго мрака, во внутренность города чрезъ тайный проходъ, открытый наканунѣ; отворили ворота своимъ товарищамъ; и, предъ разсвѣтомъ, Кесарь, со всѣмъ отрядомъ, былъ уже въ Византіи. Минутная нерѣшительность предводителя, при видѣ соратниковъ, малочисленныхъ въ сравненіи съ населеніемъ города, уступила убѣжденіямъ окрестныхъ жителей, которые содѣйствовали всему предпріятію, и которыхъ интересы были теперь тѣсно связаны съ его успѣхомъ. Пробудившіеся Латинцы взялись за оружіе; витязи, осаждавшіе Дафнузію, уже прежде получили извѣстіе о появленіи Стратегопула подъ Константинополемъ, и спѣшили на помощь къ своимъ соотечественникамъ. Но, между тѣмъ, полководецъ Никейскій успѣлъ, волею и неволею, присоединить къ своему отряду Грековъ Византійскихъ [1], и зажегъ городъ, чтобъ заставить Латинскихъ воиновъ, выходившихъ уже на берегъ, думать только о спасеніи собственныхъ семействъ, которыя изъ пылавшихъ домовъ стремились къ нимъ на корабли [2]. Бѣгство вскорѣ сдѣлалось общимъ, и Стратегопулъ не препятствовалъ ему. Балдуинъ былъ однимъ изъ первыхъ, отчаявшихся въ возможности удержаться въ Константинополѣ: сбросивъ съ себя знаки своего достоинства, онъ, на рыбачьей лодкѣ, достигнулъ Венеціянскихъ кораблей. За нимъ послѣдовалъ патріархъ и большая часть Латинцевъ. Бѣглецы поспѣшили отплытіемъ къ острову Негропонту; но, по выраженію Никифора Григорія, много разъ повторяли послѣднее прости!

---

[1] Pach. l. II, C. 28: »Τοὺς Ῥωμαΐζοντας προσκαλεῖται, οἱ καὶ ὡς ἑκόντες ἀκόντες τε συνήργουν τοῖς ἡμετέροις..»

[2] G. Acrop. и Nic. Greg.; Пахимеръ приписываетъ зажженіе города совѣту одного изъ бывшихъ служителей Балдуина.

своему незаконному отечеству [1]. Число ихъ было такъ велико, что многіе, не достигнувъ мѣста назначенія, умерли съ голода [2].

Такъ пала, 25 Іюля 1261 года, Латинская имперія, основаніе которой было сопряжено съ столь кровопролитными переворотами, между тѣмъ какъ для разрушенія жалкихъ остатковъ довольно было ничтожнаго отряда, отправленнаго не для завоеванія, а только для развѣдыванія. Михаилъ Палеологъ, сначала не вѣрившій извѣстію о неожиданной для него катастрофѣ [3], вступилъ, 15 Августа, въ день Успенія Богоматери, за торжественнымъ крестнымъ ходомъ изъ Косьмы-Даміанскаго монастыря, чрезъ Златыя врата, въ древнюю столицу Константина Великаго, слѣдуя за иконою Богоматери пѣшкомъ, съ обнаженною головою и безъ всякихъ знаковъ царскаго достоинства [4]. Въ эту торжественную минуту, приписывалъ онъ освобожденіе столицы отъ власти иноземцевъ заступленію Пресвятой Дѣвы; не забылъ однако, впослѣдствіи, присоединить, въ надписяхъ, къ имени своему титулъ возстановителя Греческой имперіи и новаго Константина. И не только льстецы величали Михаила знаменитѣйшимъ между самодержцами, славою и ужасомъ четырехъ странъ свѣта [5]: изгнаніе Латинцевъ должно было окружить его имя новымъ блескомъ и во взорахъ подданныхъ, и во взорахъ народовъ отдаленныхъ. Привѣтствуемый, какъ избавитель, кликами жителей древней столицы, не знавшихъ предѣловъ въ своей радости [6], императоръ принялъ всѣ мѣры, чтобъ уничтожить слѣды запу-

---

[1] »Μακρὰ καὶ αὐτοὶ χαίρειν εἰπόντες τὴν νόθον πατρίδα.»

[2] Monachi Patavini chr. (Mur. VIII, p. 716): Verumtamen, propter nimiam hominum multitudinem et victualium paucitatem, multi utriusque sexus oppressi dirae famis angustia, in navibus, antequam portum attingerent, perierunt.

[3] Pach. l. II, C. 30; G. Acrop. C. 86.

[4] Тамъ же, гл. 31 и 88: «omni regiae majestatis fastu velut tali ceremoniae non congruente prorsus deposito.»

[5] G. Metochit. Orat. prim. hist: ὁ κλεῖνος ἐν Αὐτοκράτορσι Μιχαὴλ τὸ μέγα τῆς ἑῴας καὶ ἑσπερίου ὄνομα, μᾶλλον δὲ τῆς οἰκουμένης τεττραμερεία etc.

[6] G. Acrop. C. 88: ἐν εὐφροσύνῃ γοῦν καὶ θυμηδίᾳ πολλῇ καὶ ἁπλέτῳ χαρᾷ τὸ Ῥωμαϊκὸν τῷ τότε γεγένηται πλήρωμα· οὐδεὶς γὰρ ἦν ὁ μὴ σκιρτῶν τε καὶ ἀγαλλόμενος etc.»

стѣнія и разрушенія, вездѣ оставленные владычествомъ чужеземцевъ, которые, по выраженію Греческихъ писателей, какъ бы не надѣясь на прочность его [1], не только не поддерживали, но и разрушали древніе памятники и зданія.

Между тѣмъ Балдуинъ, благополучно прибывъ въ Италію, возобновилъ прежнія, унизительныя путешествія по Западной Европѣ, съ тою только разницею, что прежде онъ умолялъ о подаяніи и подкрѣпленіи для поддержанія трона, грозившаго паденіемъ, теперь для возвращенія утраченнаго. Вѣрная спутница въ несчастіи, супруга его, не уступала вѣнценосному изгнаннику въ усердіи, съ которымъ объѣзжала Дворы королей и ихъ вассаловъ [2]. Но ни папа, сожалѣвшій о паденіи Католицизма въ Византіи, ни Венеціянцы, нѣсколько разъ готовившіеся къ войнѣ съ Греками [3], ни Карлъ Анжуйскій, вступившій въ родственныя связи съ Балдуиномъ, не могли возвратить невозвратимаго. Михаилъ Палеологъ, въ рѣшительную минуту, ослабилъ дѣятельность Римскаго Іерарха согласіемъ на соединеніе Церквей, и тѣмъ побудилъ его воспрепятствовать предпріятію властолюбиваго короля Неаполитанскаго [4]. Когда жъ мнимое соединеніе оказалось несбыточнымъ, и противъ него наконецъ составился союзъ между папою, Латинскимъ Императоромъ, Карломъ Анжуйскимъ и Венеціею—пораженіе передоваго отряда союзниковъ при Бѣлградѣ и, еще болѣе, искусное вмѣшательство Императора Греческаго въ возстаніе Сициліянцевъ навсегда положили предѣлъ попыткамъ возобновить Латинскую имперію [5].

---

[1] Nic. Greg. l. IV, C. 2: *ὥσπερ ἀπιστούντων τῶν Λατίνων τῇ ταύτης ἐς τέλος οἰκήσει, οἶμαι, τοῦ θείου τὸ μέλλον φωναῖς ἀλαλήτοις ὄφιδιν ὑποσημαίνοντος.*

[2] Въ вышеприведенномъ манускриптѣ подъ N. 9644 Пар. библ: «Domina vero imperatrix uxor ejus precesserat ad petendum auxilia regum, principum et baronum et aliorum quorumcunque fidelium etc».

[3] Mar. Sanuti L. Secr. Fid. Cr. l. II, p. 4, C. 18: Perdita vero Constantinopoli, Veneti per XXX annos et ultra, ad recuperationem ipsius fideliter laborarunt.

[4] Pachym. l. III, C. 10 etc.

[5] См. Conspiration de I. Prochyta (trad. p. Buchon); также Cronica del rey en En Pere e dels seus antecessors passats, per Bernat d'Esclot. etc.

Балдуинъ II умеръ въ 1272 году. Сынъ его Филиппъ, вступившій въ бракъ съ дочерью Карла Анжуйскаго, принялъ титулъ императора Константинопольскаго: пустой, мертвый титулъ, одинъ изъ тѣхъ, которые, по выраженію Де-Бо, только суетное тщеславіе почитаетъ почетными, между тѣмъ какъ просвѣщенная гордость должна бъ стараться предать ихъ забвенію, какъ напоминающіе не только несчастія предковъ, но и ошибки, тѣсно связанныя съ утратою дѣйствительности владѣнія. Онъ переходилъ изъ рода въ родъ въ женскомъ колѣнѣ потомства Филиппа I [1]. Наконецъ, смертію послѣдняго изъ титулярныхъ императоровъ Константинопольскихъ, Іакова де-Бо, герцога Андрійскаго, угасъ, въ 1383-мъ году, въ безмолвіи и забвеніи титулъ, слишкомъ громкій для частнаго человѣка [2].

---

[1] См. Генеалог. таблицы Бюшона и Дю-Канжа. Титулярные Императоры Латинскіе были: Филиппъ I, сынъ Балдуина II; Карлъ Валуа, супругъ дочери Филиппа; Филиппъ II, князь Тарентскій, зять Карла; Робертъ II и Филиппъ III, сыновья Филиппа II и Екатерины Валуа, и наконецъ Іаковъ де-Бо, сынъ ихъ дочери.

[2] См. Rech. et Mat. p. Buchon и его Nouv. Recherches.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1.

Латинская имперія была феодальною конфедераціею, въ которой, не смотря на ея кратковременное существованіе, замѣтно стремленіе сильнѣйшихъ членовъ къ самостоятельности.

2.

Въ положеніи Латинскаго императора въ Константинополѣ много аналогическаго какъ съ положеніемъ Германскихъ куниговъ, водворившихся, въ эпоху великаго переселенія народовъ, со своими дружинами, на Римской почвѣ, такъ и съ положеніемъ, въ средніе вѣки, главы феодальнаго общества въ Германіи: но, въ первомъ случаѣ, сходство ограничивается, бо́льшею частью, отношеніями внѣшними при самомъ завоеваніи; во второмъ, оно видоизмѣняется до безконечности великимъ различіемъ въ силахъ и самыхъ условіяхъ существованія обѣихъ имперій.

3.

Латинская имперія, въ составныхъ элементахъ, равно какъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ своихъ, представляетъ совершенное сходство съ королевствомъ Іерусалимскимъ: только республиканскій элементъ получилъ въ ней несравненно большее развитіе, нежели въ Палестинѣ; и, вмѣсто борьбы съ Мусульманами, является на первомъ планѣ такая же борьба на жизнь и смерть съ Греками.

4.

Государственная организація Латинской имперіи была, нѣкоторымъ образомъ, сколкомъ съ организаціи королевства Іерусалимскаго; и постановленія Іерусалимскія (Assisiae regni Hierosolymitani) были введены и дѣйствовали на всемъ пространствѣ завоеванія 1204 года.

5.

Борьба феодальнаго общества съ духовною властью ограничивалась, въ Латинской имперіи, почти исключительно, спорами за церковныя имѣнія; и глава и члены перваго, упорно сопротивляясь мѣстному духовенству, почти всегда уступали могущественной волѣ Римскаго іерарха.

6.

Не столько личные недостатки послѣднихъ Императоровъ были причиною скораго паденія имперіи, сколько самыя условія ея существованія: положеніе среди враговъ, многочисленныхъ въ сравненіи съ небольшимъ числомъ чужеземцевъ, сомнительная покорность подчинившагося завоевателямъ туземнаго народонаселенія и отчасти трудность приложенія къ уцѣлѣвшей половинѣ Римскаго міра феодальной системы, въ которой Латинцы, по необходимости, должны были видѣть единственное средство для распространенія и упроченія своего господства.

7.

Греки никогда не освящали, общею покорностью, правъ побѣдителей на владычество надъ ними, правъ, основанныхъ только на силѣ меча; и непріязненное расположеніе ихъ къ завоевателямъ замѣтно, до послѣдняго дня существованія имперіи, даже въ самыхъ стѣнахъ Константинополя.

8.

Такое расположеніе, болѣе всего, поддерживалось стремленіемъ Латинскаго духовенства, отчасти не чуждымъ и свѣтской власти, подчинить Грековъ владычеству Папы и обрядамъ Католицизма: потому отсутствіе гоненій за вѣру могло быть одною изъ причинъ болѣе продолжительнаго господства Латинцевъ въ Мореѣ.

9.

Второй Латинскій Императоръ старался примирить покоренныхъ съ побѣдителями дарованіемъ первымъ всѣхъ правъ гражданскихъ: но, при упадкѣ имперіи и вліяніи разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, стремленіе это не могло получить надлежащаго развитія, и не имѣло важныхъ слѣдствій.

10.

Владѣнія независимыхъ Греческихъ государей служили точками соединенія и опоры для всѣхъ Грековъ, чуждавшихся иноземнаго владычества. Если они первоначально мало обращали вниманія на то, который изъ династовъ, объявившихъ себя независимыми, имѣетъ болѣе правъ именоваться преемникомъ Константина Великаго, то, впослѣдствіи, въ глазахъ большей части туземцевъ, всѣ права видимо сосредоточились въ лицѣ Императора Никейскаго.

11.

Послѣдній всегда почиталъ Императорское достоинство исключительно принадлежащимъ ему. Утвержденію за нимъ такихъ правъ способствовали какъ великія дарованія основателей новой династіи, такъ и разныя временныя и мѣстныя обстоятельства, въ особенности: счастливое положеніе владѣній Никейскихъ государей, пребываніе въ столицѣ ихъ Православнаго Патріарха и вѣнчаніе ихъ на царство первымъ изъ вселенскихъ пастырей Восточной Церкви.

12.

Отношенія Греческихъ владѣтелей къ Латинскимъ Императорамъ были, за исключеніемъ временнаго союза Великихъ Комненовъ съ Генрихомъ, постоянно враждебныя: ибо какъ государи Никейскіе, такъ и династы Эпирскіе (до обезсиленія ихъ первыми) имѣли предъ собою всегдашнею цѣлью — изгнаніе Латинцевъ изъ Константинополя. Всякое сближеніе между обѣими сторонами могло быть только временнымъ; и на самые миры должно смотрѣть только какъ на перемирія, въ которыхъ высказывалась слабость той или другой стороны.

13.

Временное сближеніе какъ царя Булгарскаго, такъ и Греческихъ владѣтелей съ Латинцами, находится въ тѣсной связи съ противоположностью, при одномъ общемъ стремленіи, ихъ частныхъ интересовъ: имѣя въ виду изгнаніе чужеземцевъ, каждый изъ нихъ долженъ былъ, въ то же время, смотрѣть на другаго, какъ на соперника, котораго ему надлежало уничтожить, чтобъ утвердить собственныя права.

14.

Слѣдствіемъ такой противоположности интересовъ была разрозненность борьбы туземцевъ противъ завоевателей, разрозненность, продлившая существованіе слабой Латинской имперіи, пока Никейскіе государи не усилились насчетъ другихъ владѣтелей. Завоеваніемъ древней столицы, династія Палеологовъ вполнѣ утвердила, и въ глазахъ Грековъ, и въ глазахъ другихъ народовъ, права свои на достоинство Греческихъ Императоровъ.

15.

Мнѣніе Гиббона, основанное на показаніи нѣкоторыхъ Западныхъ лѣтописцевъ, что Константинополь былъ покоренъ Греками съ помощью Генуэзцевъ, не можетъ быть принято: хотя Михаилъ Палеологъ и заключилъ съ ними наступательный союзъ до взятія столицы, но подкрѣпленіе Генуэзское прибыло уже послѣ паденія Латинской имперіи.

JUL 28 '58

Crus 855.3
Latinskie imperatory v Konstantino
Widener Library 006010317
3 2044 088 714 415